

5

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHT DEFENDING JOURNAL

СУДЬБЫ
СТОЛЕТИЯ

Российский независимый исторический и правозащитный журнал

Адрес:

390000, Россия, г.Рязань, пл. Костюшко, 3.

Для писем:

390000, Россия, Рязань-центр, а/я 20.

Телефон: (0912) 77-51-17.

E-mail:

julia@memorial.ryazan.su

Учредитель:

Редакция независимой газеты "Рязанский вестник". Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации 29.12.1992. Свидетельство о регистрации N 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середя

Сергей Романов

Олег Шубин

Петр Митцнер

Виктор Лозинский

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Сохранность рукописей, фотоматериалов и документов гарантируется.

Над номером работали:

А. Блинушов, В. Дылевский, В. Романов, С. Романов, Ю. Середя, Т. Поспелова.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"

390000, Рязань, ул. Кольцова, 16.

Заказ N7.

Подписано в печать 30.05.1994.

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «МЕМОРИАЛ», учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

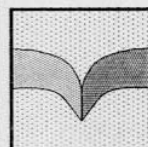
П. МИТЦНЕР Последняя концентрация <i>Трагедия польских антифашистов</i>	3
А. БЛИНУШОВ «Здравствуй, отец...» <i>Партизанский командир в советском концлагере</i>	10
«Мы вернемся в Варшаву...» <i>Список поляков, погибших в лагере НКВД N178-454</i>	11
И. ЕВСТИФЕЕВ, В. ПАНКРАТОВ Солдаты второй войны <i>Фоторепортаж о создании мемориала памяти</i>	12
А. ПАШКОВ, Г. ДУДАРЕЦ Депортации на Сахалине <i>Репрессивная политика СССР на Дальнем Востоке</i>	14
С. ПАНФИЛОВ «Я – боюсь...» <i>Судьба эмигранта</i>	18
«Уровень общества = уровень права» Интервью с А. ГОРЕЛИКОМ <i>Правозащитные организации России</i>	27
А. ДАНИЭЛЬ Самиздат: поиски определения <i>Из истории инакомыслия</i>	33
А. СОКОЛОВ Судьба самурая <i>Японцы в ГУЛАГе</i>	40
«Мы никогда не мстили мертвецам?» <i>Лагерные кладбища Нижнего Тагила</i>	43
Архив. Документы обличают <i>Коммунистический террор в действии</i>	45
«И вот пришли...», «Блошиный» срок <i>Почта «Карты»</i>	46
Права человека – свобода слова – гражданское общество <i>Проект Российского Центра «Карта»</i>	47

Журнал «Карта» издается при содействии:

Международного историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал»

Фирмы оргтехники Антониуса Гуттермана (Мюнстер)

Полиграфической фирмы Петера Ломманна (Мюнстер)

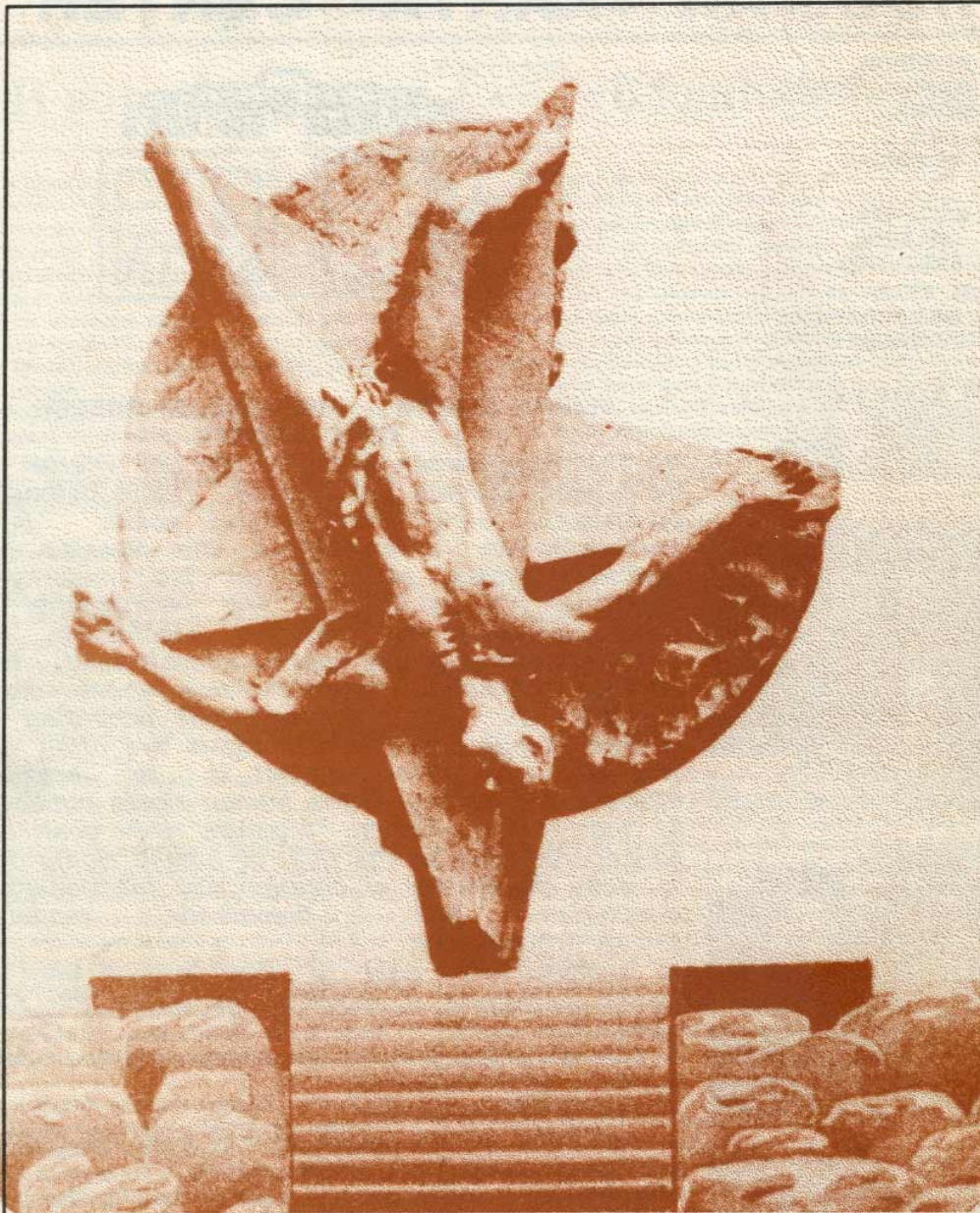
Полиграфической фирмы ТОО «Сервис» (Рязань)

Института Демократии в Восточной Европе (IDEE)

Бизнесмена Владимира Панкратова (Рязань)

Котлас – «ворота ГУЛАГа». В 30-е годы этот район был огромным пересыльным лагерем, здесь оборвалась жизнь тысяч людей различных национальностей.

Усилиями котласского историко-просветительского общества «Совесть», по проекту заслуженного художника Российской Федерации Петра Чаплыгина, в городе начато строительство памятника жертвам политических репрессий.

Мы обращаемся к тем, кому дорога память о безвинно загубленных: помогите собрать средства на строительство!

Наш р/счет: N 000700140 в Котласском отделении Промстройбанка РФ.

Наш адрес: Архангельская обл, г. Котлас, ул. Виноградова, 22.

«Разрезать знамя на куски. Раздать солдатам. Пусть возьмут в дорогу. Пусть лежит на сердце.»

*Казимеж Вержиньски
«К роспуску Армии Крайовой.»*

Местом последнего сосредоточения Армии Крайовой стали советские лагеря. С января по август 1944 года очередные округа АК приступали к операции «Буря». Солдаты польского подполья теперь уже более открыто боролись с немцами. Зачастую рядом с советскими солдатами. Но на следующий же день после прихода советских войск их разоружали и арестовывали.

22 августа 1944 года из Виленского округа было отправлено донесение в Главное Командование АК: «Уже месяц не имеем директив ГК относительно отношения к советским, которые проводят враждебную и истребительную политику. Подразделения АК разоружаются и вывозятся в Калугу. (...) Необходимо срочное дипломатическое вмешательство и принципиальные директивы.»

Запад молчал, подпольные власти были бессильны. Около 17 тысяч АКовцев попали в лагеря. Они были в отчаянии. Их принудили к бездействию, хотя война еще продолжалась.

В лагерях бойцы встречали своих командиров, которых до сих пор знали только по псевдонимам. В Дягилево под Рязанью находились генералы: Казимеж Тумидайский («Марчин»), Владислав Филипковский («Янка»), Людвиг Биттнер («Галька») и Александр Кшижановский («Волк»). Конспиративные войсковые структуры воспроизводились в условиях ГУЛАГа. Таким образом произошла последняя концентрация АК. В концлагерях НКВД. Многие были сломлены, но большинство сопротивлялось лагерной угнетенности, слезке, апатии.

Пройдя через Майданек, Осташков и другие лагеря польские антифашисты оказались в центре исконной России. Спецлагерь в селе Дягилево под Рязанью был самым многочисленным. Ввиду близости города, его называли рязанским лагерем. Арестованные после операции «Буря» находились там с августа 1944 по июль 1947 года.

Рязань не была типичным местом ссылки. Однако поляки содержались здесь и раньше. Первым был Шимон Токажевский — многократный каторжник, который в 1862 году отбывал срок в рязанской тюрьме по одному из приговоров за предостанческую деятельность. В 1915-1918 г.г. в Рязани был лагерь для военнопленных поляков (и других славян) из австро-венгерской армии и Легионов. Почти 3 года (вплоть до побега) здесь находился Казимеж Вержиньски. (известный польский поэт — РЕД.)

В 1943 году в деревне Сельцы на Оке, в 35 километрах от Рязани, создавалась Первая пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко. А в самом городе, до января 1945, года находилось офицерское училище для «народной» армии. Оно занимало здание, в котором находились в заключении поляки во время первой мировой войны.

Почему советские власти выбрали этот же город для заключенных солдат АК? Может быть это вытекало из каких-нибудь военно-политических планов, а может — обычное лицемерие.

В Дягилево было, строго говоря, два лагеря (точнее — лагпункта), в которых содержались поляки. С 27 августа 1944 года до середины апреля 1945 г. они находились в «младшем» лагере, расположенном в нескольких километрах от Рязани. К моменту прибытия туда первой партии АКовцев он играл роль фильтрационного лагеря для добровольцев дивизии имени Костюшко. С этого момента в нем содержалось 450-500 человек. После голодовки в марте 1945 г. заключенных перевели в «старший» лагерь, отстоящий от Рязани на 5-6 км. В нем находилось от 1500 до 2000, а по некоторым сведениям, и до 3000 человек.

До сих пор точно неизвестно, сколько лагерей было в Рязанской области. Еще недоступны все советские документы, не хватает свидетелей. Мало, к примеру, известно о лагере, располагавшемся на берегу Оки рядом с местом формирования Первой дивизии имени Костюшко. Там еще зимой 1944-45 г.г. находились исхудавшие, принуждаемые к каторжному труду гражданские лица, вывезенные из Виленщины в 1940 году.

В дягилевских лагерях содержались, в основном, солдаты АК, в том числе женщины. Было также немного гражданских, солдат Польской народной армии из центральной Польши и офицеров-«костюшковцев». Из Люблина привезли небольшую группу поляков-колaborационистов периода немецкой оккупации. Сюда же попали на «госпроверку» русские — реэмигранты с Запада.

Поляки в Дягилево сидели без приговоров. Формально их считали интернированными. (Бывшие заключенные утверждают, что такое определение по отношению к ним стало применяться лишь после окончания войны — в мае 1945 г.) По лагерю можно было свободно перемещаться, офицеры не принуждались к труду. Позволялось организовывать концерты, шахматные турниры. Существовал лагерный театр «Наша будка» (естественно с цензурой). Среди заключенных было несколько ксендзов, которым разрешалось проведение богослужений.

А вот переписка была строго запрещена. К самым запрещенным предметам причислялась бумага — при обысках отбирали самые мелкие клочки. Большинство семей почти три года не имели вестей от своих близких.

От мира тщательно скрывалось существование «спецлагеря» в Дягилево. Многие из заключенных попадали в Рязанскую городскую тюрьму и там пропадали без вести. Заболевших отправляли в «спецгоспиталь» №4791 в городе Скопине Рязанской области. Случалось, что ослабленные голодом заключенные умирали. Их хоронили на лагерьном кладбище (возле железнодорожной платформы Недостоево).

Запуганные приговором, ссылкой, допросами, смертями несколько десятков заключенных начали демонстрировать свои левые взгляды. Хотели убедить коменданта и НКВД в своем «исправлении». Создали «клуб демократов», имели собственный театр «Искра» и газетку «Рабочий». Советские власти оценили их труды и... не включали в списки освобождавшихся. Кроме того, как везде, были среди польских заключенных и предатели и доносчики.

Трудно сказать, что решило вопрос о закрытии лагеря в Дягилево. Может быть причиной послужила голодовка в конце июня 1947 года. Известно, что еще в марте Юзеф Циранкевич и А.Вышинский — Генеральный прокурор СССР — обменялись письмами по вопросу освобождения «поляков, интернированных при очистке тылов во время войны».

Однако дорога в Польшу вела через другие советские лагеря, в которых по несколько месяцев держали АКовцев. После июньской голодовки (см. «Карту» N 1) их развезли в Боровичи, Череповец, Устишоры, Мочилища. По пути на родину был еще временный лагерь в Бресте, и даже оттуда некоторых отправляли вглубь России.

После разговоров с авторами воспоминаний о Рязани и Дягилево и их товарищами, у меня сложилось впечатление, что ни в лагере, ни позже они не считали себя побежденными. Но объективно говоря, они были преданы союзниками и разбиты.

Период заключения в России был их последней личной битвой. В ее описании нет особой последовательности. В основном это отдельные фрагменты и образы, слабо связанные с хронологией событий. Но пусть расскажут хотя бы они.

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

На следующий день после заселения в лагерь под Рязанью вся наша братия выселена из барakov. Территория была ограждена высоким забором из досок без ворот и щелей. В какой-то момент издали, но довольно отчетливо, донеслось по-польски: «О, мой розмарин, распускаясь...» Мы застыли. Потом молодой голос скомандовал: «Цепью!» — и за забором воцарилась тишина.

Однажды в конце сентября 1944 г. капитан Лонгин Войцеховский («Ронин») принес номер «Известий». Была в нем обширная статья о восстании в Варшаве и короткое сообщение о вступлении Красной Армии в предместье Варшавы — Прагу. Дальше — информация о существовании в СССР Союза польских патриотов во главе с Вандой Василевской и об организации, из находящихся в России поляков, войсковых подразделений, а также об офицерском училище «костюшковцев» в Рязани. Это их мы слышали поночию за забором.

В начале октября 1944 г. к нам пришел офицер НКВД и радостно сообщил, что немцы превратили Варшаву в руины. Прибавил, что нам повезло, что они нас здесь держат, потому что там мы наверняка бы погибли. Начался страшный шум и свист. Стали бросать в офицера чем попало — ботинками, шапками, инструментом. Он быстро убрался восвояси. Наступила тишина. Ждали санкций за наше поведение, однако обошлось без последствий.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

День всегда начинался в шесть часов. В семь — проверка. Разделенные на взводы, роты и батальоны, мы строились на площади пятерками. Затем командиры взводов докладывали командирам рот, те — командирам батальонов, эти — старшему по лагерю, а он сообщал численные сведения офицеру НКВД. Полковник-поляк, по стойке смирно, докладывал старшему лейтенанту. «Развлекались» так дважды в день. Это была пародия на армию, пародия на дисциплину изголодавшихся, завшивевших, тощих оборванцев, хотевших быть нормальными солдатами.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

В лагере было несколько десятков русских, вернувшихся с Запада. В Дягилево

они размещались в отдельном, окруженном проволокой бараке. Вступили с ними в контакт через общую выгребную яму. Один из них, Корчинский, юрист по образованию, был министром в правительстве Колчака.

Нас интересовало, как они здесь оказались, почему вернулись. Отвечали, обычно, одинаково — из-за тоски по родине. После войны на Западе появились красивые плакаты с призывами: Россия ждет; ее нужно восстанавливать; Сталин всех прощает. Корчинский долго колебался. Не устоял, однако, перед плакатной девушкой с красивыми косами. Blondинка стояла на ржаной ниве, протягивала руки и звала: «Папочка, вернись, я так жду тебя!» Очень напоминала ему дочь, оставшуюся в России.

Таких, как Корчинский, было очень много. Сначала они ехали в обычных вагонах, с вещами. Когда оказались на территории, оккупированной СССР, их перевели в специальные вагончики и этапировали в лагерь.

Через какое-то время из Дягилево увезли первую партию русских. После них пришла следующая. Однажды в лагере появилась специальная комиссия НКВД. Всех заключенных русских собрали на площади и объявили, что «родина их простит», если вступят в «штрафроты». Заключенных, которые не приняли это предложение, погрузили на грузовики и вывезли в неизвестном направлении.

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

В мечтах уносились самые чувствительные и активные. В первые месяцы нашего пребывания в лагере кто-то подслушал разговор между зав. кухней и советским дежурным офицером. — Поляки скоро уезжают на родину, нужно готовить лагерь. — Еще приказа нет. — Приказ уже есть, только в комендатуре... И вот вокруг этих слов строится целая легенда. То, что в ней масса несообразностей, не мешает тому, чтобы в нее уверовали. Естественно, такая сказка существовала лишь до момента появления очередной, основной, как и предыдущие, на подслушанных новостях. — Господа, такая новость! — кричит Иуда — порция сахара с того, кто хочет узнать. — Говори, говори — крики отовсюду. — Отрезать ему бороду, если врет! — Тише... Говори... Слушаем... — Час назад к нашим генералам пришел майор Козлонцев и сказал, что «наш

отъезд на родину произойдет скоро и неожиданно».

Из-за ностальгии происходили иногда нелепые случаи. Стась Пененджик сочинял стихи, наполненные глубоким мистицизмом, воспевающие различные эпизоды из жизни Иисуса и Марии. Иногда это была поразительная смесь крайнего ханжества и порнографии. В конце концов ксендз запретил ему сочинение этих произведений. Где-то в начале декабря 1944 г., когда мы уже готовились к Рождеству и Новому году, «наш Поэт» и «наш Пророк» Стась Пененджик решил устроить сеанс спиритизма.

Было уже темно. На нарах Стась поставил столик с четырьмя зажженными свечками. У столика сели по-турецки четверо посвященных и сам маэстро. Вокруг — толпа своих и даже гости из других барakov. Не видно только ксендза Орлицкого — он скептик по натуре и профессии.

Наступила полная тишина. Слышно лишь приглушенное дыхание и, как скрежет в этой тишине, кашель кого-то простуженного. Несколько десятков суровых, трезвых людей попали под влияние одного, не вполне нормального. — Дух Мицкевича... дух Мицкевича... дух Мицкевича, явись среди нас... — Поэт Адам... вызываем тебя... дай знать о своем присутствии... Тишина. Среди зрителей начинается ропот, но надежда еще не потеряна. — Стась, оставь в покое Мицкевича. Попробуй другого духа, например, Пилсудского. — Дух маршала... дух маршала, дух Пилсудского, дух Вождя, дай знак!

Легкий стук ножки столика, потом опять, и еще раз... это наверняка знак присутствия духа. Лежащие на краю столика, сжатые в кулаки руки, начинают дрожать. Медиум располагает два пальца на перевернутом блюдечке, которое тоже начинает дрожать. — Дух маршала, дай знать, что ты здесь... Блюдечко поворачивается на девяносто градусов. — Скажи нам, вернемся ли мы из неволи живыми? Блюдечко поворачивается нарисованной стрелкой в направлении написанного посреди столика слова «да». — Ответь нам, дух, это будет в этом году? Блюдечко также решительно отвечает — «нет». — Скажи нам, будем ли в будущем году дома? Опять — «нет». Появляются личные вопросы. — Скажи, маршал, жива ли моя семья?

1. Фамилия <i>Свицальский</i>	Имя <i>Адам</i>	Инициалы <i>А.С.</i>
2. Имя <i>Адам</i>	Отчество <i>Юзефович</i>	Пол <i>м.</i>
3. Отчество <i>Юзефович</i>	4. Год рождения <i>1894</i>	5. Место рождения <i>Варшава</i>
6. Адрес (по призыву) <i>Варшава ул. Св. Клементия №19</i>	7. Профессия (специальность) <i>Военнослужащий</i>	8. Образование <i>Общее среднее. Военно-инженерное училище</i>
9. Политичность <i>б/п</i>	10. Национальность <i>Польский</i>	11. Гражданство <i>Польское</i>
12. Последняя должность в армии и других органах <i>Ком. Фив 3 пол. польск Фивиз</i>	13. Последний чин или звание <i>генерал бригады</i>	

Карточка учета НКВД на генерала бригады АК Адама СВИЦАЛЬСКОГО

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Комендатура лагеря НКВД N178-454

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Лагерь Рязань-Дягилево. 1947 год
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Лагерьная «идиллия»: чекисты с ударниками-«демократами»

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

— спрашивает один из четырех, сидящих у столика. — «Да» — и сразу затем — «нет». Что это значит? — Жива ли моя мать? В ответ трагическое слово: «нет». Вопросивший вскакивает с места, кричит — чепуха! — и расстроенный, слезает с нар. Настроение угасает. Начинают расходиться. Но у столика остаются несколько человек, упорно продолжающих переговоры с духом...

Гуляли в лагере медленным шагом — в одиночку, парами, иногда группой. Было два устоявшихся маршрута — один вокруг площади, другой — вдоль колючей проволоки ограждения.

Площадь была местом научных, политических и культурных, немного романтических, разговоров и дискуссий. Оттуда доносился тихий, но не прекращающийся гул речей. Обсуждались концепции перестройки мира, организация жизни в независимой Польше и т.п. Второй маршрут обычно выбирали активисты, люди нетерпеливые, иногда горячие жадной мести. Гуляющие часто впадали в глубокую задумчивость. Их взоры блуждали за сеткой колючей проволоки, по бескрайним полям, покрытым яркой зеленью с редкими цветами. Это открытое пространство было источником различных, более или менее, утопических мыслей и проектов. В мечтах мы переживали необычайные приключения, направленные исключительно на возможность побега. Здесь вымысел имел обширнейшее поле деятельности.

Во время таких прогулок одному офицеру и пришла в голову гениальная, как ему показалось, мысль. Фармацевт по образованию и травник-любитель, он решил убедить лагерную «врачиху» в необходимости сбора лекарственных растений именно сейчас, весной. И нарисовал перед ней такую заманчивую перспективу, что она взялась добиться разрешения на выход из лагеря для «специалистов по травам».

Наш фармацевт подобрал себе четырех помощников и обучил их. Все ждали с нетерпением, будучи уверенными, что травники попытаются бежать. Лично я смотрел на все это с большим сомнением.

Для сбора трав выбрали воскресенье, ибо в этот день охрана караулит не так внимательно. Я до сих пор не могу понять как случилось, что пятеро интернированных, с

мешками за спиной, вышли из лагеря совершенно одни! Мы долго смотрели из-за проволоки, как они удалялись, и, наконец, исчезли из поля зрения...

Сразу после обеда, около 2-х часов, стало заметно какое-то подозрительное движение у комендатуры. Оказалось, что вернулись только три человека, с набитыми травой мешками, а двое, якобы, где-то заблудились. Немедленно в погоню за бежавшими были отправлены три группы с собаками. На следующий день, около полуночи, была объявлена тревога и поголовная проверка поляков. До утра продолжалась переключка и обыски в бараках.

Мы стояли, щелкая зубами от холода, на площади, окруженные со всех сторон солдатами НКВД. После нескольких часов ожидания привели беглецов. Началась длинная речь политработника НКВД. Он объяснял, что любая попытка побега бессмысленна, так как местные жители немедленно поймут и доставят в лагерь каждого беглеца. Поскольку это была первая попытка, преступники будут наказаны только семью днями карцера на хлебе и воде. В следующий раз, если во время задержания их не застрелят, их будет ждать специальный лагерь в каменоломнях или на Дальнем Севере.

Нас распустили по баракам, не спросив, есть ли у нас «вопрос». Наши постели были перевернуты, а острые предметы вроде ножей и бритв, а также все книжки и блокноты — исчезли.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

Нелегко было бежать из лагеря, окруженного тремя рядами проволоки, один из которых был высотой 3 метра. Фонари освещали поле за проволокой. На угловых вышках бодрствовала охрана с автоматическим оружием. Между вышками, привязанные цепями к проволоке, бегали сторожевые собаки.

Помню побег, организованный капитаном Яном Мицкунасом («Стерлинг»). Он всем нравился. Перед войной участвовал в Олимпиаде — в конных соревнованиях. Во время оккупации бежал из немецкого лагеря. Служил в разведке инспектора АК в Пулавах. Твердый, негнбимый, интеллигентный человек.

Была страшная, снежная пурга, мгла, погас свет. Лагерь был погружен в темноту.

Тревога! Побег! Оказалось, что бежали двое узников: Мицкунас и поручик Грациан Фрус («Щербатый»), командир 3-ей Виленской бригады. Мы были удивлены, так как они ненавидели друг друга. Мицкунас укорял «Щербатого» за то, что тот — строевой офицер с хорошей биографией, сам напросился на работу в механические мастерские на территории лагеря. Оказалось, что он изготавил там ножницы для колючей проволоки и другие инструменты. Скандалили они между собой для маскировки. В комбинезонах, сшитых из простыней, они поползли, перерезая проволоку, к месту, которое караулил прирученный пес. (Мицкунас долгое время незаметно подкармливал его) Сбежавшие удачно добрались до Вильно, а оттуда с фальшивыми документами, как репатрианты, выехали в Польшу.

Однажды ко мне обратился подпоручик Станислав Левицкий («Рожок») с предложением принять участие в побеге. Я отказался, потому что считал, что нас скоро освободят. Месяца через три лагерное начальство оповестило нас, что беглецы пойманы и вскоре будут в лагере. Так и было. Левицкий после отбытия наказания в карцере, рассказывал: «Нас поймали только потому, что мы украли барана в колхозе. Милиция устроила облаву. У нас не было документов и нас приняли за американских шпионов. Пришлось признаться в побеге из лагеря. После долгой переписки за нами прибыли два солдата из Дягилево. Когда нас привезли уже почти к лагерю, один из конвоиров начал меня бить. Я спрашиваю: «За что?» А он: «Ты бежал, когда я был в карауле». Я ему сказал, что каждый узник пользуется случаем бежать. Так было и с советскими солдатами, которые бежали из немецкого плена. В моем партизанском отряде тоже было несколько русских. Он спросил, не помню ли я их фамилии. Я стал перечислять и когда сказал: Русецкий, боец стал, как вкопанный. Выругался и говорит: «Это мой брат... Что мне с тобой делать? Мне приказано тебя застрелить. Знаешь, что меня ждет, если я не выполню приказа?» И все-таки привел меня в лагерь.»

АНЕЛЯ ВЖЕЩ

в воспоминаниях о своем муже Марьяне так рассказывает об этом побеге: в сентябре 1945 г. пятеро узников бежали из ла-

геря: мой муж, Павел Лашаевич, Станислав Левицкий, Анджей Павлицкий и Матейко. Вскоре Матейко и Левицкий вернулись — не выдержали физически.

Остальные разделились, чтобы не обращать на себя внимания и двинулись к польской границе. Иногда подъезжали поездом, но больше пешком. Мужа два раза задерживали, но так как в это время шла репатриация, он объяснял, что отстал от поезда. Пропал бы, если бы не помогали русские люди. Торговки подвозили его между мешками. Ночами заходил в деревни. Нищета была страшная, но угощали чем могли — печеной картошкой, соленым огурцом.

В октябре добрался до Бреста. Был так истощен, что боялся плыть через Буг. Зашел в костел. Никого не было. Увидел епископа, свисающего с исповедальни. Подошел, встал на колени и сказал ксендзу, что бежал. Ксендз велел сторожу спрятать мужа в ризнице и нашел человека, который мог помочь перейти через границу. Еще четыре дня он провел в Бресте, а потом под видом кочегара, на паровозе, попал в Польшу.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

Гринцевич, землемер, который с помощью Советов стал активистом, в мае 1945 года украл сапоги у своего приятеля, подполз под проволокой и бежал из лагеря. Поймали его в июле, далеко от Рязани. Назад его конвоировал сержант Воробьев и недалеко от лагеря застрелил «за попытку побега». Это была месть за то, что из-за него охранник получил несколько лет заключения.

В июле 1945 г. бежал с сенокоса Ян Гром из Чеховизны. Взял грабли и пошел. Каким-то чудом через несколько месяцев добрался до Польши. С сенокоса бежали также Чесяк, взводный 5-го полка уланов, и Мечислав Хойнловский из-под Ломжи. Их поймали в 200 км от Рязани. Из карцера их выпустили довольно быстро, но работать за проволокой им больше не пришлось.

Удался побег «Здислава Ставского» (Ришарда Рейфа), поручика Грибовского из

Дрогичина и Василювского из Кельц. Бежали из бригады КЭЧа осенью 1946 года. Хорошо знали места под Рязанью. Имели посуду, спички, рубли. Были даже фальшивые документы. Преследовал их полускадрон кавалерии НКВД. Отсиживались в болотах. Там их искали с собаками, но беглецы сыпали молотый перец и псы потеряли след. Бежали не на Запад, а на Восток. Доехали поездом до Урала, а оттуда в Вильно, где еще шла репатриация.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

К одному из моих соседей по бараку приходил ежедневно его давний знакомый. Всегда они обсуждали одно и то же: «Вернемся домой, купим свинью, зарежем, наделаем изделий...» Все обговаривали подробно: «Выведем свинью из хлева, зарежем, разделаем и... Колбасу кровяную — раз, кашанку — два...» Часами страшно скандалили, чуть до драки не доходило: «Много кладешь крупы, мало соли!...»

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

Дневная порция пищи только раздражала желудок, усиливая чувство голода. Мы хулили с ужасающей скоростью. Все чаще кто-нибудь просился работать на кухню. Этому содействовало то, что капитан Войцеховский («Ронин») из нашей роты занимал ответственный пост старшего повара и набирал себе помощников.

Однажды ночью и я стал рабочим кухни. Вместе со мной было еще пять товарищей. Мы прибыли к заведующему кухней, поручику Селицкому, большому другу советских властей. Четверых из нас усадили около корзин с картошкой и велели экономно чистить. Двое других большими ножами резали кочаны капусты. В огромных корзинах подносили резаную капусту к котлам и опрокидывали в кипящую воду. У каждого котла, на возвышении, стоял повар-поляк с длинной ложкой и помешивал. Бросили в котлы несколько ведер картофеля, но суп от этого гуще не стал. Когда же мы спросили полагат ли какой-нибудь жир или крупу, повар с усмешкой ответил: «Условно поло-

жено». Эти продукты шли только в особый котел — для советской obsługi.

Всю ночь продлилась работа на кухне. Скребли, рубили, таскали топливо. В наши обязанности входило также мытье котлов, посуды и вынос пепла. В редкие минуты, когда не было работы, приткнувшись в каком-нибудь углу, мы засыпали. Под утро нас разбудил громкий крик одного из поваров: «Суп готов!»

Съел целую миску этой баланды, литра полтора, и... никакого чувства насыщения. Взял вторую порцию, но в этот раз половину жидкости вылил. Оставшиеся на дне несколько больших, плохо порезанных капустных листьев съел и... выбежал из барака, чтобы избавиться от избытка воды в организме.

Когда вернулся, Селицкий отвел меня в сторону и вынул из шкафа полмиски густой пшенной каши. Глаза полезли у меня из орбит, рот наполнился слюной, а когда начал есть эту кашу, то с трудом мог проглотить. Долго я думал потом, что могло быть причиной такой милости. К сожалению, только однажды мне так повезло...

В начале февраля 1945 г. один из наших генералов пожелал встретиться с комендантом лагеря. Его вызвали в комнату прокурора, где был и комендант — офицер НКВД. Генерал заявил им, что с этого дня начинает индивидуальную голодную забастовку, и будет голодать до смерти, пока не будет выполнено его единственное условие — возвращение всех заключенных в этом лагере поляков на родину. «Подумаем, уведомим» — был ответ советских начальников.

На третий день лагерного начальство забеспокоилось и стало пытаться сорвать голодовку. Собрали совещание в комендатуре лагеря. Вечером в комнату к генералам ворвались два советских санитара с носилками. Пытались силой уложить на них генерала и унести в медпункт. Шум и возгласы, доносившиеся из комнаты, вызвали нашу реакцию. Поднялся страшный шум, а крики: «Бьют!... бьют!...» — разнеслись по всей территории.

Ежи ДЗЕРЖИНСКИЙ, AKovec из Вильно, племянник "железного Феликса", в 1944-47 гг. узник Дягилево.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ПОЛЯЧЕКА

Генерал Казимеж ТУМИДАЙСКИЙ погиб в лагерьном госпитале во время июльской голодовки 1947 года.

ФОТО ИЗ АРХИВА В. СТРУЧУЛЫ

Ежи ЛИТВИНЮК содержался в лагере N178-454 вместе с матерью.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ЛИТВИНЮКА

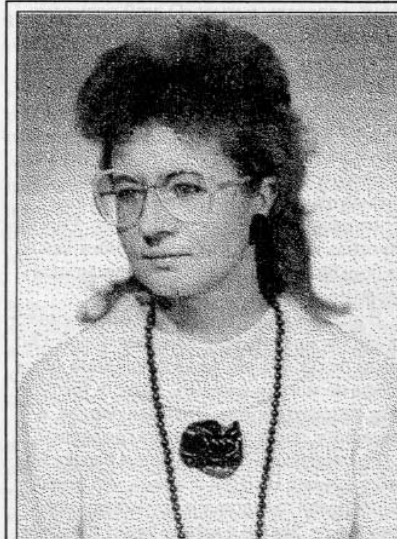
Казимера ЛИТВИНЮК, врач, заключенная лагеря 178-454

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. ЛИТВИНЮКА

Доктор Анджей КОСИНСКИЙ похоронен на лагерном кладбище в Дягилево

ФОТО ИЗ АРХИВА Я. ЗЛОХА

Боżена ВОЙЦЕХОВСКА родилась в лагере НКВД в 1946 году. В настоящее время живет в Варшаве

ФОТО ИЗ АРХИВА В. СТРЧУЛЫ

В караульной объявили тревогу и несколько десятков вооруженных солдат встали в боевой готовности в воротах лагеря. Офицер НКВД объяснял собравшимся, что никто никого не бьет. В итоге «преступника» вынесли на носилках и поместили в отдельной комнате санчасти.

Мы ждали во дворе, пока через два часа генерал не вышел сам, и не сообщил, что майор НКВД, по согласованию с Москвой, дал ему «честное слово офицера НКВД», что до 1-го мая всех отправят на родину. Я уступил, сказал генерал, объявив, что если еще раз обманут, я не пожалую жизни. Таким образом голодовка была прервана и в лагере воцарился временный покой.

В марте начало созревать общее убеждение, что нужно организовать акцию с требованием освобождения. Происходили конспиративные встречи с генералами. Окончательно признали, что только всеобщая голодовка лагеря что-то даст.

Вечером 2-го марта 1945 года произошло совещание делегатов забастовочного комитета. Решили, что 4-го марта весь лагерь приступает к голодной забастовке. Команданту решили вручить заявление для передачи руководству НКВД в Москву.

Нашлась оберточная бумага, которая после разглаживания сошла за писчую. В результате появилось примерно такое письмо на русском языке:

«Лагерь интернированных поляков в Дягилево под Рязанью N 179 объявляет с утра 4 марта 1945 г. голодовку протеста и представляет следующие требования:

- немедленный перевод в другой, более гуманный лагерь и создание лучших бытовых условий;
- прибытие в лагерь представителя польского посольства в Москве;
- обеспечение свободной переписки с родиной;
- немедленное освобождение и отправление в Польшу задержанных генералов;

д) назначение на переходный период польского руководств лагерем и выборных контролеров кухни;

е) немедленное уведомление НКВД в Москве о начатой польскими офицерами голодовке;

ж) в случае невыполнения объявленных требований, голодовка будет продолжаться до гибели последнего в лагере польского офицера.»

Делегаты договорились, что если НКВД начнет расследование и допросы, всем следует отказаться от каких-либо объяснений. Доктор Богдан Конеч научил, как следует себя вести во время голодовки, чтобы сэкономить силы, так как почти все были ослаблены физически. Ксендз «Протазы» объявил, что на своих нарах будет исповедовать желающих.

На рассвете 3-го марта начальство потребовало по одному человеку из каждой роты. Их отвели к следователю. Вызванные еще не знали о содержании заявления, тем более не были посвящены в детали, поэтому власти не могли узнать ничего кроме того, что готовится голодовка.

Вскоре после этого в наш барак вошел советский офицер с двумя охранниками и повел такую речь: «Вот что, господа, мы не потерим никакого мятежа. Мы вас всех уничтожим, паны — сукины дети...»

После обеда четверо делегатов, среди них и я, пошли в комендатуру. Без особых трудностей мы предстали перед нашим «повелителем», сидящим в углу большого кабинета за огромным столом. — Гражданин командир, завтра утром мы начинаем голодную забастовку. Пищу не будем принимать совсем. Предлагаем вам, гражданин командир, наше заявление и ждем ответа от НКВД в Москве. — Такое заявление сделал капитан и положил на стол бумагу. — Это все. Разрешите идти? — добавил в конце капитан. — Да — прозвучал ответ коменданта.

Наутро, еще до рассвета, втихую, пооди-

ночке ушли из барака все рабочие кухни. Один из них, задержанный Витком Кевличем, объяснил, что собирается голодать не прерывая работу на кухне. Естественно, всерьез его не восприняли.

Однако эта «измена» оказалась очень полезной, когда в серьезные случаях приходилось спасать жизнь некоторых товарищей. Тогда пищу могли достать только эти «отказники». Кроме того, будучи наиболее сильными физически, они самоотверженно дежурили у печки и разносили лежащим на нарах горячую воду.

В течение первых дней голодовки казалось, что никто нами не интересуется. Иногда только внезапно заходил офицер НКВД и добродушно спрашивал: — Ну как, господа, ничего вам не нужно? — Нужно — доносился ответ из глубины барака, — чтобы вы нас всех в жопу поцеловали!

Богдан Конеч, сам пошатываясь от слабости, ходил от нар к нарам и давал по полкуса сахара, если замечал ослабление сердца. Ксендз ежедневно обходил нары, исповедывал желающих и уделял кое-кому освященную крошку хлеба из ломтика, доставленного кем-нибудь с кухни.

Уже пять дней прошло с начала голодовки. Только в первые два дня я ощущал сильные боли в желудке. Потом чувство голода полностью исчезло. Мучила меня только жажда и сухость в горле. Утром, после проведенной в бреду ночи, я чувствовал головокружение. Но и это проходило, хотя и приходилось прилагать дополнительные усилия — как делегат, я должен был ежедневно общаться с другими бараками.

Однажды в глубине барака раздался резкий, нечеловеческий смех — смех идиота. Он производил жуткое впечатление. Смех прекратился также внезапно, как и начался. Вскоре послышалась молитва, обращенная к Божьей матери. Это Стась Пененджек начал свое выступление. Через минуту с другого конца стало доноситься двухголосое

пение в веселом ритме: «О, мой розмарин, распускайся...» Начался всеобщий жуткий галдеж.

Я стоял в середине барака и лихорадочно думал, как среагировать на нарастающий психоз, причиной которого был голод. Стоявший рядом со мной офицер пронзительно свистнул. Пение постепенно стихло, наступила относительная тишина. Я сказал: «Товарищи! Сохраним спокойствие. Еще неизвестно, как долго будет продолжаться наша борьба. Не дадим себя спровоцировать. Берегите силы!»

В это время доктор Конеч обнаружил того, кто так неожиданно нарушил покой. Он лежал без сознания, даже последний кусок сахара не мог его оживить. Смерть наступила от разрыва сердца. Это была первая, и, слава Богу, последняя жертва голодовки.

На следующий день в нашем бараке появился офицер НКВД и объявил, что генералы прервали голодовку и призывают нас к тому же. — Завтра в лагере будет товарищ полковник из Москвы. НКВД в Москве знает о ваших условиях. — Так подождем этого полковника.

Я пошел в комнату генералов, но у входа стояли двое вооруженных солдат. В этот же день вечером, в соседнем бараке, собрали совещание забастовочного комитета. Из анализа ситуации следовало, что это будет предпоследний день голодовки. Наши духовные и физические возможности были исчерпаны. Около полуночи из барака первой роты на носилках в больницу унесли двух товарищей. Всю ночь никто не сомкнул глаз.

На следующий день на территорию лагеря въехал огромный лимузин. Из него вышло несколько толстых сановников в блестящих фуражках. Нас вызвали в комендатуру. Вошла свита НКВД. Один другого толще, медали еле помещаются на груди. Встали напротив нас. Они — выбритые, пахнущие одеколоном, мы — воняем потом и грязью. Они — улыбающиеся, мы — мрачные.

Выступил генерал НКВД: — Ну, товарищи, товарищ Сталин согласен отправить вас на родину и велел нам вас к этому подготовить. Я, советский генерал, гарантирую, что вскоре вы покинете нашу страну, чтобы ра-

ботать на своей родине. Но прежде вы должны пройти политическое перевоспитание, чтобы лучше работать для социализма. Через две недели, может быть и раньше, вы будете переведены группами в другие спецлагеря или в офицерское училище в Рязани. Сейчас идите к своим товарищам, передайте им наше предложение и организуйте прекращение голодовки. Санитарная и медицинская службы позаботятся о вашем здоровье. Вопросы есть? — Товарищ генерал, — сказал по-русски один из наших генералов, — ваши офицеры уже столько раз обманывали нас, что нам трудно поверить в ваши слова. Но мы хотим вам верить, потому что это дает какую-то надежду, а без нее жить невозможно. Принимаем ваше предложение, хоть вы и не выполнили наших условий. Посмотрим, что будет дальше.

Разошлись по своим баракам. Самые крепкие отравились за продуктами, получили двойной паек и разделили на всех. Трудно даже представить, сколько дыму было в помещении, когда курящие получили двойную порцию табака. Прежде чем положить в рот кусок хлеба, многие умудрились выкурить по две папиросы. Последствия наступили сразу же. Многие без сил лежали на нарах, тяжело дыша. Через час, другой стали приходиться в себя.

Настроение улучшилось только тогда, когда принесли котлы с горячим, слегка подслащенным чаем. Впервые в лагере мы пили настоящий чай. А когда подошло время обеда и часть людей не смогла дойти до барака-столовой, к нам принесли котел с супом. Ах, какой это был замечательный суп! В нем отчетливо чувствовался вкус вареного мяса, а в дополнение к картошке попадались и зернышки ячменной крупы. Оба врача с тревогой наблюдали как мы поглощаем пищу. Известно, чем может кончиться такое резкое прекращение голодовки. И действительно, несколько человек заболели.

Сначала обеды были просто роскошными. Хватало даже приправленной маргарином манной каши. Однако через три дня условия нашей жизни вернулись к так называемой норме, то есть голоду без голодовки. Трудно было преодолеть всеобщую апатию, возникшую от безнадёжного ожидания

дальнейшей судьбы. Ничто не предвещало никаких перемен в нашем положении.

И вдруг — «бомба!» Однажды, после полуночи какое-то странное движение на улице подняло нас на ноги. Когда мы выскочили из барака, то увидели, что трех генералов — Казимежа Тумидайского, Владислава Филлипковского, Людвиг Биттнера и двух майоров — Януша Мосьцицкого и Олека Василевского, полностью одетых, «с вещами», под конвоем, ведут к выходным воротам. Витек подбежал к ним, схватил Олека за рукав и спросил: «Что происходит?» — Куда-то нас увозят... говорят, что на родину... это вранье... держитесь... — быстро говорит Олек, проходя калитку центрального входа в лагерь. Послышался шум автомобильного двигателя, и через минуту наступила тишина. Вернулись в барак, не зная, что и думать. Может быть, это действительно первый транспорт в Польшу? В эту ночь снова никто не спал.

Прошло несколько дней. В барак вошел офицер НКВД с двумя «бойцами». Вынул из планшета бумагу, отпечатанную на машинке, и зачитал фамилии — всего около тридцати человек. Им приказано приготовиться к отъезду из лагеря. На вопрос, куда их везут, ответа нет. Все нервничают, высказывают различные предположения, пишут письма семьям, передают адреса, зашивают записки в одежду.

27 или 28 марта, на рассвете, в барак неожиданно ввалились несколько «бойцов» с сержантом во главе и встали у дверей. У каждого в руках ППШ. — Всем! Готовиться с вещами! Строиться перед баракком! — приказал сержант. Мы нарочно медленно одеваемся и обуваемся, собираем в узелки свои вещи. Строимся в две шеренги. Звучит приказ — «кругом!» — и с обеих сторон появляется свора «бойцов», которые скрупулезно просматривают узелки, отбирая острые предметы и все, что может содержать какие-нибудь записки. Личного обыска в этот раз не было, так что все, что имели при себе, уцелело.

Было совсем уже светло, когда закончилась эта унижительная процедура. Нас построили в колонну по три. Вооруженный винтовками с примкнутыми штыками кон-

Львовский епископ Владислав КЕРИНСКИ, бывший узник Дягилево с дочерью генерала ТУМИДАЙСКОГО Вандой

ФОТО ИЗ АРХИВА В. СТРЧУЛЫ

Сотрудники спецгоспиталя НКВД N4791. В верхнем ряду, пятая слева — фельдшер САКАЕВА, нелегально переправлявшая письма узников в Польшу

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

вой окружил со всех сторон. На некотором расстоянии встали «бойцы» НКВД с направленными на нас ППШ. За воротами встретил целая рота солдат с винтовками у ноги. Никакой информации, никакого намека куда и что. Одолевают мрачные предчувствия, исчезают надежды не только на возвращение на родину, но и на улучшение условий жизни.

Путешествовали мы недалеко. В лагерь N178, расположенный всего в нескольких километрах от 179-го. Здесь мы сидели до следующей голодовки.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

В апреле 1945 г. началось устройство на территории лагеря КПЗ — камеры предварительного заключения. Один из барakov разделили на крошечные камеры. Между двойными стенками из досок засыпали шлак. В такую стенку можно стучать сколько угодно, в соседней камере ничего не слышно.

КПЗ использовалась для содержания арестованных. Уменьшенная порция пищи, одиночество, холод, невозможность умыться и побриться — влияли на результаты следствия. Обработанных в КПЗ отправляли в тюрьму, в Рязань, для дальнейших допросов.

В 1946 году в лагере появился лейтенант НКВД Кондрашов и начал работу со своими «подопечными». Почти ежедневно кого-нибудь арестовывали. Затем следовал многолетний, а зачастую и смертельный, приговор.

Заместителем начальника КПЗ был Фролов — любимец всех заключенных. Только через некоторое время узнали, что этот милый с виду человек забирал из камер заключенных, которым Москва отказывала в помиловании, вел их в подвал и там неожиданно стрелял в голову.

Со временем выяснилось, что сотрудником и доносителем Кондрашова был подхорунжий Виленской АК Эдвард Чарский. Наши лагерники начали сопротивление. В 1946 году в Дягилево появилась подпольная группа самозащиты против Кондрашова и Чарского. Ее мозгом был один студент, больной туберкулезом, который работал на кухне истопником. С виду невзрачный, грязный, закопченный, он имел феноменальную память и исключительно быструю реакцию. К нему поступали устныеклады о положении в лагере, а он передавал предупреждения, чего следует остерегаться при допросах в КПЗ. Благодаря ему «Здислав Ставский» и два его товарища решились на побег, потому что Кондрашов был близок к мысли, что «Ставский» — это Ричард Рейф, который в боях за Вильно командовал ротой, и за это его ждал смертный приговор, либо 20 лет тюрьмы.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

Наступил июль 1947 года. Офицеры коммандатуры на вопрос о нашем возвращении в Польшу отвечали: «Ваше правительство не хочет вас принимать». Терпение интернированных исчерпалось. На стенах барakov появились надписи мелом, а иногда и кровью: «Ждет нас Катень»; «Друзья, ради Бога, начнем голодовку!» И с 29 июля 1947 года весь лагерь начал голодовку.

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

По опыту предыдущего лагеря мы не создали никакой организации и не выбрали

комитет. Лагерное начальство сразу же узнало обо всей акции, но им не с кем было вести переговоры. Они даже не пытались ликвидировать бунт своими силами.

В этот раз голодовка охватила всех. В ней участвовало около двух тысяч человек, и не только военных, но и гражданских. Исключение составила, как и в прошлый раз, группа «демократов», работавших на кухне и на складах. Было их не более 20-ти человек. Пользуясь случаем, они получали больше продуктов, в частности говядины, и устраивали на кухне оргии обжорства в то время, как их товарищи на нарах теряли сознание от голода.

Но судьба их покарала. На третий день голодовки, то ли от обжорства, то ли из-за несвежего мяса, вся польская кухонная обслуга, плюс трое советских сержантов и, что интереснее всего, две дамы из «голодающих», заболели несварением желудка. Их срочно поместили в лазарет. Врачи говорили, что только экстренное промывание спасло их жизни.

Не обошлось без репрессий со стороны начальства. Были анонимные доносы о, якобы, умышленном отравлении мяса голодающими. В отравлении подозревали даже медицинский персонал. Нескольких врачей, двух санитаров и медсестру арестовали и посадили в карцер на двое суток. Были арестованы также несколько польских офицеров. Среди них мой друг Олек Василевский. Во время пребывания в карцере он по-прежнему отказывался от пищи, не зная положения в лагере. Как показало следствие (о чем мы узнали по секрету), в лагерь привезли испорченную говядину.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

За нами охотились прибывшие из Москвы санитары. Когда кто-нибудь, пошатываясь от слабости, брел из уборной, они хватали и пытались уложить на носилки. А мы вырывались и убегали в барак. Это привнесло немного юмора в наше мрачное существование.

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

И здесь, как и в предыдущем лагере, протест продолжался 7 дней. И вот перед зданием коммандатуры появились два мощных лимузина, из которых высыпало с десяток советских офицеров. Один другого толще, а это значит, что большие чины. После короткого совещания в коммандатуре, весь штаб двинулся к жилищу наших генералов. В этот же день прибывшие советские вельможи забрали трех генералов, несколько майоров и несколько десятков старших офицеров и увезли их без всякого вооруженного эскорта. Мы расценили это как добрый знак, свидетельство правдивости их обещаний.

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

На 8-ой день голодовки генерал НКВД с многочисленной свитой обошел все баракы и отовсюду услышал, что в таких условиях — «предпочитаем умереть с голоду». Генерал пообещал: «Скоро уедете домой». Мы сочли это за обещание возвращения в Польшу. Голодовка прекратилась. Вскоре оказалось, что это было предупреждением о разделении лагеря на четыре меньших.

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

Еще перед голодовкой я заболел туберкулезом коленного сустава. Меня увезли в госпиталь в Скопине. Вскоре туда начали

привозить больных и ослабленных голодовкой товарищей из Дягилево. Мы присоединились к акции.

Голодаем. Неожиданно приходит немецкий майор вместе с молодым офицером. Встали передо мной смиренно и майор говорит: «Господин поручик! Прошу принять к сведению, что пищу, которую вы не принимаете и которую отдают нам, мы выливаем в выгребную яму. Мы знаем, что вы боретесь за правое дело.» Я ничего не отвечаю...

В этом же госпитале, во время принудительного кормления, был убит привезенный из Дягилево генерал Тумидайский. Нам, полякам, не было позволено проводить его на кладбище. Хоронившие его пленные немцы отдали ему воинские почести.

В моей палате лежал умирающий — молодой унтер-офицер. Сильно страдал. Перед смертью просил, чтобы со стены напротив сняли портрет Сталина. «Хочу умереть, не видя его». Повернулся на бок и умер. Я не выполнил его последнюю просьбу. Не трусость ли это с моей стороны? Оправдываюсь тем, что у меня нога была в гипсе, что портрет висел высоко, что в палате были другие и пр. Но голос умирающего слышу до сих пор...

ВАЦЛАВ КРАЕВСКИЙ:

Во второй половине июля 1947 года, через несколько десятков дней после голодовки, спецлагерь в Дягилево расформировали. 400 человек перевезли в стальных вагонах в небольшой лагерь в Боровичах, под Ленинградом. Среди них был и я.

В верхе своей шапки я спрятал фотокарточки, сделанные в Дягилево. Однажды сотрудники НКВД принесли нам для ремонта фотоаппараты. После ремонта, для проверки, мы попросили пленку, бумагу и химикаты. Тогда и сделали себе снимки. Для съемок просили взаимно одежду поприличнее. Кое-кто сберег мундиры в неплохом состоянии...

ВИКТОР БАВАНКЕВИЧ:

Из Скопина меня перевезли в лагерь Суслонгер, в республике Мари. Оттуда через несколько месяцев отправили транспорт в Польшу. Время от времени в пути открывался вагон, вызывали кого-нибудь и вводили «с вещами». Они имели точные списки каждого вагона, однако иногда искали «преступника» по всему составу. Это очень плохо действовало на нашу психику. Вызванные никогда не возвращались. В Польше, встречаясь с товарищами, я интересовался судьбой этих людей. К сожалению, никаких следов после них не осталось...

ХЕНРИК ПЛАСКИ:

Из лагеря N178 меня перевели в Череповец под Вологодой. Оттуда снова транспорт, «на родину». Едем... Станция Негорелое — старая польская граница. Как раз полночь 17 октября 1947 г. Как по команде из всех вагонов доносится государственный гимн. Неужели мы дома?..

Записал и обработал Петр МИТЦНЕР.

По материалам польского независимого исторического журнала «КАРТА»

Перевод Владимира ДЫЛЕВСКОГО

Андрей БЛИНУШОВ

«Здравствуй, отец...»

Командир партизанского отряда АК Антоний ЗЛОХ.
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Сорок лет польский лесник из Ольштына Ян Злох искал могилу своего отца, командира партизанского отряда Армии Крайовой, схваченного энкаведешниками в 1944 году. Вместе с товарищами по антифашистскому подполью Антоний Злох был интернирован в лагерь N178-454 (Дягилево под Рязанью). Чем же провинились АКовцы перед Сталиным?

...Польская республика стала одной из первых жертв великой мировой бойни. Росчерки Молотова-Риббентропа на секретном протоколе 1939 года отдали гордую Полонию на растерзание фашистским дивизиям. Но и после того, как регулярная армия ушла с боями, страна продолжала борьбу. Во всех воеводствах Польши были созданы подпольные организации и боевые отряды Армии Крайовой. Организация была построена по армейскому принципу и, в сущности, являлась самой крупной нелегальной антифашистской группировкой в Европе. Советские историки много писали о движении Сопротивления во Франции, Италии, на Балканах. Об Армии Крайовой — почти ничего. Неудивительно — весь офицерский состав АК оказался в советских лагерях, тысячи человек не вернулись на Родину.

АК подчинялась законному правительству Польши, которое в годы фашистской оккупации находилось в изгнании в Лондоне. Со-

ветские дивизии, освобождавшие Польшу, активно сотрудничали с партизанами АК, проводили совместные боевые операции. Но в тылах Красной Армии, вслед за передовыми соединениями, двигались отряды контрразведки СМЕРШ и части НКВД. Они везли польскому народу новое правительство, сформированное по указке Сталина, и новых руководителей всех уровней из числа коммунистов и перевербованных чиновников.

Бойцам АК были предложены два варианта: отказаться от приюта и признать вождями «кремлевских птенцов», или отправиться в тюремных вагонах в страну победившего социализма...

23 августа 1944 года в сторону Рязани тронулся первый эшелон арестованных бойцов АК. Первоначально поляков поместили в «высокий» лагерь (пос. Ворошиловка в рязанском предместье), но после голодовки протеста около 500 человек были переведены в Дягилево, в лагерь 178. Среди них был и Антоний Злох.

В 1945 году этапы последовали один за другим: полторы тысячи интернированных были доставлены из Осташкова, несколько сот бойцов АК пригнали с Белостокчины и Подлесья. Одновременно строились лагеря в Скопинском районе, вокруг шахт. Большинство здесь составляли опять же поляки-антифашисты.

В Дягилевский лагерь было интернировано около тридцати старших офицеров — руководителей Армии Крайовой, среди них пять генералов. Чекисты практически ежедневно арестовывали кого-то из интернированных. Схема была простая: арест — рязанская городская тюрьма — трибунал или ОСО — срок по 58-ой статье.

...В июле 1946 года в лагерьный барак, где жил Антоний Злох, пришел наряд НКВД. Очередной арест. Поляки решили не отдавать товарища. Поднялась суматоха, чекисты заработали прикладами карабинов. Злох поднял обломок кирпича и бросил в сторону охранников. Один из них схватился за голову. Чекисты передернули затворы и, пятясь, убрались из барака. Охрана лагеря была поднята по тревоге. Комендант приказал взять в заложники несколько человек. Администрация лагеря выдвинула ультиматум: до утра заключенный, покушавшийся на жизнь конвоира, должен явиться в комендатуру. Иначе под статью пойдут заложники.

Только Богу известно, что пережили в ту ночь Антоний Злох. В 1944-м он фактически добровольно пошел под арест, отказавшись бежать в лес, — считал, что союзника по борьбе с фашизмом не посмеют отправить в лагерь. А тут — струсить? Поставить под удар невинных?!

Антоний пошел к ксендзу, который жил в соседнем бараке. Что делать, святой отец? После минутного молчания ксендз сказал: «Антоний, я не советую тебе сдаваться. Заложников выпустят через несколько дней, их вину не докажут. Если ты признаешься — расстрел. Не ходи, Антоний!»

В комендатуру Злох не пошел. Несколько дней лагерь жил в напряженном ожидании. Антония лихорадило, он отказался от пищи, мозг сверлила только одна мысль: что будет с арестованными?

Их выпустили через неделю, а Антона Игнатовича Злоха схоронили на лагерном кладбище 11 августа 1946 года. Сердечный приступ...

...Позади геодезическая разметка пустыря, где было когда-то кладбище лагеря 178-454, многочисленные замеры и расчеты. Закончилась экспедиция рязанского «Мемориала». Вместе с ольштынским лесником Яном Злохом, приехавшим из Польши, мы стоим над куском земли, давшим последний приют его отцу, партизанскому командиру Антонию Злоху...

Ян ЗЛОХ с членами рязанского «Мемориала» у могилы отца
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

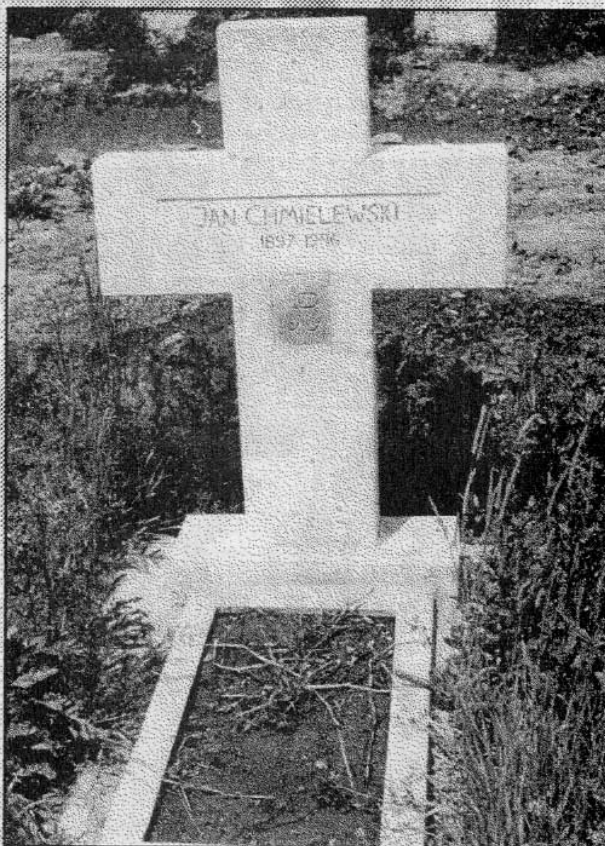
**Список поляков, похороненных
в Дягилево**

Bach August, ur.	1888
Barust Edward	1904
Chmielewski Jan	1897
Cienrkowski Hipolit	1895
Dujkowski Konstanty	1902
Golubowski Andrzej	1902
Grynkowicz Jozef	1904
Horniluk Henryk,	1927
Kaczynski Adolf	1919
Kemler Jozef	1904
Kindziuk Wiktor	1922
Kosiński Andrzej	1890
Kozłowski Albert	1921
Krzywicki Antoni	1890
Kwapoczawski	1901
Marynowski Edward	1915
Meier Ernest	1901
Polak Stanislaw	
Pronin Anatol	1910
Ryziewicz Bernard	1901
Semen Emilian	1908
Sobolewski Henryk	1917
Stanislawczyk Witallis	1892
Szmanski Piotr	1907
Szutko Edward	1909
Trybulowicz Jozef	1897
Turczyn	1899
Wiszniewski Adolf	1906
Zawadski Antoni	1889
Zloch Antoni	1900
Zukowski Stanislaw	1899
Neznany, poch.	1946

«МЫ ВЕРНЕМСЯ В ВАРШАВУ...»

... застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: "Мы вернемся в Варшаву!"
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга гремит: "Мы вернемся в Варшаву!"
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!
Пусть мы дымом растаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горячую лаву,
Но водой, но травой, но ветром, но пеплом,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!

Александр ГАЛИЧ

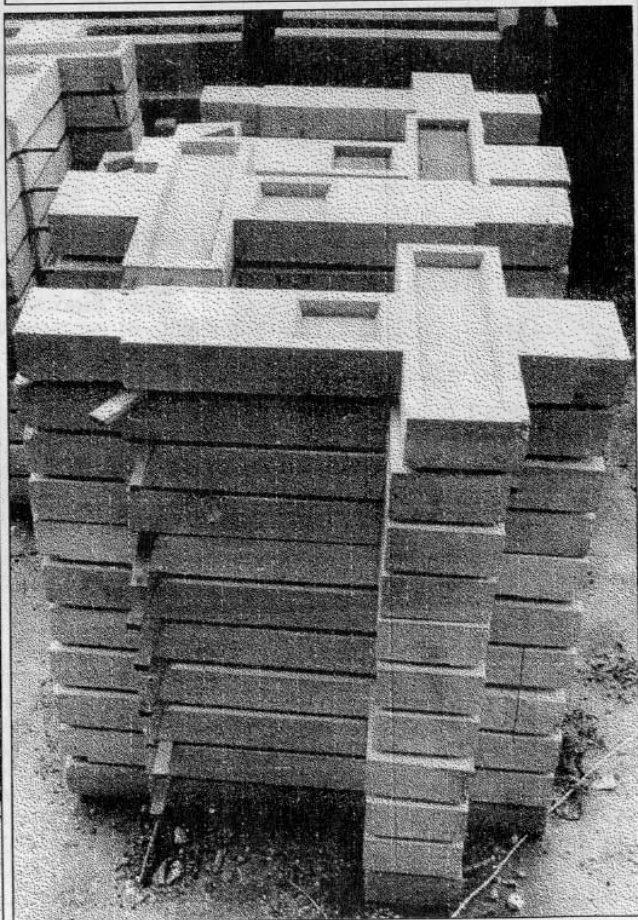

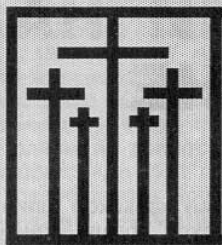

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ
КЛАДБИЩА
ЛАГЕРЯ НКВД
№178-454
РЯЗАНЬ-ДЯГИЛЕВО**

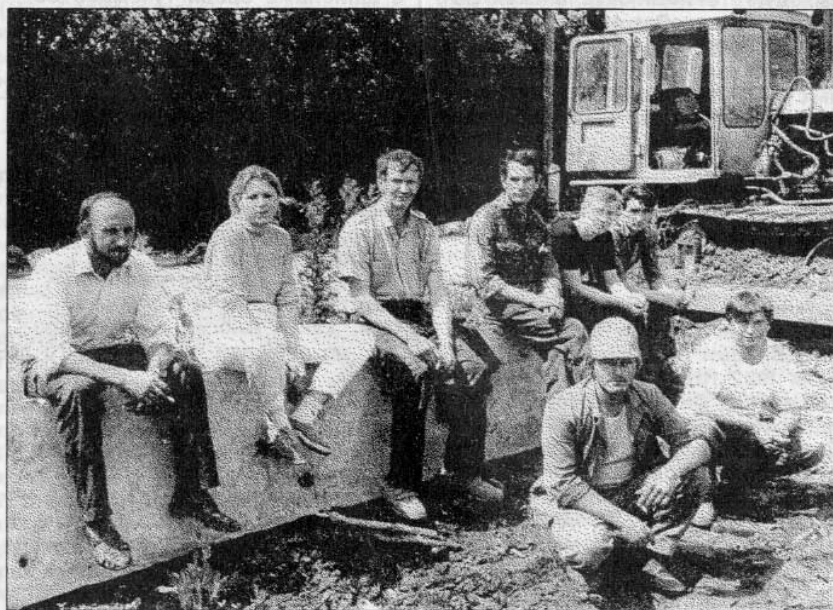
ФОТОРЕПОРТАЖ

Игоря ЕВСТИФЕЕВА и
Владимира ПАНКРАТОВА

**Немецкий
Народный Союз
по уходу за
могилами жертв
войны и
репрессий**

**Рязанское
региональное
отделение
Международного
историко-
просветительского,
правозащитного и
благотворительного
общества «Мемориал»**

**Совет Охраны
Памятников
Борьбы и
Мученичества
(Республика
Польша)**

Александр ПАШКОВ, Галина ДУДАРЕЦ

ДЕПОРТАЦИИ НА САХАЛИНЕ

Материалом доктора исторических наук, профессора Южно-Сахалинского государственного педагогического института Александра Михайловича ПАШКОВА и заслуженного работника культуры, директора государственного архива Сахалинской области Галины Ивановны ДУДАРЕЦ журнал «Карта» начинает публикацию исследований, связанных с репрессивной политикой СССР на Дальнем Востоке и историей взаимоотношений Советского Союза с Японией, Кореей, Монголией, Китаем.

Известно, что волна массовых репрессий в нашей стране началась в конце 20-х годов. Северный Сахалин был благоприятным местом для проведения антинародной политики. Его географическая обособленность и историческое прошлое служили оправдательной подоплекой для карательных операций против населения, особенно инородцев. В книге «Боль и память» рассказано о трагической судьбе 2246 жителей Сахалина (1). Но это не все. К выходу готовится Сахалинская областная книга Памяти. В ней будет рассказано о судьбе более 4 тысяч сахалинцев, репрессированных в 30-70-е годы. Одни из них были расстреляны и по-настоящему не захоронены, другие отбывали различные сроки тюремного заключения, от 2 до 25 лет. Среди невинно пострадавших не только граждане бывшего СССР, но и поляки, японцы, китайцы, корейцы и другие. Как удалось установить, одним из первых суровых приговоров «тройки» НКВД по ДВК был приговор от 13 февраля 1932 года. Он касался судьбы жителя Сахалина, корейца по происхождению, Ван Ден Тина. Его расстреляли в Александровске-Сахалинском, а труп утопили в 300 сажнях от берега в Татарском проливе (2). Позднее такая же участь постигла и многих других китайцев, корейцев, русских.

На Сахалине известно 23 места, (точнее – ямы. ПРИМ. АВТ.) в которых находятся останки невинно расстрелянных граждан ряда государств (3).

Архивные документы свидетельствуют, что после известного февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года началась новая, еще более мощная волна репрессий. Местные органы НКВД, вооружившись установками Сталина об обострении классовых борьбы, приступили к крупномасштабным карательным операциям в отношении целых народов. Так, на Сахалине появилась «Китайская шпионско-повстанческая организация из 114 человек» (4). Затем, под руководством сотрудника НКВД Гершевича на граждан польской национальности, в основном стариков, были надеты наручники, а через несколько дней появилось сообщение о

«вскрытии польской шпионско-повстанческой организации».

На особом счету в органах НКВД находились малочисленные народы Северного Сахалина – нивхи, эвенки, орочи. По данным УНКВД, на Сахалине в 1937 году было 9 туземных стойбищ (181 хозяйство) численностью 675 человек, из них 306 детей. По мнению руководителей органов НКВД, эти народы представляли базу для японской разведки. С 1932 по 1937 годы по подозрению в шпионаже среди туземцев Северного Сахалина было арестовано 87 человек (5). В 1937 году УНКВД разработал план выселения туземного населения с острова. Материалы были переданы в краевое управление НКВД. Но, как сообщил позднее на следствии сам начальник УНКВД по Сахалинской области Дреков, «дело было приостановлено и больше не поднималось» (6).

Сильный удар репрессивных мер обрушился на корейцев. Они, как и многие другие народы, не впускали политического доверия.

«Провал» памяти

Внимательно запомним с литературой, чтобы почерпнуть данные о численности корейского народа в 30-е годы на Северном Сахалине. К сожалению, находим только отрывочные сведения по южной части Сахалина из японских источников (7). В советской историографии обнаружен очередной «провал» памяти. Поиск истины привел нас в государственный архив Хабаровского края. Читаем материалы налогового учета и отдела национальностей Дальневосточного крайисполкома. В них говорится, что на 1 января 1932 г. в Сахалинской области проживало 2,3 тысячи корейского населения (8). Правда, этот показатель включает в себя население трех районов северной части Сахалина – Александровского, Охинского, Рыбновского. Установить историю появления и динамику изменения численности корейского населения на Северном Сахалине до 1937 года нам не удалось – нет официальных данных.

В архивном уголовном деле В.

Дрекова есть документ, утверждающий, что на 9 марта 1937 года на Северном Сахалине проживало 87777 человек, 873 из них — корейцы (9). Можно предположить, что с 1932 по 1937 год свыше 2 тысяч корейцев были либо уничтожены, либо высланы за пределы области и частично из СССР. На одном из допросов Дреков говорил: «До 1931 года никого не разрешалось арестовывать на Сахалине, несмотря на исключительную засоренность его контрреволюционным элементом. Ознакомившись с обстановкой, я нашел, что нужна немедленная и серьезная чистка... Уже в 1932 году мною была арестована наиболее активная японофильская часть населения..., упрощена ссылка и высылка кулаков» (10). Есть сомнения в цифре 873: в сентябре 1937 года на бюро Сахалинского обкома ВКП(б) речь шла о переселении 1155 корейцев (11). Следовательно, численность корейского населения на Северном Сахалине в конце 30-х годов нуждается в уточнении.

Удар огромной силы

27 сентября 1937 года из Хабаровского крайкома ВКП(б) поступила телеграмма. Ее текст, к сожалению, пока обнаружить не удалось, но судя по материалам заседания бюро Сахалинского обкома ВКП(б), состоявшегося 28 сентября, в ней шла речь о депортации корейцев. Текст телеграммы особых возражений не вызывал. Тем более, что с ее содержанием познакомили первый секретарь обкома ВКП(б) Ульяновский и начальник УНКВД Дреков. Напротив, была выражена готовность немедленно приступить к «делу». Чего не было у карательных органов, так это подробной инструкции и разъяснительных материалов по выселению корейского населения. Их мучили сомнения: как бы чего не вышло.

Местные органы Советской власти и НКВД уже имели достаточный опыт по выселению «кулаков» по детально разработанному плану. Выселение же корейцев было новым делом.

В спешном порядке в Хабаровск ушла телеграмма: «Просим срочно выслать необходимые инструкции и материалы к выселению» (12). Через день, словно опомнившись, вновь заседает бюро обкома ВКП(б) и повторно рассматривает вопрос: «Телеграмма от крайкома ВКП(б) — о выселении с острова Сахалина корейского населения». Но теперь в первом пункте постановления содержится верноподданническое обязательство: «Указания крайкома ВКП(б), данные в телеграм-

ме, принять к руководству». И далее: «Просим крайком ВКП(б) утвердить наш план мероприятия» (13).

Этот план включал создание областной и районной «тройки» по депортации. В областную «тройку» вошли: Ульяновский (председатель), Дреков и Громов; в Александровскую районную — Журавлев (председатель), Фортунатов и Боршаев; в Охинскую — Кудинов (председатель), Жгучев и Шведов; в Рыбновскую — Черепанов (председатель), Савельев и Осадчий; в Широкопадскую — Мишин (председатель), Васин и Бойченко; в Восточно-Сахалинскую (ныне — Ногликский район) — Долгов (председатель), Козлов и Рябков; в Кировскую (ныне Тымовский район) — Меркулов (председатель), Чекмарев и Драчев (14). От этих людей зависела судьба многих сахалинцев.

Архивные документы свидетельствуют, что депортацией корейцев в Охинском районе руководил первый секретарь обкома ВКП(б) П. Ульяновский, в Рыбновском — председатель облисполкома А. Громов, в Александровском и Западно-Сахалинском — начальник УНКВД В. Дреков.

Сроки проведения были предельно сжатыми — с 5 по 20 октября 1937 года. Районные «тройки» спешно составляли списки корейцев. К сожалению, эти списки обнаружить пока не удалось.

Какова же численность переселяемых? Об этом мы знаем из телеграфного донесения П. Ульяновского первому секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) И. Варейкису.

В донесении говорится: «в области имеется 1155 человек корейского населения. В том числе: в Рыбновском районе проживают 66 семей — 263 человека, имеется корейский рыболовецкий совхоз — 33 семьи (205 человек) и смешанный колхоз; в Западно-Сахалинском районе — 31 семья (191 человек), два смешанных колхоза; в Александровском районе — 98 семей (299 человек), два смешанных колхоза; в Охинском — 85 семей (390 человек); в Восточно-Сахалинском и Кировском районах — 4 семьи (12 человек).»

Итак, речь шла о 1155 корейцах, проживающих на Северном Сахалине (15). И все же, если верить материалам налогового учета и отдела национальностей Дальневосточного крайисполкома, то чем можно объяснить сокращение на 2045 человек корейцев на Северном Сахалине в 1937 году в сравнении с 1932 годом? Только ли репрессиями? Если репрессиями, то мы не в полной мере владеем материалами о репрессив-

ной политике сталинского режима на Сахалине.

Раз и навсегда

Телеграмма Хабаровского крайкома ВКП(б) от 27 сентября 1937 года предписывала собрать всех корейцев Северного Сахалина в двух населенных пунктах (16). Следовательно, прежде чем добраться до парохода, депортируемые должны были преодолеть под конвоем десятки километров. Опасаясь скопления большого числа корейцев, областная «тройка» решила расширить список населенных пунктов для сбора корейского населения.

В ответной телеграмме Сахалинского обкома ВКП(б) говорилось: «ввиду того, что наступил осенний штормовой период, перевозка людей на кунгасах и катерах по Татарскому проливу связана с большой опасностью для жизни людей. Данное обстоятельство ставит невозможным проведение работы по сосредоточению всего корейского населения в двух пунктах» (17). Предлагалось собрать корейское население для погрузки на пароход в шести местах — порту Москальво, на причалах Наумовка, Успеновка, Половинка, Най-Най и Широкая Падь.

Местные органы были заинтересованы в том, чтобы разом выслать корейцев с Сахалина. Для этой цели они просили «подать под выселяемых оборудованный, приспособленный для перевозки людей пароход на 1200 человек». Однако в последний момент план изменился. По указанию областной «тройки», корейцев из Восточно-Сахалинского (ныне Ногликского), Кировского, Александровского районов доставили на причал села Половинка. Что касается корейцев из Рыбновского и Охинского районов, то, вероятно, они были сосредоточены в порту Москальво. Затем все переселенцы на пароходе «Смоленск» были вывезены во Владивосток.

«Совершенно секретно»

Мы не знаем, как сложилась дальнейшая судьба корейцев-переселенцев, но предполагаем, трагично. Дело в том, что решение по депортации народов принималось высшими органами партийной власти в глубокой тайне. Только в марте 1991 года Верховный Совет СССР принял постановление «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечении их прав». Это решение позволило в открытой печати опубликовать перечень отмененных постановлений СНК

СССР, ЦК ВКП(б), Государственного комитета обороны СССР, Совета Министров СССР, принятых с 1936 по 1956 годы. Перечень включает в себя 47 наименований (18). Назовем некоторые, имеющие отношение к теме: «О выселении корейского населения пограничных районов ДВК» (август 1937 г.), «О порядке расчетов с переселяемыми в Казахскую и Узбекскую ССР корейцами» (сентябрь 1937 г.), «О смете расходов по переселению корейцев из ДВК» (сентябрь 1937 г.), «О сдаче и возвращении зерна у переселяемых корейцев» (сентябрь 1937 г.), «О выселении корейцев с территории ДВК» (сентябрь 1937 г.), «О позаимствовании из мобзапаса воинских кухонь и печей для формирования корейских эшелонов» (октябрь 1937 г.), «О смете расходов по переселению второй очереди корейцев из ДВК» (октябрь 1937 г.) и другие. Имеются документы по переселению и расселению немцев, татар, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и других народов. К сожалению, получить рассекреченные документы, даже сейчас, дело трудное. На наш запрос в 1991 году бывший Кабинет Министров СССР ответил: «... Запрашиваемые документы в свое время направлялись в Далькрайисполком и в настоящее время должны находиться в Государственном архиве Хабаровского края...» (19). Нам представляется, что этот ответ — очередная отписка, ибо документы рассылались под грифами либо «совершенно секретно», либо «строго секретно». Это означало, что после ознакомления, как правило, такие документы либо возвращались, либо уничтожались на месте. Информацию о мероприятиях, разрабатываемых по этим документам, надлежало хранить в «особой папке». Сомневаемся, что документы, касающиеся репрессий против народов, сохранились на местах.

В Государственном архиве Хабаровского края найдена лишь малая часть разыскиваемых документов. Сведений о переселении сахалинских корейцев в этих фондах обнаружить пока не удалось.

Была ли компенсация?

При выезде с острова корейцы пытались выяснить: кому сдавать скот и недвижимость? Будет ли все это компенсировано здесь или по новому месту жительства? Как быть с облигациями займов, на которые подписались? К ответам на эти вопросы местные органы власти оказались неподготовленными. Последовал теле-

графный запрос в Хабаровск. Получено разъяснение: из средств крайисполкома оплатить: колхозникам и единоличникам — за движимое и недвижимое имущество; семьям рабочих и интеллигенции — коммунистам (учет партийной принадлежности — подчеркнуто авт.) — суточные за весь путь следования парходом и поездом (20). Скот сдавать по квитанции «с получением натурой по месту выселения», на подписанные облигации выдавать квитанции (21). Трудно сказать, в какой мере эти указания исполнялись. Возможно, на публикацию откликнутся очевидцы событий? Напишут воспоминания, опровергнут слухи.

Поиск истины на этот раз привел нас в Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, который находится в Томске. В фондах архива обнаружены документы, которые долгое время хранились под грифом «совершенно секретно», а так же под грифом «серия Г» (?). Впервые они вводятся в научный оборот. Эти документы меняют многие наши представления.

Анализ документов показывает, что правительство имело четко разработанную программу депортации народов. Например, читаем постановление СНК СССР от 11 сентября 1937 года «О смете расходов по переселению корейцев из ДВК». В нем для переселения корейцев из ДВК только за счет резервного фонда СНК СССР предусматривались ассигнования в размере 62 миллиона 800 тысяч рублей. Причем большую часть средств предлагалось передать дальневосточному крайисполкому и некоторую часть — Казахской и Узбекской ССР (22).

В этом же документе, кстати, подписанным В. Молотовым, находим мизерные нормы компенсации корейцам: в среднем 6 тысяч рублей на переселяемую семью, включая путевые (суточные — ПРИМ. АВТ.) и расходы на обустройство в местах выселения. Имеется подробная смета расходов по переселению корейцев из ДВК в Казахскую и Узбекскую ССР. Так, перевозка одной семьи в товарном вагоне обходилась в 750 рублей, питание, медицинское и культурное обслуживание в расчете на семью — в 250 рублей. Оплата оставляемых на месте индивидуальных и коллективных посевов составляла 1500 рублей, оплата оставляемых индивидуальных построек, инвентаря и т.п. — 500 рублей, общественное имущество (постройки, инвентарь, семейный фонд) — 1000 рублей. Ссуда (на 4-5 лет) на постройку дома (110 куб. м.)

обходилась в 1500 рублей, постройка надворных помещений — в 300 рублей, водоснабжение — в 200 рублей. В смете есть еще одна графа: организационно-оперативные расходы СНК крайисполкома и НКВД (мобилизация сотрудников НКВД для сопровождения, командировки, телеграфные расходы и т.п.) — 4 миллиона рублей (23).

Этот документ содержит и обобщающие данные. Так, на переселение 11800 семей корейцев предусматривалось затратить 74 миллиона 800 тысяч рублей (24). Такие затраты планировались на отправку только одной очереди переселявшихся корейцев, из четырех известных в предвоенные годы. Но были же переселения и других народов. Сколько на эти цели было отвлечено народных средств?

Трудно сказать, в каком размере выделенные средства дошли до переселенцев. Еще труднее: какими средствами можно компенсировать моральные издержки насильственного переселения народов?

В четвертой очереди

Сахалинских корейцев доставили во Владивосток после 25 октября 1937 года. Вероятно, они вошли в четвертую очередь переселения.

В архиве нам удалось обнаружить спецсообщение начальника УНКВД по ДВК комиссара госбезопасности III ранга Люшкова. В свое время этот документ был направлен по шести адресам: Маршалу Блюхеру, в крайком ВКП(б) — Станцевичу, в крайисполком — Легконравову, Булатову и Акимову. В спецсообщении говорилось: с 3 по 14 октября 1937 года из ДВК отправлен 31 эшелон корейцев-переселенцев третьей очереди в составе 9284 семьи (44977 человек). Из них в Казахскую ССР направлена 6551 семья (31734 человек) и в Узбекскую ССР 2733 семьи (13240 человек) (25). Несомненно, среди корейцев третьей очереди были и сахалинцы, ибо Люшков сообщал, что на 14 октября 1937 года закончилось переселение корейцев из Уссурийска и Еврейской автономной области. Что касается Сахалинской области, то она «всех людей третьей очереди доставила во Владивосток».

В спецсообщении говорится и о том, что «взаиморасчеты с переселенцами в основном были закончены на местах», однако «некоторые расчеты производились во время погрузки в эшелоны» (26).

Как правило, поезда (в документах они часто назывались

«вертушками» — ПРИМ. АВТ.) отправлялись по графику и только иногда задерживались на несколько часов. Разумеется, товарные вагоны, не приспособленные для перевозки людей не отвечали элементарным санитарным требованиям. Не хватало нар, текилы крыши, отсутствовали туалеты.

Возможно, некоторые корейцы избежали мучительной дороги в Казахскую и Узбекскую ССР, т.к. Бюро Сахалинского обкома ВКП(б), состоявшееся 28 сентября 1937 года, обратилось в Хабаровский крайком партии с просьбой: «Разрешить выселить корейцев с японскими паспортами и японских подданных — в Японию» (27). Как знать, может быть и учли эту просьбу в крайкоме ВКП(б)?

В обзорной справке начальника войск пограничной и внутренней охраны НКВД ДВК комбрига Соколова отражено настроение некоторых переселенцев. Так, сообщалось, что приехавший два месяца назад из Казахстана кореец Анатолий Ким рассказывал: «В Казахстане свирепствуют голод и малярия, помещений для жилья нет... Распространитель слухов арестован, ведется следствие (28). Кореец Ким Бон Фар из деревни Новонезжино Шкотовского района Приморского края говорил: «Советская власть корейцев считает хуже собак. Сталинская политика для корейцев страшнее, чем пули от пулеметов и снаряды от пушек. Арестован. Ведется следствие» (29).

По донесению начальника эшелона №503 в пути следования кореец Алексей Тен высказал недовольство и заявил: «Правительство нарушает принятую Конституцию всем народом (сохранен стиль документа — ПРИМ. АВТ.), о закреплении на вечное пользование земли за колхозами. Переселяют колхозы, не считаясь, что земля закреплена за ними, на что колхозы получили акты. Корейцы могут жить в ДВК, как и другие народы, но с ними не считаются... перебрасывают куда попало. Материалы на Тена направлены органами НКВД по месту выселения» (30).

В обобщенной справке комбрига Соколова говорится, что среди корейского населения Сахалина проведена широкая разъяснительная работа, — «Основная масса корейцев данное мероприятие встретила одобритительно» (31). Однако органы НКВД вынуждены были констатировать такой факт: имелись отдельные случаи выражения недовольства. В частности, жители Охи Цой Хун и Оган Хен говорили, что «не все корейцы шпионы, диверсанты. Есть лю-

ди, преданные советской власти, поэтому в переселении нужен индивидуальный подход» (32). Как бы не прикрывалась переселенческая политика правительства, она носила антинародный характер. Ее пагубные последствия дают о себе знать и сегодня.

«Не подлежит оглашению»

Недавно найден документ под грифом «не подлежит оглашению». Действительно, на протяжении более сорока лет о содержании этого документа знали немногие. Теперь появилась возможность опубликовать его в печати.

Речь идет о постановлении президиума Дальневосточного крайисполкома «Об имуществе, оставшемся после переселения корейцев» №21 от 3 января 1938 года. В нем говорится: «Просим военсовет ОКДВА, ТОФ и УКПВО обязать командиров и начальников частей принять от райисполкомов все, полагающееся им имущество, принадлежащее корейцам. В случае отказа воинских частей от приема имущества ... разрешить райисполкомам использовать (его — ПРИМ. АВТ.), а так же постройки по своему усмотрению, обеспечив в первую очередь, красноармейцев-переселенцев» (33). Данный документ не требует комментариев. Он позволяет ответить на один из волнующих вопросов: на какой основе появлялись колхозы переселенцев из центральных районов России и хозяйства красноармейцев-переселенцев.

Послесловие

Правительство России с опозданием, но покалось за неслыханный геноцид народов в 30-50-е годы. В декабре 1991 года вступил в силу Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». В нем говорится, что Закон распространяется не только на граждан бывшего Советского Союза, но и на иностранцев, лиц без гражданства, подвергшихся репрессиям на территории РСФСР с 25 октября 1917 года. Все реабилитированные граждане восстанавливаются в гражданских правах, им предоставляются социальные-бытовые льготы. Этот закон имеет важное значение не только для восстановления справедливости, но и для познания правды о судьбах людей.

Многие факты политических репрессий 30-50-х и последующих лет еще ждут своих исследователей. Решить эту проблему можно лишь общими усилиями, в том числе с помощью родственников пострадавших, ныне живущих на Сахалине и в других регионах мира.

Примечания

1. См.: Пашков А.М. Боль и память. — Южно-Сахалинск. — 1990. — С.3-140.
2. См.: Пашков А.М. Указ. Соч. — С. 24
3. См.: Пашков А.М. Указ. Соч. — С. 16-116.
4. Обзор по уголовному делу N СУ-3246 на Дрекова В.М., составленный в 1989 году // Текущий архив Сахалинского областного фонда Книги Памяти — С. 10
5. Обзор по уголовному делу N СУ-3246. Указ. соч. — С. 11
6. Обзор по уголовному делу N СУ-3246. Указ. соч. — С. 12
7. Ким И.Б. Сахалинские корейцы // Проблемы сахалинского краеведения. — Южно-Сахалинск. 1988. — С. 41-42; Бок Зи Коу. Сахалинские корейцы: проблемы и перспективы. Южно-Сахалинск. 1989. — С. 5-36.
8. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). — Ф.П. — Оп. 11. — Д. 233. — ЛЛ. 9, 11.
9. Обзор по уголовному делу N СУ-3246. Указ. соч. — С. 2.
10. Обзор по уголовному делу N СУ-3246. Указ. соч. — С. 6.
11. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1316. ЛЛ. 355, 356.
12. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1316. Л. 356.
13. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1316. Л. 356.
14. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1316. Л. 355.
15. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1316. ЛЛ. 148-150.
16. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1345. Л. 1218.
17. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1345. Л. 1218.
18. Постановление Кабинета Министров СССР N 336 от 6.06.1991
19. Письмо Кабинета Министров СССР N 0-337 от 7.08.1991 на запрос авторов. (Текущий архив Сахалинского областного фонда Книги Памяти).
20. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1345. — Л. 1217.
21. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1345. — Л. 1219.
22. Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ). — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.28.
23. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.29, 183, 184.
24. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.29.
25. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.205.
26. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.205.
27. ГАХК. — Ф.П. — Оп. 1. — Д. 1316. — Л. 356.
28. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.206.
29. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.208.
30. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.209.
31. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.209.
32. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.209.
33. ЦГА РСФСР ДВ. — Ф.р. — 2413. — Оп.2. — Д. 804. — Л.215.

Сергей ПАНФИЛОВ

« Я БОЮСЬ . . . »

Владимир Михайлович, Михаил Михайлович и Георгий Михайлович УСПЕНСКИЕ. Харбин, Китай, 1925 год.

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОВОВА

Ночь приходит, неся земле покой. Но не мне. Сижу и перебираю исписанные листки бумаги... Каждый вопиет о человеческой скорби и страдании. Я закрываю глаза. Вот он — сидит напротив...

Владимир Михайлович Успенский. Год рождения - 1922. Место рождения - город Владивосток. Отец — штабс-капитан царской армии: Михаил Михайлович Успенский, уроженец города Иркутска. Когда заварилась кровавая каша гражданской войны, штабс-капитан решил про себя: с братьями рубиться не буду! Решили пересидеть грозу во Владивостоке. Здесь и родился Володенька Успенский. Жить бы счастливо, но долетел и до окраины бывшей Российской империи копытный гром красной конницы. Жить под большевистским игом? Лучше — пулю в сердце! А семейство? Один выход — за кордон. Благо, Маньчжурия под боком. Собрались-поднялись и прощай-прости, земля родная! Остановились в Харбине. Тысячи русских беженцев приютились под крышами китайских фанз. Китай не Россия, но жить можно. Многие не верили, что потеряли отчизну навсегда. Ждали чуда, вот-вот рухнет большевистская диктатура, развееется, как дурной сон. Увы — напрасно. Михаил Успенский устроился на КВЖД. Потекли эмигрантские денечки. Мать Володи протянула три года. То ли тоска заела, то ли что, но истаяла она, как свечка... Сохранилась харбин-

ская фотография 1925 года. Похороны. Лежит матушка в крепком гробу среди цветов. Лицо строгое, страдальческое, словно у святой мученицы. Михаил Михайлович — статный, выправка офицерская, красавец. На руках — сынок, Володенька. О чем они думали? О чем говорили? Молчит желтый фотографический лист...

Через год встретил Михаил Михайлович с немкой из Австрии. Эмма Людвиговна Вайсмайр глянула на русского богатыря и растаяло в груди сердце: люблю, люблю! «Как же так, Эмма, — уговаривал Михаил Михайлович, — опомнись! У тебя муж, ребенок.» «Мой дорогой, мой ненаглядный, — ворковала Эмма, — все брошу. Ты — единственный. Люблю, люблю!» Потеряла Эмма голову. Мой — и точка. «Поедем со мной, — пела Эмма словно сирена, — что тебе до Китая, что до России? Все прошло. А на Западе — устрою рай. Будешь счастлив!» Эмма собиралась в Европу. И чем ближе день разлуки, тем напористей, горячей лилась речь соблазнительницы. Капля, говорят, камень точит. Не устоял вдовец, согласился: «Поеду, но не теперь. Дела. Ты, Эмма, отправляйся. А я — следом.» Поехала Эмма на родину, но не одна. Вытребовала, как заклад, сыновей: Георгия и Владимира. Но перед самым отъездом Георгий захворал. Вмешался случай. Владимир же отправился в дальнюю дорогу заложником любви.

До Москвы добирались долго: 14 суток. В дороге четырехлетний Володя заболел черной оспой. Зазнобило мальчика, подскочила температура, обметало лицо. В любой момент проводник или кондуктор могли обнаружить и высадить на первом полустанке. Ехали, словно на иголках. Володя отворачивался к стене и закрывался платком: прonesи Господи! Доехали...

Когда Володя поправился, собрались в Германию. Город Оберкассель недалеко от Бонна. Там жили Франц Вайсмайр — дипломированный пивовар и дочь Эммы от первого брака — Люси Плетц. Приехали ночью. Франц и Люси — радостные — ждали на перроне. Эмма подставила щеку для поцелуя, небрежно потрепала Люси по голове: «Хорошеешь, крошка!» Взяла протянутый Францем букет: «О, ты очень любезен, дорогой!» Франц и Люси, не знаящие подоплести приезда, встретили Володю, как родного. Эмма не сочла нужным пускаться в долгие объяснения. «Будет жить с нами!» — и все. Пошли, покатались деньки, месяцы и годы жизни в чужой семье. Франц постепенно привязался к Володе — бойкому, разговорчивому мальчику, и, наконец, назвал его сыном, а Люси обрела брата. Эмма, с нетерпением поджидавшая приезда Михаила Михайловича, начинала тревожиться: время идет, а любимого нет! А Михаил Успенский раздумал ехать в Германию. Видимо любовь его к Эмме была эпизодом, минутной искоркой. С глаз долой, из сердца — вон. Потянул холо-

док разлуки и развеял прельстительный шепоток случайной подруги. Сгнуло наваждение, которое унесло с собой сына. Схватился Михаил Михайлович за голову: «Володенька!» Случилась оказия: знакомый собирался в Германию по делам. Михаил Михайлович упрямил: «Разыщи сына! Забери!» Уехал посланник, но что-то пометало ему выполнить поручение. Переписка с Эммой оборвалась. Пресеклась ниточка, связывавшая отца с сыном. Стал Володя Эмме обузой. Но не Францу. Слабохарактерный муж, боявшийся властной супруги, нашел в мальчике отдушину для нежных чувств: «Сынок, Володя!» И ответное тепло: «Франц, папа!»

В 1928 году переехали в Бельгию. В городе Льеже Франц устроился техническим директором на пивоваренный завод. Подошло время Володе идти в школу. Собрались на семейный совет. Эмма сказала: «Он — русский! И учиться должен со своими.» Франц согласился. В городе Намюре был русский пансион. Приняли Володю сразу. Мальчик смывленный. Свободно говорил по-немецки и французски, знал грамматику. Учились в пансионе сыновья русских эмигрантов. Порядки — строгие, казарменные. Утром, после подъема — на молитву в православном храме, затем завтрак. Кормили скудно: макароны, фасоль, горох, бобы, хлеб. Поели — строем на занятия. Школа — в городе. Вечером — колонной в пансион. У входа

встречал воспитатель и грозно вопрошал: «Кто наказан?» Провинившиеся откликались. Следовал скорый суд: кому без ужина, кому к батюшке. К батюшке ходили с тяжелыми проступками. Он встречал воспитанников возгласом: «А, пришел, раб божий, снимай штаны!» Затем брал вервие с узлами и хлестал «возлюбленное» чадо. Бил больно, но беззлобно, приговаривал: «Согрешил, так терпи!» Закончилось обучение в пансионе внезапно и печально. Однажды Володя позвонил с мальчиком-заснайкой. Тот оказался мстительным и подговорил своих приятелей. Вечером они налетели ватагой на Володю и сильно поколотили. Случилось так, что именно в это время приехал Франц на свидание... И Володя возвратился в Льеж.

Однажды Эмма взяла Володю с собой в ресторан, где работала группа казаков — русский балалаечный оркестр. В перерыве к Эмме подошел статный казачина. На груди — Георгиевский крест. Оказалось — новый знакомый: Михаил Бочаров. В гражданскую рубился с красными. Теперь — плясун. Эмма сказала с усмешкой: «Будет жить у нас. Тебя, Владимир, воспитывать.» Безвольный Франц смирился и с этим. Бочаров начал воспитание на свой лад. Володя посещал коммунальную школу и был на хорошем счету. Эксплясун стал следить за мальчиком. За лобой, самый пустяковый, проступок полагалось наказание. Ухмыляясь, он говорил: «Сегодня к шести часам — ко мне!» Бочаров жил в мансарде. В шесть часов Володя поднимался в комнату, где воспитатель-эксекютор с нетерпением ждал свою жертву. Орудие наказания — резиновый шланг. Истязание начиналось немедленно. «Так тебе, паразит! Так тебе, недоносу!» — злобился Михаил, охаживая Володю по спине, по голове, по бокам. «Ой, тетя Эмма, Франц! Помогите!» — умолял мальчик. Франц вскакивал, чтобы вмешаться, но Эмма одергивала: «Сиди! Пусть учит!» И Франц выбегал из дома, чтобы не слышать стонов избиваемого. Горек сиротский хлеб...

В 1933 году Гитлер пришел к власти. В 1934-м Австрия была присоединена к Великой Германии. Франц Вайсмайр, как австрийский гражданин, автоматически превратился в германского подданного. А в Бельгии немцев поминали недобрым словом еще с первой мировой. Пришлось собирать пожитки и уезжать из Льежа. Для германских подданных в Льеже работы нет! Осели в провинциальном, полудеревенском бельгийском городке. Володя пошел в местную школу. Но осенью 1935-го пивной заводик закрылся и семейству вновь пришлось паковать вещи. Франц нашел работу в городке рядом с Шарлеруа. Там был Университет Труда, что-то вроде техникума, куда и поступил учиться Владимир Успенский. Начался новый период в его жизни.

В Университете Труда учились и сыновья русских эмигрантов. С одним из них — Евгением — у Владимира сложилась крепкая дружба. Они встречались после занятий: бродили по городу, заходили в кафе и в гости друг к другу. Пили чай, весело болтали о пустяках. Но постепенно их разговоры все чаще и чаще сходились на тему самой серьезной: Россия, Родина. Шел 1937 год. Разные слухи бродили среди обывателей. На стене дома можно было увидеть плакат: огромный медведь с головой Сталина — залепанный

кровью — стоит на горе человеческих трупов. В кинотеатрах шли фильмы про агентов ВЧК-ОГПУ-НКВД — злобных, беспощадных вампиров. Но попадались и материалы, прославлявшие советский строй. Однажды Евгений принес несколько брошюр о Красной Армии. Советские танки — самые мощные в мире! Советская авиация — самая-самая! Долго и внимательно рассматривали друзья боевую технику большевиков. Но о большевизме ли думали русские мальчишки-эмигранты? Конечно нет! Они думали о Родине — в высоком, метафизическом значении этого слова. Для них было неважно, кто сидит в Кремле: Сталин или Троцкий; какой строй утвердился на одной шестой части земного шара. Родина оставалась Родиной. И любовь к ней — словно Божий Дар. Или он есть — или нет. Евгений отложил в сторону книгу и посмотрел на друга: «Хочешь поехать в Россию, поступить в летчики?» «Хочу, — откликнулся Владимир, — но как?» Решили написать в советское посольство. Составили наивное письмо: «Возьмите в Россию. Хотим в летчики.» Через месяц пришел ответ: «Чтобы служить в Красной Армии, надо быть советским подданным.» Все.

В 1939 году Владимир и Евгений получили дипломы Университета Труда, стали специалистами по холодной обработке металлов. Евгений уехал в Брюссель к отцу, а Владимир устроился на работу слесарем в маленькую мастерскую. Но работа не очень нравилась. Да и платили негусто. Поэтому, когда Евгений прислал письмо: «Приезжай в Брюссель, помогу с работой.» — тотчас же собрался и выехал. Вскоре Владимир уже слесарил на заводе. Жить у друга не хотелось. Какая-никакая, а независимость. Мечталось же о свободе, самостоятельности. Снял комнату. На первом этаже маленького особнячка — ресторанчик, а на втором — жилье. Хозяйка — пожилые люди: внимательные, приветливые бельгийцы. Сошлись на ста франках. У Владимира было трудновато с деньгами и он решил экономить на еде. Завтракать и обедать, а ужин заменять прогулкой. Хозяйка заметила, встревожилась. Однажды вечером постучала: «Почему не ужинаешь, Вольдемар?» Хотел лукавить, отговориться, но голод, который не тетка, дернул за язык: «Денег нет!» «Пойдем.» Повела на кухню, поставила тарелки с едой. Пришел хозяин, присел к столу, налил себе стаканчик вина. Разговорились... Постепенно у Владимира сложилось что-то вроде отеческо-сыновней дружбы-любви с хозяевами дома. Утром они кормили его завтраком, вечером вместе ужинали. Владимир помогал чем мог по хозяйству: ходил по магазинам, на рынок, чистил картошку...

Между тем отец Евгения ввел Владимира в эмигрантскую среду. По воскресеньям ходили на службу в православный храм. Под церковными сводами торжественно звучало: «Боже, спаси Россию!» Знакомились с соотечественниками: юношами и девушками. Получали приглашения на домашние вечера. Однажды новый знакомый пригласил Евгения и Владимира посмотреть на учения «Врангелевской дружины». На плацу маршировала стройная колонна российских воинов. Гимнастерки с красными погонами, фуражки, начищенные сапоги. На груди — мальтийский крест. Господа офицеры стояли в сторонке, покуривая папи-

росы, и внимательно смотрели на марширующих. Грозные фельдфебели командовали: «Раз, два, три! Выше ногу! Четче шаг!» Командир — полковник Левашов — был доволен. Друзья решили вступить в дружину. Выучили устав, получили военную форму, сабли, трехлинейки и, как равные, заняли место в строю.

В мае 1940 немцы начали бомбить Бельгию. Поднялась паника. Объявили эвакуацию. Всем от 16 до 50 лет — во Францию. Владимир сел на велосипед и поехал куда глаза глядят. На дорогах беженцы. Появлялись, словно коршуны, немецкие самолеты, расстреливали всех подряд. Страх, ужас, смерть! Но, Бог милостив, и Владимир благополучно добрался до города Ренна. Деньги подходили к концу. Выручал Красный Крест. Раздавали горячее молоко, открывали столовые. Можно перебиваться. Но решил: пойду сражаться с фашистами. Пришел на призывной пункт, протянул паспорт. Офицер-француз взглянул на дату рождения: «О, да ты еще молодой! Приходи через год.» Пошел на верфь строить корабли. Но Франция недолго дышала воздухом свободы. Гитлеровские дивизии вступили в Париж, и беженцев стали возвращать на оккупированную родину. В битком набитом поезде возвратился Владимир в Бельгию. Жизнь там круто изменилась. На заборах появились объявления: «За сопротивление немецким властям казнены...» — и список. Начались облавы на евреев. На стенах домов наклеены желтые шестиконечные звезды — юде, это означало — обречены. Подъезжали грузовики, из кузовов выпрыгивали автоматчики. Из сумрака подъездов выгоняли растерянных, испуганных евреев с котомками, мешками, баулами. Набитые машины увозили людей... Навсегда. Немцы скупили в магазинах все, что хотели, а расчищались фронтными марками. Быстро опустели продуктовые магазины. Закрывались ресторанчики. Подскочили цены. Начался голод.

Владимир решил поехать в Германию на заработки. Перед отъездом к нему зашел полковник Левашев: «Вас вызывает генерал

Эмма ВАЙСМАЙР

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОВОВА

Войцеховский!» Генерал — седовласый старик — медленно выговорил: «Вам поручается важное задание. Передайте это письмо генералу фон Лямпе — в Берлине. Почтой нельзя. Запомните: из рук в руки!»

С бельгийскими рабочими приехал в город Варенн (200 км от Берлина). Всех разместили в бараках. Рассказали о заводе. Утром — после завтрака — повели к узкоколейке. Расселись по вагонам, поехали. Через 15 минут — остановка. Прошли через проходную к начальнику конторы. Проверка документов, регистрация, распределение по цехам. Владимир попал в механический слесарь-ремонтником. Цех — идеальной чистоты, станки стоят, как по линейке, пол из деревянных блоков, чтобы рабочие не застудили ноги, не заболели ревматизмом. Потекли дни похожие один на другой...

В январе 1941 Владимир, взяв отгул на день, поехал в Берлин к генералу фон Лямпе. Надел форму врангелевской дружины, а поверх — пальто. Нашел улицу, поднялся, постучал. Открыл человек в форме русской армии. «Что угодно?» «К генералу фон Лямпе. Донесение.» «Входите, сейчас доложу». Только разделся — зовут. Владимир вошел в кабинет четким шагом. Отрапортовал. Протянул пакет. Генерал взял послание, распечатал. Прочитал. Распросил о дружине, о Бельгии. После — распорядился угостить.

Почувствовав волно, Владимир забыл обо всем: работе, дисциплине, наказании. Вместо одного пробыл в Берлине три дня. Когда вернулся и вышел на работу, начальник удивился: «Ты где пропадал?» «В Берлине.» Нахмурил немец брови, но разбираться не стал. Бросил коротко: «Иди — работай». Пошел Владимир к верстаку, а на душе кошки скребут... Через час зовут: «Успенский, в контору!» В конторе за столом сидел красавец-мужчина в штатском. «Я из гестапо, — сказал мужчина, — побеседуем.» И начался допрос. Гестаповец — мастер своего дела — вездвильно вызнал всю подноготную — от и до. Беседовали долго. Наконец он сказал: «Я вижу, что ты — молодой дурак. Из-за тебя тут подняли переполох. Разыскивали, как шпиона. А ты прогуливаешь. Ладно, черт с тобой. Пинши, что расканиваешься и обещаешь подобного не повторять.» Гора упала с плеч. Подписал протоколы допроса и — работать.

Работал Владимир в Германии до 1943 года. Уже второй год шла война с СССР. На немецких заводах появилась масса русских военнопленных. Видел их и Владимир. Грязные, истощенные, дурно пахнущие — они вызвали сострадание и желание помочь. Пленных кормили плохо: баланда из брюквы, да эрзац-хлеб. Многие быстро слабели и умирали.

Неожиданно пришла повестка. Немецкая армия несла большие потери. На призывном пункте спросили: «Какими языками владеете?» «Немецким, французским, русским.» «Немецкой армии нужны переводчики. Вы мобилизованы!» На работе — расчет. На военном складе получил обмундирование, узнал дату отъезда и — к Францу. Приемные родители устроили проводы. Эмма плакала. Франц бодрился. Старался выглядеть молодым и Владимир...

В Россию поезд шел через Польшу. В

Варшаве стояли. Разрешили прогулку. Владимир побрел наугад. Дорожка вывела к еврейскому гетто. Над кварталом клубился дым. Стояли цепи фельдшандармерии. «В чем дело?» — спросил Владимир рослого жандарма. В ответ лениво: «Юде глушили.» Недавно здесь трещали автоматы, гремели взрывы. Несчастные обитатели гетто восстали, но встретили смерть...

Из Варшавы — в Минск. Владимир смотрел в окно вагона и с непонятным волнением ждал, когда поезд пересечет границу. Наконец, переехали. Что-то дрогнуло в душе, зацемило: Родина! Сожженные деревни, воронки от снарядов и авиабомб, опустошенные...

Прибыли в Орел. В десяти километрах от города деревня Кишкинка. Раньше здесь была психиатрическая больница. Теперь в ее зданиях располагался штаб 9-й армии. В деревне же квартировала и группа «Вайс», куда был направлен Владимир. Группа занималась радиообозрением. В 24 часа начинались передачи Совинформбюро. Требовалось слушать все, из каждого сообщения брать суть, записывать. Потом, отпечатав на машинке, передавать начальству. Днем — свобода. Вскоре общительный, веселый переводчик стал общим любимцем. Подружился с чертежниками из оперативного отдела. Они готовили карты: отмечали расположение частей, предполагаемые передвижения. Во время разговоров глаз невольно косился на чертежные доски, на которых лежали листы с грифами «Совершенно секретно». Все чаще Владимиру говорили: «Шварценпетер (прозвище), слетай за почтой, получи под роспись корреспонденцию.» По дороге от почты до оперчасти успевал посмотреть депешу.

Из Кишкинки покатали в Белоруссию. Село Турск. Владимир поселился в хате у крестьян. В доме три дочери, все красавицы. Но особенно хороша Татьяна: сладкая ягодка. Влюбился в нее Владимир — без памяти! Не осталась равнодушной и Татьяна. Но не знал, не ведал Владимир, что сын хозяина — командир партизанского отряда, а муж Татьяны — партизан. Постепенно Владимир стал сотрудничать с партизанами через Татьяну и ее отца. Собирались по ночам в бане. Владимир приходил после дежурства с новостями, зачитывал сводки. Принесил карты с линией фронта, дислокацией частей. Однажды сообщил, что против партизан посылают карателей. Наконец и сам решил уйти в лес. В отряде немецкую шинель сменили на полушубок. Дали шапку-ушанку. Бравый лесовик получился. Партизаны Владимир до конца февраля 1944-го, до прихода советских войск.

Вышли из леса в освобожденное село. При отступлении немцы запалили хаты, сгорели почти все. Уцелел лишь Танин дом, да еще один. Зашел Владимир в хату, сел за стол: «Что делать дальше?» Но долго раздумывать не пришлось — отворилась дверь и в горницу вошел Татьянин муж, а следом двое с автоматами. Угрюмо посмотрел муж на Владимира и процедил: «Расстрелять бы гада... Собирайся! Поедем в Горобец, документы на тебя оформим.» Сели в сани и с ветерком до Горобца. Осадили лошадей возле кирпичного дома. В полутемном коридоре Татьянин муж нашел нужную дверь, хлопнул по плечу и ухмыльнулся: «Входи!» В комнате за

столом сидел майор. Владимир вошел, поздоровался. Майор усмехнулся: «Здравствуйте, здравствуйте... Присаживайтесь... Знаете, где находитесь? Слышали про НКВД?» — в голосе нотки гордости. Вспомнил Владимир западные фильмы про чекистов. Не по себе стало... Майор задал несколько общих вопросов, потом подвел черту: «С вами надо разобратся. Пока — отдохайте.» Вызвал солдата: «Проводите!» Владимир шел впереди, солдат сзади. «Под конвоем что-ли?» Но команды — руки за спину! — не было. Дошли до землянки, солдат отомкнул замок...

Из темного подвала пахло вонью и Владимир шагнул во мрак. На земляном полу — солома, на которой лежат люди. «Кто вы?» — тихо спросил Владимир. «Арестанты, — откликнулся кто-то, — а ты кто?» «До выяснения...» «Падай, если так...» Примостился в углу на мокрой, гнилой соломе. Сидел съезжившись, не слушая ленивых разговоров арестованных. Тревожно думал: «Неужели попался в мышеловку?» Вспомнил про свои бумаги, которые остались у майора: фото, на котором снят в немецкой форме, бумажник с гитлеровским орлом на обложке. В бумажнике документы: и немецкие, и врангелевские. Решат, что шпион, про партизанство, про секретные документы, которые передавал, рискуя собой, и не вспомнят...

Размышления прервал скрип отворяемой двери. Дневной свет и морозный воздух ворвались в темную нору. Обед. Арестанты встали в очередь. Поднялся и Владимир. Один, второй, третий... — отходят с дымящимися котелками. «А мне?» — удивленно спросил Владимир солдата, собирающегося закрывать дверь. «А тебе не положено. Не на довольствии. Так посидишь.» Владимир, стиснув зубы, вернулся на свое место. Сидел, переживая боль унижения, стараясь не слушать жадного чавканья соседей. Так, голодный, мучимый неведением, просидел он два дня. На третьи сутки — к вечеру: «Успенский, на выход!» Привели в кабинет к знакомому майору. «Ну как — отдохнули?» «Жрать хочется!» — злю рубанул Владимир. «Покормим», — откликнулся майор, безразлично оглядывая его с ног до головы. Заросший щетиной, осунувшийся, облепленный соломенной трухой, — он походил на бродягу. «Накормим, и — в штаб армии.» Привели в крестьянский дом. После холодного сидения в землянке тепло хаты показалось блаженством. Хозяйка принесла горшок супа, положила горбушку хлеба. С жадностью набросился Владимир на еду. Почти счастлив...

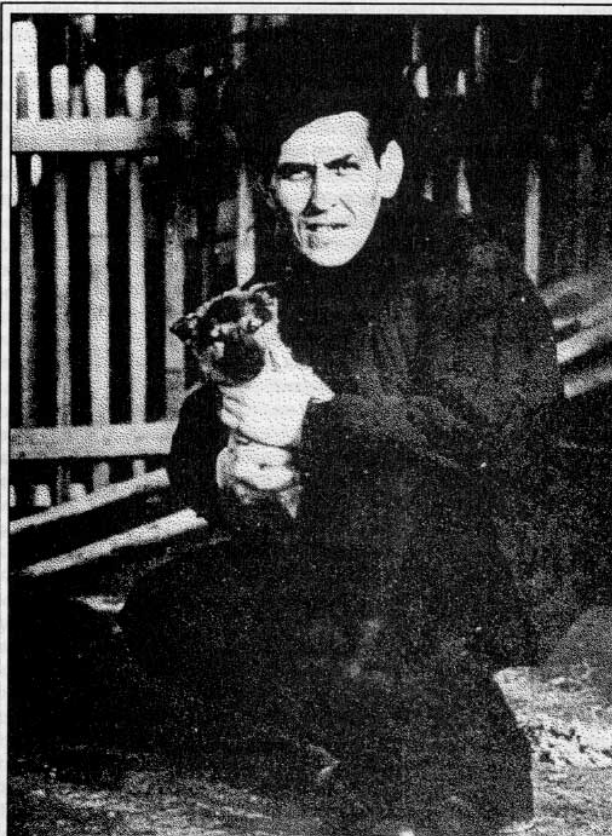
В штаб армии приехали к ночи. Сразу же повели на допрос. Капитан СМЕРШа, представившись, сказал: «Будем с вами заниматься». И начал задавать вопросы. Закончив, протянул протокол: «Распишитесь и можете идти.» В коридоре Владимира встретил солдат: «Руки назад!» Ловко связал руки жесткой веревкой и погнал к землянке, в которой была полевая тюрьма. Темно, сыро, холодно. В углу — куча соломы. Один, совсем один! Упал ничком на солому, провалился в забыть...

На завтрак — хлеб, кипяток. В обед — баланда. Два раза на opravку — утром и вечером. Тюремный режим. От плохой пищи расстроился желудок. Одолеет лошадь возле кирпичного дома. В полутемном коридоре Татьянин муж нашел нужную дверь, хлопнул по плечу и ухмыльнулся: «Входи!» В комнате за

Из штаба армии повезли в штаб фронта.

Конвоиры из войск НКВД завели Владимира в хату и приказали: «Раздевайся догола!» Подгоняемый понуканиями, скинул полушубок, стянул толстый свитер, сапоги. «Хорошо одет, шпионская морда, — буркнул энкаведешник, — посмотрим!» Забрали и свитер, и сапоги, кинули вместо сапог старые ботинки. На улице подвели к люку. Смели снег, открылся ход в яму. Глубина метра три. «Прыгай!» Пересилив страх, прыгнул. Поднял голову: наверху кусочек синего неба — воля. Закрылся люк. В темноте вспыхнул фитилек, осветив нору и людей, которые в ней сидели. Пошли вопросы: «Кто? За что попал?» Обычная процедура «обнюхивания», которая становилась почти привычной. Поговорив, решил завалиться спать. Только приткнулся, как захрохотала крышка люка. «Успенский, вылезай!» Опустилась лестница и Владимир выбрался на свет. Хотел вдохнуть полной грудью, но в спину толчок: «Шагай, не задерживайся!» Привели в хату. Встретил капитан, вежливо осведомился: «Проголодался?» «Проголодался!» Капитан принес котелок с кипятком, хлеб, сахар: «Ешьте!» Владимир не ожидал подобного приема, но не заставил себя уговаривать. Быстро проглотил и хлеб и сахар. Хлебнул кипяточку — хорошо! Капитан не мешал. Сидел, перелистывал бумаги. Владимир не спеша прихлебывал кипятком. Пауза затянулась. Возможно капитану доставляла удовольствие игра в неторопливость, наслаждение властью над человеком, судьба и жизнь которого всецело в твоих руках... Наконец, он захопнул папку с документами и посмотрел на Успенского в упор: «Займемся делом.» На Владимира градом посыпались вопросы. Записав анкетные данные, капитан перешел к сути допроса: о связях с врангелевцами, о народно-трудовом союзе, о цели заброски к партизанам. «Кто? Когда? Зачем?» Владимир старался честно и подробно отвечать, но следователь не верил. Он уже злобно орал: «Что ты мне чепуху рассказываешь?! Говори правду!» Протянул лист: «Рисуй форму врангелевской дружины: погоны, мальтийский крест.» Владимир нарисовал как мог. «Изложи мотивы перехода к партизанам!» Зло выхватывал листы, пробегал глазами, отбрасывал и кричал бешено: «Ложь! Ложь! Ложь!» Под утро допрос закончился. Люк, прыжок в темноту. Измотанный физически и нравственно, Владимир провалился в сон, не чувствуя как сотни блох беспощадно терзают его тело...

Допросы повторялись каждую ночь. Следователь требовал, чтобы Успенский признал, что он немецкий шпион, выдал цель задания по внедрению в партизанский отряд, явки резидентов, адреса, пароли, связи с антисоветскими организациями. Владимир же утверждал, что в НТС не состоял, к партизанам перешел добровольно, как русский патриот, что он любит Родину, что мечтал о ней в эмиграции. Но следователь толь-

Владимир УСПЕНСКИЙ — заключенный Александровского центра

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОВОБА

ко криво усмехался: «Не ври!» Затем вызывал конвоира: «Отведи этого проветриться, а я пока посилю.» Конвоир приводил Владимира в амбар, заставлял снять верхнюю одежду и ставил по стойке смирно. Сам же — в теплом тулупе и валенках — присаживался в уголке и смолит сигарку, изредка покрикивая на арестанта: «Не шевелись, гаденыш!» Проходил час, два, три... Владимир был в полубоморочном состоянии. Тряслись руки, ноги, стучали зубы. И не уйти, не убежать, не проснуться от страшного наваждения... «Одевайся, пошли!» Снова кабинет: «Ну, что, подумал говорить?» «Я все сказал.» «Иди, еще подумай!» Опять амбар. Стойка. Мороз, терзающий тело. И ленивый конвоир в углу. Час, два, три... «Одевайся!» Пальцы не сгибаются, ноги не идут. Удар прикладом в спину: «Пошевеливайся!» Люк. Прыжок в преисподнюю. Сон тяжелый, мучительный...

Очередной допрос. Вошел Владимир и удивился. У капитана — гости: женщины, офицеры. Богато накрытый стол — белый хлеб, колбаса, сыр, водка. Гости посмотрели на вошедшего и отвернулись. Капитан что-то негромко сказал, все засмеялись. Затем разлили водку, подняли: «До дна!» Молодой лейтенант взял скрипку и заиграл что-то веселое. Кто-то грянул песню, все подхватило... Владимир стоял, смотрел и с горечью думал: «Какие скоты!» А следователь придумывал все новые истязания. На очередном допросе он угостил Владимира супом: «Ешь!» Полный котелок горячего варева. Хлебнул раз, другой — пересолено. Но голод не тет-

ка, съел все. Через полчаса Владимир понял какую мину подложил ему следователь. Дикая жажда после соленого супа без хлеба. «Пить, пить!» Капитан наливает стакан молока: «На!» Рука тянется к стакану, но он уже у следователя: «Расскажи о связях с НТС.» «О, господи! Нет никаких связей!» Молоко — в угол. Растеклось густое белое пятно. Разъяренный следователь ударил Владимира по печени: «Повторяй: у попа была собака... Быстрее! Быстрее! без остановок!» Полчаса Владимир повторял тарбарщину. Вдруг капитан выхватил пистолет и хряснул Владимиром по зубам. Кровь потекла по подбородку... Сплюнул на пол вместе с кровью зуб и неожиданно для себя дал капитану пощечину. «А-а-а!» — завопил следователь. На крик влетел конвойный и треснул прикладам по ребрам. Владимир охнул и повалился на пол...

Через два месяца следствие закончилось. Владимир подписал следственные документы, получил паек на три дня: полбуханки хлеба, банку тушенки, соль, — и с тремя арестованными залез в кузов грузовика. Повезли в Гомель. Из Гомеля — плацкартный вагон. Один конвоир рядом, второй — напротив. Еще в первый день Владимир умял паек и теперь трое суток смотрел, как охранники закусывали хлебом с салом. На Белорусском вокзале встретили двое:

«Пойдешь с нами. Не вздумай бежать!» Владимир посмотрел на свою одежду, горько усмехнулся: «Куда побежишь в таком виде?» Поехали на метро. Вокруг люди — жизнь. Жадно всматривался Владимир в лица москвичей. Но его взгляд наткался на встречный — угрюмый или подозрительный. Невесело жилось в Москве 1944 года. Вышли из метро на большую площадь. Не знал тогда Владимир, что это печально знаменитая Лубянка.

Провожатые под расписку сдали Успенского дежурному. Новичка заперли в бокс. Долго просидел Владимир. Наконец пришел надзиратель, принес нижнее белье: солдатские кальсоны, сорочку, а также полушубок и шапку. Коротко приказал: «В баню!» Владимир мылся долго, с наслаждением, никто не торопил. Горячая вода смывала с тела коросту и, казалось, что легче становится от слабости. В предбаннике натянул свежее белье, форму, полушубок. Служитель куда-то унес его грязное тряпье. После бани — в камеру одиночку. Только присел на топчан, как тут же повело: спать, спать! Из двери голос: «Спать не положено! Лежать тоже!» Принесли тряпье, в котором его привезли на Лубянку. Оказалось, что носили на прожарку от вшей и блох. Вздыхнул Владимир, снял чистое, надел «свое». Команда: «Руки за спину, вперед!» Владимир удивился — обычно конвоиры орут на арестантов, да с матом-вывертом, покруче, посолоней, а на Лубянке команда — шепотом. Идут по коридору, на-

встречу заключенный с конвоиром. Свистящий приказ: «К стене!» Носом в шпугатурку, а за спиной протопали. И не перемигнешься со встречным, не приободришь кивком: держись, мол. Все предусмотрено тюремной конторой, чтобы человек не нашел в ближнем опоре: одного легче сломать. Привели в камеру: пять коек с постельями, пол паркетный. Новое жилье, новые сокамерники, новые распорядки. Осел Успенский на Лубянке прочно: целый год прожил в «паркетной» камере...

На первый допрос вызвали ночью. Заключенные спят чутко: руки поверх одеяла, и не дай Бог спрятать их. Тут же открывается дверь и жестким шепотом команда: «Руки наверх!» Так же шепотом на допрос: «На «У» — выходи!» На «У» — Успенский. Главное в тюрьме и в лагере — превратить человека в ничтожество, обезличить, и потому: бушлат, номер, на допрос — на «У».

В шикарном кабинете встретил молодой, лохотенный следователь в золотых очках. Полистал дело: «Так, понятно, враг народа.» И грубо: «Почему не признаешься?!» В ответ медленно, членораздельно: «Я бы хотел, чтобы вы разговаривали со мной иначе.» «Что-о-о?! А ну, встань!!!» Поднялся Владимир. Внутри словно натянутая струна вибрирует. Вдруг все поплыло перед глазами, покачнулся и повалился ничком — обморок. Когда пришел в себя, лохотенного уже не было. Больше на допросы не вызывали. Все ясно: враг народа, а для врагов есть универсальная статья — 58-я. Потянулись долгие месяцы лубянского заключения. Мучительные ночи с руками поверх одеяла, ранние подъемы, жидкие завтраки и обеды, 20-минутные прогулки под присмотром конвойных-офицеров. Владимир вспоминал офицеров царской армии, которые подобную службу сочли бы для себя бесчестьем...

Через год вызвали ночью с вещами. Перевели в Лефортово. Там просидел три месяца в маленькой, сырой камере вместе с двумя заключенными. На допросы не дергали. День-ночь, сутки — прочь. Из Лефортово — в Бутырку. Посадили в большую камеру, в которой маялось тридцать человек подследственных. Постоянных не было. Арестанты: рабочие, военные, воры в законе — мелькали, словно на карусели...

Однажды ночью Владимира выдернули из камеры к начальнику. Дело привычное, руки за спину, пошел. Начальник долго не рассусоливал: «Успенский?» «Да.» «Распишитесь.» Взял ручку, наклонился — постановление. Успенский В.М., статья 58-1а, десять лет ИТЛ. Перо дрогнуло: «А где же судья? Защита? Трибунал?» В камере успокоили: «Радуйся, что не расстрели!» Перевели к осужденным. Сидел два месяца, ждал этапа, вечерами слушал исповеди заключенных о жизни в социалистическом «раю». Вспомнился бельгийский плакат: Сталин, стоящий на горе человеческих трупов. Достала медведья лапа и его...

Наконец этап собрали и привезли в Ярославль. Тюрьма над Волгой, из окна видно, как солнце садится — красиво... Тем горше думать о собственной судьбе. В Ярославле — передых, и дальше — на север. Погнали заключенных через весь город к пристани. Медленно шла колонна серых, смурных людей. Встречные шаркались в

стороны. Потом, с опаской оглянувшись, смотрели вслед. Что думали о них вольные? Жалели, сострадали, или — так вам фашистам и надо, — кто знает? Заключенных погрузили на баржу, в трюм, а на палубу — мешки с мукой. Баржа пошла на север. Остановились у маленького лагеря. Приказ: «Разгружать мешки!» Сбросили трап, мешок на спину и айда! Владимир сделал три шага, остушился и ухнул с мешком в воду. Вослед — мат: «Загубишь продукт!» Но не били. После разгрузки — в лагерь. Десяток баржков — новенькие, доски еще сырые. Работа — силачивать в воде бревна, скручивать их проволокой, делать плоты. Гиблая работа. Кто выполнял норму, то есть работал до изменения, тому премблюдю — пирожок. Стрел бы Владимир, но выручил один поляк. Он работал лесником. Ему потребовался помощник на подхват. Чем понравился Владимиру поляку — загадка, но он его взял и тем спас.

Лагерная жизнь жуткая, беспощадная. Мат, драки, кражи. Сильные угнетают слабых. Волчьи законы. У Владимира стаяли ботинки. Утром проснулся — нет. У кого спросишь? Не зевай! Смастерил из старой автотопкрышки чуни. Ноги натуральные — страшно! Кашу для зеков варили в бочке. После раздачи — выкатывали во двор. «Мойщики» уже стоят, ждут. Самый проворный ныряет в бочку и языком, языком! Остальные воют: «Не по правилам!» И палками, палками «счастливчика»...

В 1947 году Владимира повезли в другой лагерь — под Рыбинском. Но с первого захода не приняли — путаница в документах. Отправили в Ярославль, посадили в Софиевскую тюрьму — в одиночку. Просидел три месяца. Наконец устали с документами, перевели в лагерь. Стал работать сварщиком на рыбинском заводе. В этом лагере сидело много малолеток. Безжалостные, беспощадные — они творили что хотели. Налетали скопом на жертву, шерстили мешки, били. Особенно страдала 58-я. За спинами малолеток стояли урки. Чуть что — дрыном по голове. Или ночью отрезали голову.

Вскоре из Рыбинска собрали этап в Красноярск. В Красноярске — огромный пересыльный лагерь. Люди самых разных национальностей. Переключка два раза: утром и вечером. Таков порядок. Большой процент урок. Злодействовали. Хлеб после обеда лучше не оставлять — отберут. Здесь Владимир познакомился с Франсуа Петитом — полковником французской армии. Зеки ходили кто в чем, а он — в военной форме. Франсуа работал в репатриационной комиссии, а как попал в лагерь, хоть и разговорчив был — не рассказывал. А Владимир и не расспрашивал. В Красноярске погрузили на теплоход, как селудку в бочку. Лежали впритирку. Когда нужно было переворачиваться, подавалась команда и по трюму шла волна — переворачивались. Высадили в Дудинке. Пересыльный лагерь с трехэтажными нарами. Здесь были недолго. Повезли в Норильск. Шло лето 1949 года. Зеков подогнали к узкоколейке с длинным товарным составом. Двери вагонов были «гостеприимно» распахнуты для загрузки «человеческого материала». «Вперед!» — и, матерясь, зеки полезли в душное нутро. «Материала» было в избытке. Стояли, тесно прижавшись друг к другу. Двери закрылись, состав тронулся. Солнышко припекало и через полчаса стало нечем ды-

шать. Вагоны раскачивало, люди падали друг на друга. Того, кто не успевал подняться — топтали. Стоны, вопли, проклятья! Через двенадцать часов прибыли в Норильск. Духгубки открылись и свежий ветерок пахнул на мучеников. Очумевшие, обессиленные они вываливались из вагонов. Конвой — автоматчики с волкодавами, покрикивая на нерасторопных, быстро построили колонну и повели в лагерь...

Через четыре километра показалась привычная колочка в несколько рядов, вышки, вахта, ворота. Внутри — двухэтажные плачкочные дома. Раньше в них жили солдаты. Тут же раскидали по бригадам. Успенский попал в 12-ю. Двадцать человек. Бригадир — Анушкин, бывший офицер. На следующий день — на строительство медеплавильного комбината. Подъем в шесть часов. Завтракали здесь же, на нарах, торопись успеть до развода, до стука об рельсы. Позже в лагере появился зек-трубач, и монотонный, железный стук сменился бодрым советским маршем. Через некоторое время к трубачу присоединился аккордеонист. Развод пошел под музыку: «Кипучая, могучая...» Жить стало «веселей». Зеки строились по пять человек, брали друг друга за руки и — пошел через ворота. Нарядчик из урок, но с 58-ой, считал: «Раз, два, три...» — сошлось!

... Бывало, что урка шкодил среди своих, таких же воров. Винового ждал нож. А жить-то хочется! Тогда он шел к начальнику с «повинной» и доносил на себя, как на врага народа. Получал 58-ю и жизнь в другом лагере. Но и с 58-ой он оставался уркой — наглым, жестким, пробивным, для которого тюрьма и лагерь — дом родной. И на новом месте урка старался прилечь кверхушке. За деньги, тряпки можно было купить теплое местечко. И покупали. А 58-я пасовала перед урками и безропотно шла на тяжелые работы...

До стройки — три километра. Та же колочка, та же вахта, тот же счет. Комбината, как такового, еще не было. Стояла лишь котельная с огромной трубой. Говорили, что ее высота 150 метров и что это самая высокая труба в СССР. Новоприбывшим предстояло копать котлованы под фундаменты будущих цехов. Бригадир получал в инструменталке орудия производства — кирки и лопаты. Стройплощадка среди тундры. Сама природа против зеков, особенно зимой. Чтобы не замерзнуть, работали по-ударному. Но бесшумный темп высасывал силы, а скудная пища не могла их восстановить. Быстро наступала анемия. Смена длилась 12 часов...

Успенскому повезло — попался хороший бригадир. Умел беречь людей, ладить с десятниками и нормировщиками, чтобы те закрывали глаза на работу без смертного напряжения. Но если бригадир, или звеньевой были из урок, заключенным приходилось туго. Начальство смотрело на урок, как на оступившихся. Подумаешь, магазин ломанул, или пырнул кого. Зато мозги не набекрень. Свой парень — советский. Посидит — исправится. А вот 58-я — враги народа и социализма: фашисты, диверсанты, шпионы. Подрывают основы государственного строя! К таким — никакого снисхождения. Поэтому, не страшно, если вор в законе из «патриотических» чувств зарежет фашистского ублюдка. Не важно, что этот «фашист» — в голодный

год — срезал с колхозного поля несколько колосков для своих детей. Труп в землю, убийцу в другой лагерь...

В лагере процветало воровство. Утром, — в четыре, пять, — когда сон особенно крепок, поднимали головы «шакалы». Словно тени начинали они шнырять среди спящих. Крали все, что попадало под руку. Но не жди милости, если попадешься! Владимир не раз видел такие расправы. Вся бригада — ордой — набрасывалась на «шакала». Валили на пол, пинали, топтали. Избитого уносили в амбулаторию. А утром, смотришь, — идет на развод. Лагерная жизнь вырабатывала бесчувственное отношение к боли — своей и чужой. Люди зверели. Шла борьба за жизнь: не ты, так тебя. Успенский видел, как тяжело приходилось бессильным «доходягам». Их загоняли под нары. Проявлялась и такая закономерность. Чем выше человек стоял на воле, тем, подчас, ниже он скатывался в лагерной иерархии, и часто занимал место на самом дне — под нарами, рядом с «доходягами». И привыкал, смирялся. Просыпался таковой среди ночи: охота в туалете. Но лень вставать. Брал котелок и справлялся в него нужду. А после подъема выплескивал содержимое и подставлял под кашу.

В Норильском лагере раз в месяц полагалась сахарная пайка — килограмма полтора. Поднимали бригаду ночью, отшивали сырой песок. Хранить негде — украдут. Поэтому пока шли обратно — съедали. Полтора килограмма — зара! Многим становилось дурно, поднималась температура. Так сахарное довольствие становилось похожим на пытку...

Ночью же посылали солить капусту — по бригадно. Работали час, полтора. Кочаны мыли в бочках. Вода в лагере привозная, поэтому экономили. Мыли не меняя воду: макали и бросали рубничкам. Рубили лопатами. Собирали крошечку в корзины и несли к огромным деревянным чанам. В чанах сидели зеки, принимавшие и утаптывавшие капусту. Они работали без смены, поэтому по нужде не отлучались. Куда там прыгать вверх-вниз, когда только успевай принимать! Мочились тут же...

Однажды среди рабочего дня забегала охрана: «Шабаш! Выходи строить!» Построились, вышли за рабочую зону метров на пятьдесят: «Стой!» Смотрят — едут грузовики. В кузовах — краснорожие здоровячки с красными флагами и плакатами. Выгрузились возле ворот, впереди оркестр, и с музыкой пошли к котельной. Сгрудились толпой — митинговали, кричали: «Ура!», швыряли в воздух шапки, качали кого-то. Щелкали фотоаппараты, крутилась кинохроника. Великая стройка комсомола! Так создавались лжедокументальные страницы истории. Зеки матерились...

Франсуа Петит — полковник французской армии — сидел вместе с Владимиром, но жил совершенно иначе. С первых дней заявил лагерному начальству: «Я — француз, и подыхать для Советов не намерен!» Странно, но его не трогали. На работу не ходил, сидел целыми днями в бараке. Через полгода выучился болтать по-русски и занимал желавших слушать бесконечными байками об иностранном легионе, Азии, Африке... Франсуа сблизился с Владимиром. Вечерами сходились и вели долгие беседы о жизни.

Однажды Франсуа сказал, что у него есть связь с французом по фамилии Росси, который живет в Норильске. Он отсидел десять лет, освободился и остался на жительство в городе. Работает фотографом и рисовальщиком. Может помочь. «Пойдешь в побег?» — спросил Франсуа. «Сумашествие! — ответил Владимир, — зимой по тундре, ночевать в снегу? А летом? Болота, гнус, охотники. Не-е-т!» В лагере были побеги. Все заканчивались плачевно. Беглецов ловили, жестоко избивали. Зимой раздвигали догола, привязывали к саням и тащили волоком до лагеря. Привозили обычно трупы. Если кто чудом выживал — добавляли срок. Но Франсуа был красноречив и убежден в успехе. И зародилась в сердце Владимира искорка: «А вдруг повезет?»

Франц Вайсмайр, гражданин Австрии, г. рож. 25.8.1878, г. Лиц, проживающий в г. Зальцбурге, Линцгергассе 62.

Зальцбург, 27 мая 1947 г.

Международному Комитету Красного Креста г. Женева, Швейцария

Высокоуважаемый господин!

Разрешите мне изложить Вам нижеследующее и просить о Вашем содействии.

С конца ноября 1943 г. я разыскиваю своего приемного сына и с этой целью обращался неоднократно в австрийское и русское Общество Красного Креста в Москве, но не получал никакого ответа.

В связи с этим прошу Вас передать мою просьбу в русский Красный Крест, потому что я надеюсь, что дело таким образом продвинется быстрее.

Думаю, что розыску будет намного легче, если я опишу подробно об этом деле.

Разыскиваемого зовут Владимир Успенский, родился он во Владивостоке 12 августа 1922 г. Я взял к себе этого сироту в возрасте 3 лет в Бельгии, где я работал, и воспитал его. Мальчик учился в средней школе, а затем продолжал свою учебу на техника в Университете Труда г. Шарлеруа. Военные события 1940 года не дали ему возможности учиться дальше на инженер. Нацисты посылали его с завода на завод, где он получил тяжелые травмы. В Берлине он заболел тифом, а когда он выздоровел, его послали на восточный фронт. Он говорил и писал на немецком, русском и французском языках.

В мае 1943 года он выехал из Берлина в Россию. До конца ноября мы получали от него письма регулярно. Его последнее письмо было выслано из Турска, с полевым номером 345000.

С конца ноября мы больше не получали от него никаких вестей. В апреле 1944 г. мы получили, наконец, от унтер-офицера Нойбера, с его места службы, проживающего по адресу: Бриег-Бреслау, Шварцер Вег 51, известие о том, что Владимир Успенский перешел к красным партизанам, и что он был приговорен к смертной казни заочно.

Я и моя жена думаем, что наш мальчик все еще живой, в противном случае мы бы получили из Вермахта извещение об исполнении приговора, или о его смерти.

Мы полагаем, что вполне возможно, в связи с переходом к красным партизанам, он где-то интернирован до выяснения его дела и потому не имеет возможности дать о себе знать.

Это интеллигентный и искренний моло-

Владимир УСПЕНСКИЙ — заключенный Владимирской тюрьмы N2
Фото со справки об освобождении
ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОВОБА

дой человек, который часто высказывал свое возмущение жестоким отношением немцев к русскому гражданскому населению, что побудило честного и чувствительного парня к этому действию.

Мальчик относился с любовью и благодарностью к своим родителям, и потому мы просим Вас от всего сердца оказать нам содействие.

Мне скоро 70 лет, детей не имею и потому я сделал все, чтобы мальчик стал честным человеком, это относится и к моей жене, к которой мальчик также очень привязан.

Прошу Вас принять во внимание, что мы не из богатых, и тем не менее мы ничего не жалели для его воспитания и образования.

Война отняла у нас все, я потерял свою работу, в бомбежке потерял все имущество, и во имя человечности мы просим нам помочь.

Мы были бы Вам бесконечно благодарны, если бы Вы ему помогли в случае возвращения. Все расходы я готов взять на себя.

Большое Вам спасибо за ваши заботы.

Ф. Вайсмайр

P.S. В случае, если станет известно, что он интернирован, я пойду на любые расходы, чтобы посылать ему продукты питания.

За разговорами о побеге, о лагерной жизни шли дни. Однажды майским утром Успенскому приказ: «Остаться в зоне!» Вскоре повели на вахту. В проходной передали конвою Владимира и папку с делом. За воротами ждал грузовик. Привезли в норильскую тюрьму и сразу на допрос. Всю дорогу Владимир ломал голову: «Зачем?» Следователь вежливый. Только на «вы». «Присяжничайте. Я — капитан Арсеньев. Ну, рассказывайте, какие шпионские сведения передаете?» От неожиданности Владимир даже рассмеялся: «Какие шпионские сведения?!» Следователь чуть посуровел: «Что вы смеетесь? Знаете француз Петита? Он арестован.» «Вот в чем дело! Знаю.» «Что сообщали ему о работе, о бригаде? У него в городе пособник — опасный шпион.» Пересказал Владимир капитану Арсеньеву содержание раз-

говоров с Франсуа: о котельной, о котловане, о самой высокой в СССР трубе... «Подпишите протокол.» В камере, как подарок, Франсуа. Он объяснил Владимиру, что предал их вольнонаемный водитель — связной между ним и России. Погоревали. Франсуа и в тюрьме вел себя свободно. Днем спать не положено. «А, плевать!» Завалился. Дверь открылась, заглянул старшина: «Встать!» «Пошел ты к черту!» Старшина онемел от ярости. Затем подскочил и схватил француза за грудки. Франсуа в ответ треснул старшину по физиономии, повалил на пол и начал душить. Старшина завопил, Владимир вмешался. Через полчаса его вызвали к следователю. Больше он Франсуа не видел...

Владимир ждал приговора. Обвинение в шпионаже — дело серьезное. Два месяца мучился ожиданием. Каждую минуту будто под топором: «А вдруг расстрел?» Наконец: «Статья 58-6, срок — 25 лет!» «Это ж в каком году я выйду на свободу?» — получалось, что в 1975-м...

Международный Комитет Красного Креста Центральное Агентство по делам военнопленных Женева 11.6.1947 г.

Господину Францу Вайсмайру г. Зальцбург, Линцергассе 62, Австрия

В ответ на Ваше письмо от 17.5.1947 г. сообщаем, что мы не располагаем никакими данными о Владимире Успенском и что мы не в состоянии получить какое-либо известие о нем, так как Советский Союз не ратифицировал договор от 1929 г.

Мы полагаем, что если Владимир Успенский перешел к партизанам, то сейчас он стал советским гражданином. Если он знает ваш адрес, он сможет вам написать. Похоже, что он ждет удобного момента, чтобы возобновить связь с вами.

С глубоким уважением (Подпись)

В Норильские посадили на самолет и в Красноярскую тюрьму. Оттуда в Иркутск — поездом. Из Иркутска — машиной. Офицер в кабину, конвойный — рядом: поехали. Дорога через тайгу. В голове у Владимира шальные мысли: «25 лет — срок громадный! Отсиджу ли? А свобода — вот она: за бортом грузовика. Только махнуть из кузова и в лес. Пока «попка» свою пикалку навешает...» Но другой голос — осторожный — уговаривал: «Куда побежишь? На кого в лесу надежда? На дедушку косолапого? Жители заметят — сдуют с потрохами. Сиди!» Проехали километров 80, и вот он: Александровский централ. На входе обычная процедура: «Скидай одежду — в баню!» «Получай одежду.» Белье солдатское, ношенное, но чистое. Полосатый костюм — трофей, взятый в гитлеровской Германии. Такие носили в концлагерях: Освенциме, Бухенвальде, Дахау... Теперь — в Александровском централе. Эстафета от Гитлера Сталину. Провели Владимира по огромному коридору в камеру на тридцать коек. Койки железные, но с дере-

Франц ВАЙСМАЙР, отчим Владимира УСПЕНСКОГО. Зальцбург, Австрия

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОБОВА

вянным настилом. Подушка и матрас набиты соломой. Во всю длину камеры — стол. На табуретке рядом — бак для кипятка. У дверей — параша. Все знакомо. Дверь захлопнулась. Старожилы указали свободную койку: «Причаливай! За что попал?» Владимир улыбнулся: «Шпион.» «А-а! Здесь все шпионы.» Потекла жизнь в Александровском централе. Подъем в шесть. Умывание в камере, завтрак. Приносили хлеб на день — 420 граммов, кипяток и черпак каши. В обед — суп, каша. После обеда — тихий час. Хочешь, не хочешь — ложись и лежи. Отбой в 23 часа. Электричество — всю ночь. Народ в камере разный: немцы, югославы, чеченцы, украинцы, латыши, японцы — генералитет Квантунской армии. Успенскому понравились японские генералы: вежливые, спокойные, мудрые. Жили они, будто созерцающая вечность...

Главная проблема в тюрьме — безделье. Оно буквально давило, рождая душевные муки. Искали и находили орудия труда. В ход шла любая мелочь: осколок стекла, горелая спичка. Владимир легко овладел ремеслом портного. Так набил руку, что с помощью простой спички сшил целый костюм...

Но сидели в камере и стукачи. Начальство широко практиковало и настоящую вербовку, и ложное подозрение. Человека вызывали и долго с ним беседовали. Вербовка была не обязательна. Само длительное отсутствие рождало подозрение: «А ты, сучий сын, не стукачок ли?» Возвращался зек в камеру и

ловил подозрительные взгляды. От недоверия до раздора — один шаг. Слово за слово, глядишь, уже лупит друг друга. А подлинный стукач — в тени и доносит: «У такого-то в подушке иголка, у такого-то — стеклышко!» И вот среди ночи, внезапно: «Подъем! Выходи в коридор на шмон!» Раздевали догола и начинали заглядывать в каждую дырку: в рот, в анус... Прощупывали каждый шов на одежде. Всю камеру переворачивали вверх дном...

Днем выводили на прогулку: минут на 45. Можно было подвигаться. Владимир любил боксировать с тенью. А кто-то занимался другим: старался передать записку соседям. Тюрьма была центром, куда стекались последние сведения и слухи. В красноярской тюрьме — восстание, в свердловской — восстание. В Джезказгане зеків давили танками, в нарымском лагере — расстреляли. В Норильск привезли массу военных, которые побывали в немецком плену. На родине они получили от советской власти новые сроки. Фронтовики прошли огонь и воду, их трудно было запугать. Увидели они лагерные порядки, наглость урок и возмутились. Провели работу, организовались, вызнали всех стукачей и всю уголовную дрянь и однажды ночью поднялись на «ура!» Погнали шакалов на колочку, на ворота. С вышек началась стрельба. Лагерь окружили войска. Из

Москвы приехал генерал с комиссией. Его впустили в зону. «Ладно, — успокоил он зеків, — разберемся. Наведем порядок!» Ему поверили, открыли ворота. Вошли солдаты и началось... После фильтрации многих расстреляли. Почти всех остальных осудили на новые сроки. Так гулаговские генералы навели порядок...

В 1953 году умер Сталин. Через полгода убрали Берия. До Владимира дошли слухи: отец жив. Брат тоже жив — в Союзе, сидит на Урале. Владимир написал заявление: «Прошу оказать содействие в розыске брата.» В нудной тюремной жизни появился огонек: надежда, что ГУЛАГовская канцелярия перелистает свои гроссбухи и выдаст справку, где отбывает срок Георгий Успенский. Четыре раза Владимир писал прошения. Ожидание превратилось в мучение. Но лагерная система для того и создана — мучить людей и в большом и в малом... Владимир почти отчаялся получить ответ, но через несколько месяцев после падения Берии его вызвали к уполномоченному. «Вы писали заявление о розыске брата?» «Писал. Только безрезультатно.» «А вы еще раз напишите.» «Ладно, — подумал Владимир, — в последний раз.» Через полтора месяца пришел адрес лагеря, где сидел Георгий.

*Австрийское Общество Красного Креста Зальцбургская служба розыска Зальцбург, 22 авг. 1955
Парис-Лодрон-штрассе 8а, Тел.72525
Немецкому Красному Кресту Гамбург-*

ская служба розыска Отдел 2а, Гамбург-Остдорф, Бломкамп N 51

Касается: почтовая открытка от Георгия и Владимира Успенских, СССР, п/я 5110/37 Относительно: Ваше письмо от 19.4.1955 и корреспонденции.

Через возвращенца, нотариуса доктора Рихтера было мне сообщено, что дело Успенского Георгия и Вальдемара (Владимира) не такое простое, как мы полагали.

Первоначально предполагалось, что Георгий Успенский, проживавший раньше во Владивостоке, прибыл как заключенный в г.Тайшет и там встретил своего брата Владимира (который называет себя Вальдемаром). Владимир в Брюсселе был призван в Вермахт и пропал без вести в Орле.

Первая часть нашего предположения верна и это доказано открыткой Георгия Успенского (написанной вероятно третьим лицом). Во второй же части дело выглядит иначе.

Доктор Рихтер рассказал мне, что он был вместе с Вальдемаром Успенским в одной камере в городе Владимире. Вальдемар не разрешалось писать за границу. Он считался пропавшим без вести, после того как попал в плен под Орлом. Однажды в 1947 г. ему стало известно, что Владимир находится в Щербакове-Рыбинске, но уверенности не было. Через своих товарищей Владимир Успенский узнал, что его брат Георгий находится в тюрьме в г.Тайшете 5110/37 и написал ему. Георгий, как указано выше, из Владивостока, написал тогда о себе и о своем брате в Берлин госпоже Э.мме Вайсмайр, приемной матери и родной тете Вальдемара Успенского. Таким образом, в лагере 5110/37 в Тайшете находится только один брат Георгий. Владимир же находится в тюрьме г.Владимира.

Итак, нам удалось найти пропавшего без вести Владимира Успенского совершенно невероятным образом, а именно, благодаря тому, что брат его Георгий оказался тоже заключенным, но в другом месте, и братья узнали друг о друге через других заключенных.

Это неправдоподобно, но очень отрадно. С уважением Муссон.

P.S. Доктор Рихтер допускает некоторые неточности, т.к. я не попал в плен в Орле, а перешел к кр. партизанам в Белоруссии и мы с ним были вместе в одной камере не во Владимире, а в Александровском центре. Брат Георгий был арестован не во Владивостоке, а в Харбине, где и проживал. (В.М.Успенский)

Однажды Владимира отвели в бокс, дали бумагу, чернила: можно написать письмо. Многого нахлынуло... Но главного не скажешь — цензура! Собрался с духом, вывел: «Здравствуй, брат...» Писал долго, тщательно отбирая мысли. Когда вернулся, камера встретила настроенно: «Где пропал?» Отчитался. Не прошло и месяца, вызывают: ответное письмо. Протянули распечатанный конверт — внутри листок и фото. Начал читать — перехватило горло, хлынули слезы: брат, братишка — живой! Стали переписываться постоянно. Написал Владимиру еще одно послание — в Берлин, родственникам. И — о чудо! — получил ответ. Начинаясь отпел...

Первая открытка отцу из Александровского центра. 8 декабря 1955 г.

Дорогой отец! Наконец я получил возможность послать тебе несколько строчек, что и

делаю с огромным удовольствием, так как знаю, что тебя и Люси беспокоит мое длительное молчание. Не переживайте за меня и не обижайтесь, если я так долго не давал вам вести о себе. Это не зависело от меня. Я даже не могу сказать, когда я смогу написать в следующий раз. Я считаю большим счастьем, что разрешили мне написать эту открытку до праздников, чтобы тебе, дорогой отец, пожелать радостного рождества. Пусть новый год принесет тебе исполнение всех твоих желаний, а самое главное — здоровья и много счастья в твоей скромной жизни. Желаю тебе всего того, что только может пожелать своему пожилому и доброму отцу его благодарный сын. Пожалуйста, передай Люси мои самые сердечные пожелания счастья и выпейте оба стаканчик за того, который не может присоединиться к вам. Ответная отрывная карточка Люси меня очень обрадовала. Я очень благодарен ей за ее теплые слова и за те сердечные пожелания, которые она адресует мне и моему брату. Я особенно рад был узнать о тебе, так как я ничего не знал о тебе с тех пор, как ты расстался со своими артистами театра. Как ты сейчас поживаешь, дорогой отец, и как ты себя чувствуешь, живя на твоей красивой родине? Я надеюсь, что ты здоров и что ни в чем не нуждаешься. Напиши мне о себе, насколько это будет возможно. Где мать? Я надеюсь, что мой брат тебе напишет, как я его просил делать. Он получил твои посылки и переслал мне самую большую часть. Для меня это было огромной радостью, ибо это были первые знаки жизни от тебя. Я благодарен тебе, дорогой отец, за твои постоянные заботы о мне. Твою доброту я уже давно научился ценить, что не всегда было в молодости, за что прошу простить меня. О себе я не могу сообщить ничего. С октября месяца я не получаю никаких вестей от Георгия. Он тоже невезучий. Но у него есть хороший сын, которому сейчас 16 лет. Наш младший брат, который тоже женат, имеет двух дочурок. Родители живут уже год в СССР, но с ними только Георгий переписывается. Я думаю, что Георг уже освободился. Что касается моего положения, то ты не должен беспокоиться, так как я смотрю на будущее с большой надеждой и думаю, что и моим трудностям скоро придет конец. К сожалению, я уже не тот крепкий мальчик, каким был раньше, но в моральном отношении я крепок, как скала. У меня есть просьба к тебе и Люси. Попытайтесь послать мне в письмо фотографии. Я их обязательно получу и буду радоваться. Есть ли у тебя мои фотографии? Я хотел бы послать Георгию. Что касается посылки, то я слышал, что возникли какие-то трудности. Когда они будут ликвидированы, и если у тебя на это будет возможность, то пришли главным образом глюкозу, сахар и теплые вещи, пусть даже поношенные. Я жду с нетерпением твою ответную карточку. Напиши, пожалуйста, как можно скорее, так как письмо — это настоящая радость в моей неприятной обстановке. Всего тебе доброго, дорогой отец. Еще раз желаю тебе всего хорошего в новом году. Крепко обнимаю, целую.

Твой сын Владимир

Пришел 1955 год. За плечами у Владимира Успенского одиннадцать лет срока. Тюрьмы, пересылки, лагерь, голод, холод, унижения — все безымянно! Гулаговская пайка подорвала здоровье: ныла печень, отка-

зывал желудок. А тут опять в путь-дорогу: «черный ворон», столыпинские вагоны. Через Иркутск — Новосибирск — Свердловск — Горький — во Владимир. В знаменитую тюрьму номер два. В камере — интернационал: немцы, австрийцы, грузины и француз.

Ответ из Зальцбурга на п/я 5110/49

14 января 1956. г.Владимир.

Мой дорогой Владимир!

Твоя открытка доставила мне огромную радость. Это первая весть о тебе после 13 лет. Твой привет я передам Люси. Здесь я посмотрю, чтобы тебе выслали продукты. С поношенной одеждой труднее из-за санитарного контроля. Маму я тоже обраду и передам твой привет, она будет бесконечно рада, она всегда спрашивает о тебе. Ее сейчас здесь нет, она работает в другом городе. Мы все надеемся тебя увидеть снова. Я сейчас поправился, был тяжело болен. Если у тебя будет возможность, передай привет наш Георгию. Ты не можешь себе представить, как мама и я рады твоей весточке. Передаю тебе от ее имени сердечный привет и поцелуй. В надежде на скорую встречу целую тебя тоже. Твой отец Франц Вайсмайр

Во «Владимирке» навалились болезни. Сначала загноился зуб — щеку раздуло. Потом подскочила температура: желудка. Пролежал в лазарете два месяца. Жадно читал, в основном, русскую классику. В книгах он находил собеседников. Медперсоналу ведь запрещалось разговаривать с заключенными. «На что жалуетесь?» — и все. В лазарете Владимир несколько раз видел знаменитого Шульгина, принимавшего отречение у императора Николая II. Худой, сгорбленный, беловолосый старик. Говорили, что Шульгин пишет мемуары.

Внутренняя тюрьма г.Владимир, п/я 5110/49

Дорогой отец!

Я с благодарностью получил твою открытку от 9 июля. Мне очень жаль, что все еще лежашь в больнице и удивляюсь, так как ты мне писал в предпоследней карточке, что ты уже неделю как вернулся домой, и вот ты снова должен лежать. Сделай все, чтобы поскорее выздоровел! От всего сердца желаю тебе быстрого выздоровления. Подтверждаю получение твоей большой посылки с одеждой: одеяло, брюки, и т.д., ты же писал о двух посылках, вторую я еще не получил. Может быть она где-то в пути, так как почта работает нерезультативно. Я не знаю, что во второй посылке. В первой было больше, чем я просил. В июле я получил две посылки с продуктами от тебя из города Бонна, и еще одну с ношенной одеждой. Очень тебе благодарен за все. В старых вещах чувствуешь себя здесь свободнее. Красивые вещи слишком хороши. Я придержу их для лучших времен. Для меня известие о том, что тебе сейчас лучше, было большим облегчением и радостью. Мысль о том, что ты живешь в бедности и, несмотря на это, посылаешь мне такую помощь, мне не дает покоя. Из твоей карточки я узнал, что ты уже 12 лет живешь у хороших людей. Я им благодарен за приветы. Я тоже илю им свой привет, к сожалению, я не смог прочесть их имена, так как открытка попала, вероятно, под дождь и некоторые места размазаны. Это было бы моей обязанностью тебе, дорогой отец, скрасить твою жизнь и помочь на старости лет, но — увы, я не в состоянии этого сделать. Прошу тебя, не ду-

май обо мне плохо. Надеюсь, что ты меня понимаешь. Что касается тебя, то всегда был и останешься для меня самым лучшим и настоящим отцом. Тебя должен за все благодарить, и за то, что я прошел свой тернистый путь незапятнанным. Да, дорогой отец, я чувствую, что это моя последняя карточка, которую я пишу тебе отсюда. Как сложится моя дальнейшая жизнь, не могу предугадать заранее, так как это является загадкой для меня самого. Одно я только знаю, что скоро что-то должно решиться. Я надеюсь на лучшее. Не беспокойся обо мне. Все будет хорошо. Я передам твой привет моему брату. Он пишет мало и редко, так как очень занят работой. Нелегко начинать жизнь сначала. У него славная жена. Его сын — электрик. Все живут пока далеко друг от друга, Россия же такая огромная страна! Я чувствую себя лучше и думаю, что нормальная обстановка вернет мне прежние силы. Глюкоза хорошо подействовала на меня. Это самый лучший продукт для меня.

Дорогой отец! Ты так мало пишешь! Я почти ничего не знаю ни о тебе, ни о матери, ни о Люси. Передай им мой привет. Хотелось бы им написать, но, к сожалению, это пока невозможно. Надеюсь, что они здоровы. У Люси, вероятно, много детей, а я об этом ничего не знаю. Я же уже старый холостяк. Придется мне поторопиться, чтобы найти себе хорошую девушку.

Будь так добр и напиши госпоже Маргарите Матье, ул. Спинау 60, г. Шарлеруа, Бельгия. Попроси эту даму, чтобы она тебе прислала мой диплом из Университета Труда. С 1939 г. я ей не писал и я сожалею, что позволил себе такую невежливость по отношению к ней. А теперь, дорогой отец, желаю тебе еще раз всего хорошего. Будь здоров. Обнимаю и целую крепко.

Твой сын Владимир

Как-то раз во время прогулки случилось невероятное: солдаты охраны установили репродукторы. Сначала заиграла музыка, потом пошла информация о XX-м съезде партии. Шел 1956 год. Зеки прослушали речь Н.С. Хрущева о культе личности Сталина.

Тюрьма гудела! Через некоторое время сообщили, что защитники Брестской крепости подлежат освобождению. Герои, вышедшие с боями из фашистского окружения, попали в лапы НКВД и разделили общую судьбу пленных.

Первая открытка из внутренней тюрьмы г. Владимира.

Дорогая Люси! Я рад, что могу, наконец, тебе писать. Я было уже потерял надежду от тебя что-либо услышать, как мой брат мне переслал твою открытку и тем самым меня обрадовал и удивил. Ты, наверное, была очень удивлена, получив от нас весть? Да, дорогая Люси, много событий произошло с тех пор, как мы виделись в последний раз! Я очень сожалею, что мы не можем много писать друг другу, у меня так много вопросов к тебе! В моем несчастье я имел счастье, благодаря невероятной случайности, найти своего брата. К сожалению, мы не вместе и мы еще не виделись. Он написал матери от нас обоим, потому что я лично не мог этого сделать. Какое счастье, что его открытка тебя застала! Напиши мне о себе, опиши мне свою жизнь, насколько позволит эта карточка. О своей повседневной жизни я могу тебе только сказать, что она не из приятных. Я не очень здоров. Что-то с сердцем, печень и нервы не в порядке. Единственная радость для меня это тогда, когда получаю письмо от Георгия, а теперь жду с нетерпением известие от тебя. Пожалуйста, напиши мне сразу же. Ты уже нашла отца и мать? Я думаю, что они находятся в Зальцбурге, но я в этом не уверен. Сердечно тебе благодарен за твою посылку. Георгий переслал мне часть, его братский жест меня очень тронул. Дорогая Люси, я не знаю, как ты живешь, но если у тебя есть возможность помочь мне пережить это трудное время, я был бы тебе бесконечно благодарен. Сделай что можешь, дорогая Люси, ибо у меня ничего нет. Пошли мне также фотографии твою и твоей семьи. Пошли их тоже Георгию, он тоже будет рад иметь о тебе память. Я часто вспоминаю то время, когда мы еще вместе жили. Сожалею, что это время было таким ко-

Люси ВЕККИОЛА (ПЛЕТЦ) со свекром.

Сантьяго, Чили, 1966 год

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОВОБА

ротким. Конечно, я тогда был еще дурачком и многое не понимал, но теперь, как взрослый, думаю иначе. Вот почему мне страшно хочется поддерживать с тобой постоянную связь. День рождения Георгия — 23 апреля (ст. ст.) 1917 года. Большой привет твоим дорогим.... Тебя я сердечно обнимаю и целую и желаю всего наилучшего.

Твой Владимир

Вскоре прошел слух, что начинают освобождать 58-ю. Пришло письмо от брата: его освободили! По лагерям разжегает комиссия, пересматривает дела. Прибыла она и во Владимир. Тюрьма взбудоражена. Люди не спят: кому повезет? Кто вытаскает выигрышный билет, цена которому — свобода. Владимира вызвали с вещами. Стоял у двери, маялся. Вышел офицер и объявил: «Комиссия неправомочна рассматривать ваше дело.» Владимир только плечами пожал — не повезло! Но тут же написал жалобу. Прикинул, что гулять ей минимум полгода и успокоил себя — потерпи. Но прошел всего месяц и вызвали к уполномоченному. Тот с порога зачитал решение: «Вы освобождаетесь из-под стражи. Выбирайте место жительства: или в Австрию, или в Братск — к родственникам. Подумайте. «Владимир задумался. Брат Георгий — в Братске. И отец с женой приехали к нему из Маньчжурии. Родная кровь! Сказал уполномоченному: «Выбираю Братск!»

Постскрипум: Когда я уходил от Владимира Михайловича, он, как-то жалобно улыбувшись, сказал мне на прощание: «Вот вы будете писать о моей жизни, а мне — страшно. Крепко сидит в душе страх. Я боюсь, что все может вернуться: «черные воронки», безжалостные следователи, мисорубка лагерей...»

Владимир Михайлович Успенский умер 20-го августа 1990 года, не успев прочитать этой статьи.

Простишь ли, Господь?

Новосибирск

В гостях у Франца ВАЙСМАЙРА: Владимир УСПЕНСКИЙ, Франц ВАЙСМАЙР, Люси ПЛЕТЦ. Зальцбург, Австрия, 1966 год.

ФОТО ИЗ АРХИВА А. ЖОЛОВОБА

Александр ГОРЕЛИК:

«УРОВЕНЬ ПРАВА = УРОВЕНЬ ОБЩЕСТВА»

Александр Соломонович ГОРЕЛИК. Окончил юридический факультет Ленинградского Университета. Шесть лет работал следователем и прокурором района. Потом окончил аспирантуру в Ленинграде и был направлен на преподавательскую работу в Красноярский Университет, где трудится уже тридцать лет. Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Уголовного права и криминологии. Сопредседатель крупнейшей правозащитной общественной организации края — Фонда «Правовая защита».

С профессором Александром ГОРЕЛИКОМ беседуют Юлия СЕРЕДА и Андрей БЛИНУШОВ.

— Скажите, Александр Соломонович, как Вы стали заниматься правозащитной деятельностью?

— Дело в том, что я хорошо знаю нашу правоохранительную систему изнутри — когда-то сам в ней работал. А поскольку преподаю уже тридцать лет, то подавляющее большинство красноярских прокуроров, судей, следователей — мои бывшие студенты. У меня даже есть свой собственный, совершенно ненаучный метод социологического опроса: иду по улице, стоит, скажем, старший лейтенант милиции, подхожу. «Здрасьте, Александр Соломонович.» «Привет, Петя. Вон, видишь, идет по той стороне улицы человек?» «Вижу.» «Можешь его сейчас взять и ни за что, ни про что дать ему 15 суток?» «Запросто.» Прокуроры и судьи со мной говорят более откровенно, чем на совещаниях, и я вижу, что ситуация в правоохранительных органах какая была, такая и осталась. Причин тому много, и социальных, и личностных... Но я ушел в сторону. Раньше я занимался правозащитой, в отдельных случаях, когда меня какая-

нибудь ситуация принципиально «заедала». Например, однажды моего бывшего студента осудили на 15 лет, и он попросил родственников обратиться ко мне, чтобы я разобрался, ибо он себя виновным не считал. Я прочитал дело, и у меня волосы дыбом встали: основной эпизод, с которого все дело началось, от начала до конца сфальсифицирован путем подделки следственных документов. А человек за этот эпизод 15 лет получил. У него были адвокаты и местный, и московский — никто не заметил.

— Что, такая тонкая была

Профессор Александр ГОРЕЛИК
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

фальсификация?

— Нет, причина в том, какими глазами они читали это дело. Ну вот, это был первый случай, затем — еще несколько отдельных эпизодов, когда мне удавалось добиться пересмотра дел. А потом начались выборы в Верховный Совет тогда еще СССР. У нас в Красноярске был выдвинут очень прогрессивный, демократически настроенный писатель Роман Солнцев. Меня пригласили юридическим советником в его группу поддержки, так я с ним и познакомился. И когда его избрали депутатом, мы продолжали работать вместе. Выглядело это так: он принимает граждан, а

когда возникает юридический вопрос, я смотрю документы. Потом, либо объясняю человеку, что он не прав, либо, если вижу в деле ошибки, помогаю написать соответствующие бумаги, запросы, жалобы и т.п. После российских выборов я стал сотрудничать также с одним из российских депутатов. Так появилась идея создания правозащитного объединения. Называется оно Красноярский краевой Фонд «Правовая защита».

В основном, форма нашей деятельности осталась той же: к нам поступают жалобы, и непосредственно, и через депутатов, мы их анализируем и даем предварительное заключение (у нас есть специалисты и по уголовному праву, и по семейному, и по гражданскому). Если человек в своих претензиях к суду явно не прав, мы даем обоснованный письменный отказ. Если что-то не так, мы идем в суд, читаем дело в подлиннике и обнаруживаем ошибки, кстати, обнаруживаем мы их, как правило, значительно больше, чем адвокаты. (К старому вопросу «а судьи кто?» я бы добавил «а прокуроры кто?», «а адвокаты кто?») Надо сказать, что во время следствия мы — общественная организация — не имеем права вмешиваться, мы рассматриваем дело только когда решение суда уже вступило в силу. Иногда, читая дело, находим в нем совершенно новые обстоятельства, иногда старые внимательнее рассмотрим, и это существенно меняет дело. Потом пишем консультативное заключение, жалобу на имя депутата, прилагая к ней необходимые документы, а депутат пишет в краевые судебные органы депутатское письмо: направляю жалобу и консультативное заключение эксперта такого-то, прошу рассмотреть. Если не получается в краевом суде — направляет в Верховный суд, в Генеральную прокуратуру России и так далее. Дело там рассматривается, правда, не всегда с положительным результатом. Иногда присылают отписки, иногда — подробные, но отрицательные ответы, но по целому ряду дел нам удалось добиться пересмотра решения суда или направления дела на новое

расследование. Это основное направление нашей работы. Еще нам приходится рассматривать дела о реабилитации жертв политических репрессий. Вот недавно было обращение: человека судили в Казахстане, а живет он в Красноярске. Там один Уголовный кодекс, здесь — другой. Старик полтора года писал во все концы, вплоть до Конституционного суда, а после профессионального вмешательства очень быстро получил справку о реабилитации и денежную компенсацию.

Однажды мы провели широкую акцию с привлечением средств массовой информации. Сейчас много развелось мошеннических контор. У нас одна такая контора пообещала продать людям дешевые холодильники, собрала деньги, ничего не закупила и не продала, а тут — инфляция. Люди остались без денег и без холодильников. Обратились в передачу «Де-юре», с которой я сотрудничаю в качестве эксперта, и мы с ведущим этой передачи довели-таки это дело до конца. Трижды мы гнали по телевидению этот сюжет, ходил-ходил я по кругу «суд — прокуратура — милиция», наконец, пришел к прокурору города и сказал: мы с вами в хороших отношениях, но если вы ничего не сделаете, то в следующей передаче я так разрисую вас и вашу контору! Знаете, подействовало. Мгновенно возбудили дело, нашли этого мошенника, дали ему список «жертв» (более 500 человек!), он сам ездил по городу и возвращал им деньги с учетом индекса инфляции.

Вот, собственно говоря, краткое содержание нашей деятельности.

— Александр Соломонович, расскажите о тех, кто работает в Фонде.

— Председатель правления — Николай Александрович Клепачев инженер-строитель, начальник организации, которая контролирует качество постройки домов. Без его подписи дома приниматься не должны. Это на редкость, просто до невероятности принципиальный человек. Еще в «партийные» времена он мог 31-го декабря не подписать акт о приеме дома. За эту принципиальность его увольняли с работы, потом он с огромным трудом восстановился, с тех пор приобрел «правозащитную» известность. Правда, человек он весьма митинговый: как что — собирает собрание, сход граждан на улице, вешает табличку «судью на мыло». В общем, по методам мы с ним резко расходимся, но его энергия и наши профессиональные знания удачно сочетаются.

Еще есть несколько человек не юристов, которых я пока не знаю к чему «приложить». А по правовым делам у нас активно работают трое: два преподавателя и один сотрудник представителя президента.

— Какие у вас контакты с другими правозащитниками?

— В городе — никаких. У нас просто нет больше правозащитников. А вообще... У нас хороший контакт с Международным обществом прав человека (МОПЧ), а с ноября прошлого года — и с «Мемориалом». Познакомились мы, когда во время выборной кампании в Красноярск приезжали Гайдар, Сергей Адамович Ковалев и Каспаров. Я давно хотел познакомиться с Ковалевым, договорился, меня с ним познакомили. Он был сильно занят, но с ним был Арсений Рогинский. Он спросил: «А зачем вам Ковалев?» Я ответил, что мы занимаемся тем-то и тем-то. Рогинский сказал: «О, это жутко интересно!» Он даже не пошел на ужин «руководящих» в администрацию, мы с ним полночи проговорили в гостинице. Вот так сложился наш контакт с «Мемориалом».

Однажды в Комитете по правам человека я познакомился с представителями правозащитных групп (примерно, таких же, как наша) из Ижевска и Мурманска Юдиным и Мухамедшиным.

— Эти группы работают также бескорыстно, как и ваша?

— Да. Мне иногда приходится слышать, что мы занимаемся адвокатской деятельностью, но это неверно. Тут есть три отличия: первое — мы не вмешиваемся во время следствия и суда, кроме особых случаев, когда, например, избивают задержанного. В вопрос виновен он, или нет, мы не влезает, а вот то, что его избивали — это явное нарушение прав человека — «наш» случай. Второе наше отличие от адвокатов в том, что мы — люди независимые. Адвокаты и этически и материально зависимы от клиента. Это налагает отпечаток на их позицию. Старая и острая этическая проблема: клиент виновным себя не признает, а адвокат считает, что вина доказана. Как адвокату быть? Отказаться от защиты он не вправе. У нас же этой дилеммы нет. Если мы считаем, что человек не прав, мы за его дело не беремся. Третье отличие — мы не берем денег за услуги. Наша организация очень бедная, существует за счет пожертвований, которые наш председатель правления «выбивает» из разных организаций. Аппарата у нас нет, один бухгалтер. Мы платим только экспертам за конкретные

заклучения, и гонорары эти очень скромные. Некоторые наши клиенты, которым мы помогли, внесли на наш счет небольшие пожертвования в порядке благодарности за выигранное дело. Не оплату эксперта, а именно пожертвование организации.

— Вы работаете только по красноярским делам?

— Да, конечно. А как я в другой области дело получу? Это одна из главных трудностей в нашей работе — никто не обязан давать мне дело. Было бы проще, если бы я вступил в адвокатуру. Есть ордер — судья обязан дать мне дело, а так я — никто, и он может мне отказать.

— И вы своим влиянием...

— Ну, разумеется, им неудобно, они когда-то были моими студентами. Так я дела и получаю. А в Новосибирске кто станет со мной разговаривать? И с районами тоже большие сложности. Если дело произошло в районе, значит надо туда ехать. А денег на командировку нет. Правда, у нас есть договоренность с краевой прокуратурой, что если мы направим материал в прокуратуру, они затребуют дело из района и разрешат мне его прочитать. Надо сказать, что прокурор края к нам хорошо относится. Правда, когда мы регистрировались, он был начальником управления юстиции, собственно он нас и регистрировал. Тогдашний прокурор края и председатель суда отказались прийти на регистрацию: «это будет вмешательство в наши дела, чего это Горелик лезет?...» А теперь он — краевой прокурор, и, поскольку сам нас зарегистрировал, как не признать?

В марте прошлого года я был у Бориса Андреевича Золотухина. Я внес предложение, и он согласился: в процессуальный кодекс надо ввести такое положение, что представителям таких как наше, официально зарегистрированных общественных объединений, разрешать изучать судебные дела. Тогда можно было бы работать и в других областях.

— Интересно, а как у вас складываются отношения с КГБ?

— У нас с ними нет никаких отношений, потому что сейчас нет политических дел, а статьи 191-я и 70-я по закону реабилитируются полностью.

— Александр Соломонович, что, на ваш взгляд, изменилось в системе правоохранительных органов за последние годы?

— Много изменилось. Судьи стали чувствовать себя увереннее. Раньше приговоры могли писаться в райкоме партии. Не все, конечно, в обычные уголовные дела они не вмешивались,

разве что чей-то родственник по падал. Но если уж вмешаются, то стукнут кулаком, и виновной окажется та сторона, против которой направлена жалоба в райком. Из райкома звонят прокурору: что у тебя, такой-сякой, творится!? К нам вот такой сигнал поступил! Прокурор: «Может, это не так было?» «Нет, у нас есть данные, решай это дело вот так и так». И переубедить было очень трудно. Теперь райкома нет, а нынешняя администрация Красноярска практически не вмешивается в судебные дела. Во всяком случае, как явление, это не существует. Хотя подлинную независимость судьи еще не обрели. Они еще очень зависят от вышестоящих органов.

Проблему независимости судей я ставлю на первое место, без нее правосудия вообще не существует. Но это палка о двух концах. Я однажды опубликовал статью: «Независимость суда: две стороны медали.» С одной стороны, без пожизненного избрания судей подлинной независимости быть не может. А с другой — кто попадет на эту должность? Судьи жалуются: депутаты лезут в наши дела. Однажды депутат, направляя жалобу по гражданскому делу в суд, написал: «считаю, что дело следует решить в пользу заявителя». Разве так можно? Он должен был написать: «прошу разобраться», а иначе — давление на суд. Я поведал бы на дверях приемных депутатов всех уровней таблички: «С жалобами на действия судей и прокуроров не принимаю». Но при другом судебном корпусе. При сегодняшнем составе судебного корпуса пожизненное избрание — это кошмар.

Наиболее независимым будет суд присяжных. Степанков выступил в парламенте, он говорил, что суд присяжных — это плохо, что при нынешнем уровне преступности будет вообще кошмар. Причины этого очень понятны: при таком уровне следствия они боятся суда присяжных, они не могут с этими делами идти в суд присяжных. К стати, еще о независимости: сколько бы мы ни избирали судей пожизненно, подлинно независимыми они не станут никогда, потому что от государства им нужна не только зарплата, но и квартира, место в садике для ребенка, автомобиль и еще много чего. А по-настоящему независимым может быть только суд присяжных. Наконец-то его у нас ввели, правда, в законе о суде присяжных есть много плюсов и много минусов. Меня мучит, например, такая проблема: права потерпевшего. Есть международная конвенция о пра-

вах потерпевшего от преступления и злоупотребления властью. Там прописано одно право: требовать компенсации. А как быть с правом требовать привлечения к ответственности того, кто нарушил твои права? Это не написано ни в международных документах, ни в нашей Конституции. Вот, к примеру, в милиции кого-то избили. Он сначала признался, потом отказался, дело было расследовано, его реабилитировали. А как быть с теми, кто его бил?

Вот моя любимая цитата из Маркса: «Иерархия карает своего чиновника за грех против иерархии, или за грех, который иерархии не нужен. Но она берет его под защиту всякий раз, когда сама иерархия совершает грех в его лице». Вот это — суть ведомственного мышления и ведомственной психологии. Но дело не в ней. Я — правозащитник. Должен ли я требовать привлечения к ответственности тех, кто нарушил чьи-то права? Хотя, это уже не правовая защита, а «правовое нападение»: я требую сатисфакции, требую, чтобы кого-то посадили.

— Но ведь на стороне потерпевшего стоит государство.

— Да, когда я был у Бориса Андреевича Золотухина (известный российский юрист, занимающийся проблемами законодательства — ПРИМ. РЕД.) с идеей расширения прав потерпевшего, он сказал, что это посконная, кондовая психология, мы с ним резко разошлись в этом вопросе. Он, как и вы, считает, что на стороне потерпевшего — государство, власть, прокурор и прочее, а на стороне обвиняемого — только слабенький адвокат со слабенькими правами. А меня очень беспокоит эта проблема. Практически, дело обстоит так: вот человек подает заявление: меня избили или что-то еще. Милиция и прокуратура отказывают в возбуждении дела. Куда он может жаловаться? Вышестоящему прокурору. В суд — запрещено. Ну, а иерархия, как я уже цитировал Маркса, защищает своих.

У нас великолепный закон о суде присяжных, самый передовой в мире. Там есть, например, замечательное положение: присяжным категорически запрещается сообщать о прежних судимостях подсудимого.

— Почему же так?

— Потому, что если человек пять раз судим за кражи, а шестую, по которой слушается дело, он, может быть и не совершал, то присяжные, зная о пяти предыдущих, засудят его наверняка. Они не должны ничего знать о его предыдущих преступлениях,

чтобы иметь возможность оценить факт как он есть. Потому-то присяжным и запрещено читать дело, судья только перед процессом знакомит их с обвинительным заключением.

— В маленьком городе, где все друг друга знают, это положение лишается смысла.

— Знаете, как это делается в США? Когда там происходит какое-то особенно жуткое преступление, они присяжных приглашают из другого города. Присяжные должны быть абсолютно чистыми «листами бумаги», иначе, это не суд совести. То есть, это уже дело техники, механизмы давно придуманы и они могут быть задействованы.

Но в законе о суде присяжных есть одно просто ужасное положение. Если во время судебного процесса обвинитель отказывается от обвинения, то мнения присяжных уже не спрашивают, автоматически выносятся оправдательный приговор. А как быть с потерпевшим? Его-то почему не спрашивают? Я моделирую ситуацию: обвинитель отказался от обвинения, но потерпевший настаивает. От его имени может выступать адвокат. Он, допустим, произносит обвинительную речь, присяжные рассматривают и выносят приговор: виновен. Вполне возможная ситуация, не так ли? Но закон подобного не допускает. Я считаю, что это — грубейшее нарушение прав потерпевшего. Кто такой обвинитель? Обыкновенный помпрокурора, который имеет наш диплом. Я же их знаю! Там может быть и низкая квалификация, и все, что угодно. Как вы думаете, сколько уплатят такому помощнику прокурора, за то, что он откажется от обвинения, зная, что это автоматическое оправдание? И ни суд присяжных, никто уже ничего не сможет сделать.

— Из каких же соображений введено такое положение?

— Не знаю, я не автор закона. Вот если увижу Бориса Андреевича Золотухина, обязательно его об этом спрошу. Пусть это кондовая идея, но на таком уровне обижать потерпевшего нельзя.

— Мы говорили о том, что изменилось за последние годы в правоохранительной системе...

— В какой-то мере повысилась культура процессов, но не намного. Да, не намного. Вот недавний эпизод: в одном из районов убили человека, преступника нашли, состоялся суд. Мать убитого говорит: «Я хочу знать, как это произошло». Я ей советую пойти в суд, написать заявление о признании ее потерпевшей, и тогда она автоматически получает право знакомиться с материа-

лами дела после окончания суда. Судья у нее даже заявление не взяла. Мотивировка: по делу потерпевшей признана жена убитого, а чтобы два потерпевших в деле было, такого в моей практике не случалось! Чувствительная! Но дело происходит в районе, сказала это сама председательша суда, больше жаловаться некому.

— Наверное, тоже ваша бывшая студентка?

— Конечно! Звоню, очень вежливо извиняюсь: «Я, конечно, не вмешиваюсь в ваше дело, но, видите-ли, закон не оговаривает количества потерпевших». «Да-да, Александр Соломонович, конечно, я все поняла. Я, пожалуй, вот что сделаю: вызову жену, попрошу, чтобы она отказалась от прав потерпевшей, и тогда мать сможет...»

— Должно быть, она была двоечницей, эта студентка!

— Да, вот вам уровень культуры правосудия. И это — председатель районного суда! Мордобой в милиции — явление достаточно широко распространенное. Все явки с повинной — липовые, подлинных явок с повинной у нас нет. Их «выбивают». Потом человек, бывает, отказывается от своего признания. Причем, человек этот может быть виновным, а может быть и нет. А суд учитывает: на следствии признавался. Страшное это дело.

— Александр Соломонович, насколько сейчас правоохранительные органы свободны (или не свободны) от коррупции?

— Свободных от коррупции органов не бывает ни в одной стране, ни в одном государстве.

— Ну, а в связи с переменами последних лет в обществе, как изменилась ситуация в органах в смысле коррупции? Честно говоря, меня иногда охватывает ужас. Мне кажется, что мафия уже всесильна, что она уже купила и подчинила себе все и всех.

— Нет, я так не думаю. По крайней мере, я могу судить об обстановке у нас. Мой метод социологического опроса вы уже знаете. Так вот, выступая перед милицией, перед судьями, я спрашиваю: вот перечень милициских служб. Где, по-вашему, «берут» больше всего? Как вы думаете, что чаще всего называют? Ну да, ГАИ и ОБХС. А где бьют? Уголовный розыск. Задайте эти вопросы где угодно, и вам ответят точно также. А вот что следователи бьют и берут взятки — это наверняка есть, но — явление не массовое. Прокуратуру и суд вам тоже назовут очень редко.

— Ну, а что можно сказать

о динамике? Выросло число взяток в последнее время, или уменьшилось?

— Не знаю. Мой социологический метод, сами понимаете, не дает возможности сделать такой вывод, а гадать я не хочу.

— А как со следственными изоляторами?

— В СИЗО ситуация жуткая.

Они переполнены, там голова на голове и все вытекающее из этого проблемы. Но вопросами СИЗО я не занимаюсь принципиально, потому что совершенно точно знаю, что ничем помочь не смогу. Нужно строить новые тюрьмы. При таком росте преступности в СИЗО не может не быть переполнения. И ничего тут не сделаешь.

— Профессор Инга Борисовна Михайловская (ее статью мы публиковали во втором номере «Карты») считает, что одна из насущных проблем права — разработка принципиально новой концепции пенитенциарной системы. Что Вы думаете об этом?

— Пенитенциария и уголовное право — хотя и тесно связанные, но все же различные области права. Эта дисциплина — называется она уголовно-исполнительное право — преподается на моей кафедре, но я недолюбиваю этот предмет, и глубоко в него не лезу, хотя, конечно, в основах разбираюсь.

Да, есть много новых концепций. Главное принципиальное отличие нового закона в том, что в качестве цели наказания не указано (слава Богу!) перевоспитание. Раньше было сказано, что наказание имеет целью исправление и перевоспитание. Теперь осталось только исправление. Разве колония — то место, где можно кого-то перевоспитать?

— Насколько эти изменения близки к реализации на практике?

— Многие уже реализуются. Например, условия содержания и отмена принудительного труда.

— То есть, в любом лагере можно отказаться от принудительных работ и за это не последует наказания?

— Я не знаю, как на практике, но закон дает такое право. Но неработающий очень много проигрывает. У него нет денег на ларек, и так далее. Сейчас изменилась ситуация в колониях, там есть желающие работать, но нет работы. Но теперь они переходят на полный хозрасчет, организуют товарищества с ограниченной ответственностью и сами заключают договоры, сами себя пытаются кормить, и это сильно приветствуется.

Разработана система постепенной реабилитации. От лишения

свободы к свободе через режим полусвободы. Это пока на уровне идеи. Люди, которые долго сидели, совершенно разучиваются жить на свободе. Они не умеют, например, тратить деньги, распределять время. Вы знаете, что по количеству свободного времени колонии стоят на первом месте. Он 8 часов отработал, и у него нет больше забот. Ни о пище, ни о стирке белья, ни о том, чтобы куда-то пойти... Режим полусвободы может создать ему такие условия, где бы он приучался получать зарплату, разумно ее тратить, и прочее. Таких поселений пока нет, но идея выдвинута и одобряется специалистами по пенитенциарной системе.

— Александр Соломонович, мой следующий вопрос должен подойти к вашему методу социологического опроса: насколько консервативно мыслят работники правоохранительной системы?

— Жутко консервативно. Есть страшный бич правоохранительной системы, доставшийся в наследство, который мы никак не можем преодолеть. Это вот что: у нас хозяйство было плановым. Как оценивать работу завода? Очень просто — по проценту. И нашим правоохранительным органам стало очень завидно. Они решили обзавестись системой формальных показателей. Чтобы не вникать в работу подчиненных структур, сводку на стол — и сразу видно, кто хорошо, кто плохо работает. Для судов таким решающим показателем была стабильность приговоров — число отмененных к общему числу вынесенных. Логика есть: если приговор отменяется, значит он незаконный. Если из ста дел пять отменено, значит ты плохой судья. Если десять — очень плохой. Вроде бы логика есть. Но кто отменяет приговоры районных судов? Областной суд. Кто отвечает за работу районных судов? Тоже областной суд. Так зачем им портить свои показатели? И добиться отмены приговора было невозможно, это портило процент стабильности. Сейчас этот процент формально отменен, но вся психология этого процента осталась.

В милиции какой главный показатель?

— Раскрываемость?

— Совершенно точно! Всякий процент есть дробь. А увеличить дробь можно двумя способами: увеличив числитель, или уменьшив знаменатель. Что проще? Конечно, не регистрировать преступление. Вы попробуйте, придите в милицию и скажите, что у вас украли велосипед. Они постараются любым способом от вас отделаться, потому что это им про-

цент портит. И это целиком осталось до сих пор. Это жуткий бич.

— А что же делать?

— То, что весь мир делает.

Мы ведь дошли до того, что процент раскрываемости в Москве был в два раза выше, чем в Скотланд-Ярде — лучшей полиции мира. Это, конечно, была липа. Ну представьте — 95-98 процентов преступлений якобы раскрывалось. Если ниже 95, то начальника нужно было снимать. Иногда начальство осенит: давайте бороться с показухой. Чего только не делали! Например, пробовали вводить специальные талоны. Каждое заявление регистрируется с отрывным талоном, талон выдают заявителю и корешок уже никуда не денется. Все это, конечно, чушь. Руководство должно основываться на конкретном анализе. Рассмотреть конкретные дела, их проанализировать, определить, все ли было сделано для раскрытия преступления и на этом основании сделать вывод — хорошо или плохо работает данный уголовный розыск. И с процентом этот вывод может быть никак не связан. Но для этого начальство должно думать, а им неохота, со сводкой проще, сразу понятно, кто «хороший», а кто «плохой».

— Не примите на свой счет, но, мне кажется, многое зависит от подготовки кадров.

— Впрямую зависит! Причем, это вопрос не только профессиональной подготовки, но и общего уровня человека, в том числе морального. У правоохранителя должна быть определенная устойчивость, и перед начальством тоже. А это качество в вузе мы не воспитываем. На тройки сдал — имеет диплом. А что мы можем сделать? Конечно, знаниями можно кое-чего добиться, но тут нужна коренная реформа высшего образования.

— И лет сорок походить по пустыне.

— Да, это так. Каково общество, таков и уровень права. Плохо и то, что из судов и прокуратуры люди начали бежать, причем, лучшие кадры. Их сманивают высокой зарплатой коммерческие структуры.

— А что вы думаете о возможности возникновения альтернативных правоохранительных органов? Может быть, они могли бы если не составить конкуренцию, то оказать какую-то помощь государственным?

— Ну да, частная сыскная контора расследует дело, а потом передает подготовленные материалы милиции, этакий Шерлок Холмс. Я одно могу сказать: это могло бы оказать помощь, но ни в одной стране частный сыск и

тому подобное не сделали «погоды».

— А что вы скажете о нынешних, как мне кажется, лихорадочных попытках реорганизовать структуру милиции? Муниципальная милиция, Бюро по расследованию того, бюро по расследованию сего... Мне кажется, в городах штук по пять, не меньше, разных милицеских подразделений.

— Речь идет о совершенно разных вещах. Муниципальная полиция — это полиция по охране общественного порядка. Ее задача — патрулирование на улицах, борьба с хулиганством, с небольшими кражами. А криминальная полиция — это расследование тяжких преступлений. Такой порядок принят во всех цивилизованных странах.

— Но ведь федеральная полиция тоже занимается охраной общественного порядка. Многие функции у них дублируются.

— Некоторое дублирование есть, но, все-таки, задачи у них разные, и методы тоже разные. Муниципальная — это участковые, какие-то патрульные подразделения и прочее, а уголовный розыск и следственный аппарат — это сильная криминальная полиция.

— Как вы считаете, криминальная полиция должна быть выведена из областного подчинения?

— Есть вариант — вывести, есть — оставить. Как всегда, это палка о двух концах. Если их вывести, они получат большую независимость, но сразу ослабнет материальная основа. УВД — это и автомобили, и финансирование, и квартиры, и все прочее. Все это зависнет, и, пожалуй, еще хуже будет.

— Достоянием гласности становятся связи руководства некоторых УВД с оргпреступностью. Где выход? Может быть в постоянной межрегиональной ротации кадров?

— В законе сказано: прокурор сидит на своем месте 5 лет, а на следующие пять лет его могут оставить, а могут перевести. Для прокурора это нормально, а каждого милиционера ведь не будешь гонять с места на место. И потом, если человек уже «там», то его и в соседнюю область с рук на руки передадут, ротации проблемы не решат.

— Какова, на ваш взгляд, роль, и каковы перспективы правозащитных организаций в современной общественной ситуации?

— Поскольку это не органы власти, они могут действовать только силой авторитета. Уже готов проект закона об учреждении

поста уполномоченного по правам человека. Сергей Адамович Ковалев хочет создать эту службу.

— Это будет государственная служба?

— Это парламентский уполномоченный. Его утверждает Дума.

Когда я задумывал наш Фонд, я полагал, что организации вроде нашей — это прообраз будущей службы по правам человека. Государственной службы. Сейчас

жалобы граждан рассматривает прокуратура, и иногда делает это неплохо. Но дело не в этом. Ожидания я наткнулся на публикацию в «Огоньке»: в 1990 году в Прокуратуре Союза прошло совещание о задачах прокуратуры в период перестройки. Совещание пришло к выводу, что основная задача прокуратуры — это соблюдение прав отдельного человека.

Раньше это было не совсем понятно, а теперь мы поняли, что на первом месте должна стоять не борьба с преступностью, или, например, общий надзор, как раньше, а борьба за права человека. Ну, думаю, пять лет перестройки прошло, наконец-то они сообразили, слава Богу. Перелистываю в том же журнале еще две страницы, вижу текст выступления прокурора Казахстана на этой самой конференции. Написано буквально следующее: граждане нас завалили жалобами и работа с этими жалобами мешает основным направлениям нашей деятельности. Понимаете: «Как хорошо бы жилось прокурорам, если бы не эти настырные жалобы. Или железнодорожникам, если бы не эти надоедливые пассажиры.» Это психология. И не только психология. У прокуратуры масса задач: и борьба с преступностью, и так далее, и в том числе рассмотрение жалоб, и именно эта часть работы у них всегда будет на задворках. Нам нужна служба, которая бы занималась только рассмотрением жалоб, и ничем другим.

— И обладала бы полномочиями прокуратуры?

— Это уже другой вопрос!

— Она будет служить буфером между гражданами и прокуратурой?

— Между гражданами и государством вообще, в том числе и прокуратурой, и судом, и администрацией, и президентом, и кем угодно. Но надо, чтобы у них это была единственная задача, а не одна из многих, как в прокуратуре, или, скажем, как у губернатора. Губернатор ведь тоже должен заниматься гражданами, но помимо этого — еще промышленностью, сельским хозяйством и прочим, а граждане, опять-таки, у него на задворках. Поэтому наша служба должна быть го-

сударственной, но строго ориентированной на защиту прав граждан. А вот вопрос, какими полномочиями ее наделить... Я сегодня спрашивал Шмидта (*известный российский адвокат — ПРИМ. РЕД.*): будет омбудсмен иметь право ставить вопрос об отмене судебного решения? С одной стороны, суд — это третья власть, суд независим, и нельзя над ним посадить ни омбудсмена, ни президента, никого, иначе мы нарушим принцип разделения властей. С другой стороны, если его не наделить полномочиями, он ничем помочь не сможет, только посочувствовать. Это очень интересно, уже готов проект закона об омбудсмене, Дума его скоро будет рассматривать.

— Представляю, что на это скажет нынешняя Дума!

— Понимаете, тут трудно что-нибудь возразить. Защита прав человека — попробуй, выступи против, даже если ты коммунист.

— Они могут сказать, что в бюджете нет денег на еще одну службу.

— Я не думаю, что создание такой службы повлечет большие затраты. Она не должна быть очень крупной, тем более, что раз эту функцию отнимут у прокуратуры, произойдет разукрупнение аппарата прокуратуры. А вот сама прокуратура, конечно, будет возражать, она уже шум поднимает. Но это понятно, так же как понятно было, почему Степанков возражал против суда присяжных.

— А как в других странах?

— Я и Шмидта спросил про другие страны. Он рассказал, что недавно в Польше учреждена подобная должность. Я знаю, что в Швеции есть омбудсмен специально по судебным делам, отдельно от судов и прокуроров. Я перерыл гору литературы, но не смог найти, чем он занимается. Вот чем занимается омбудсмен по правам потребителей — знаю, а судебный — нет. Тут у меня

еще нет твердой позиции, посмотрим, что предложит нам Дума.

Первый омбудсмен появился в Швеции в начале 19 века. Эта должность есть еще в Англии, в Новой Зеландии, а теперь в Польше и Венгрии. Я читал беседу с шведским омбудсменом. Интересно, что собственноручно у него нет, его влияние держится на колоссальном авторитете. Его спросили: а что, если вы найдете нарушение, напишите, а вам не подчинятся. Такое может быть? Он говорит: может, но пока не было. Все знают: если мы вмешаемся, причем с широкой оглаской, то для чиновника, который что-то грубо нарушил, это крах карьеры.

— Но почему бы не создать эту службу при прокуратуре? Обойдется дешевле, и перспектива станет более реальной.

— Во-первых, я уже говорил, что функция защиты прав гражданина должна быть единственной, иначе она не будет осуществляться эффективно. И еще: защита прав граждан и защита прав гражданина — это совсем не одно и то же. Прокуратура занимается защитой прав граждан, а нам нужен уполномоченный по правам не граждан, не людей, а по правам человека. И учтите еще: прокуратура осуществляет уголовное обвинение, что в принципе плохо совмещается с защитой прав человека. Второе. Дело в том, что разделение властей еще называют системой сдержек и противовесов. Так вот, внутри третьей, правоохранительной власти тоже должна быть система сдержек и противовесов. Суд, прокуратура, уполномоченный по правам человека. Кто-то ошибся — у вас есть возможность обратиться в другую организацию.

— Но если служба государственная, значит неизбежна коррупция. Представьте себе, какое это будет иезуитство, какая гадость: коррумпированная служ-

ба защиты прав человека.

— Да, это вопрос сложный. Однако, другого общества нам взять негде, и вопрос в том, что лучше: не иметь этой службы вообще, или иметь ее такой, какое общество. Кроме того, многое зависит от людей. Если смотреть конкретно, то, например, в Красноярске, по крайней мере, двух человек я бы не задумываясь направил в эту службу и был бы спокоен.

— Скажите, Александр Соломонович, если дать волю фантазии, оторвавшись от реалий нашего государства, можно придумать государственную службу, законодательно защищенную от коррупции?

— Конечно нет! По крайней мере, ни в одной стране этого сделать еще не удалось. Но, система сдержек и противовесов в какой-то мере является средством защиты от коррупции.

— Если будет государственная служба, какую роль вы отводите общественным правозащитным организациям?

— Роль побудителя, инициатора. Они будут ставить вопросы, обращать внимание на факты, подавать материалы, на которые должен будет реагировать уполномоченный по правам человека.

— Как вы думаете, государство должно быть заинтересовано в существовании таких организаций?

— Что такое государство? Это совокупность управленческого аппарата. А теперь поставьте это определение вместо слова «государство», и вам не захочется повторять свой вопрос, все станет ясно. И так не только у нас, в демократических Штатах то же самое. Вот еще и поэтому нужна система сдержек и противовесов, в том числе в лице общественных правозащитных организаций.

Красноярск—Москва

Научно-информационный и просветительский Центр общества «Мемориал» высылает наложенным платежом «Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий».

В десяти разделах книги помещены законодательные акты, правительственные постановления, ведомственные разъяснения и указания.

Книга рассчитана на работников правоприменительных органов, занимающихся работой по исполнению законов о реабилитации, а также на круг читателей, интересующихся историей создания и функционирования тоталитарного режима в СССР.

Москва, Малый Каретный пер, 12, НИПЦ «Мемориал».

Александр ДАНИЭЛЬ

САМИЗДАТ:
поиски определения

Данный материал был представлен в качестве доклада на семинаре Московской Хельсинкской Группы в феврале 1994 года.

Тема моего выступления ставит вопросы, нежели пытаться отвечать на них. Дело в том, что само существование самиздата порождает мифы. Каждая эпоха и каждая общественная позиция порождает свой собственный миф о самиздате.

Официозный миф старого режима хорошо известен: самиздат — это синоним идейно вредной литературы, засылаемой к нам из-за рубежа или инспирируемой внутри страны спецслужбами «противника» и нелегально распространяемой врагами с целью подрыва советского строя. Насколько официальная пропаганда преуспела во внедрении этого мифа в общественное сознание — вопрос открытый.

Среди части интеллигентной публики имеет хождение иной миф. Он сводится к тому, что самиздатская деятельность была ненужной бравадой одиночек, не обладавших достаточной настойчивостью, терпением и талантом, чтобы пробиться в легальную печать, единственно значимую для просвещения народа, для культуры и истории России.

Третий миф — это миф о героической и бескомпромиссной истине: политической, художественной, научной, которая заведомо не живет в подцензурном пространстве. Это мировоззрение априори полагает, что вся официальная культура, по определению,

не может не быть конформистской и рептильной, и что настоящие культурные события совершаются лишь за ее пределами.

Надо ли уточнять, что слово «миф» употребляется мною не в бытовом значении этого слова (т.е., неправда, вранье), а в культурологическом — миф как целостная концепция, претендующая на универсальное объяснение какого-то явления. Не скрою, впрочем, что к любым целостным концепциям лично я отношусь с некоторой опаской.

Сейчас на наших глазах формируется новая мифология, составной частью которой является новый, четвертый, миф о самиздате. Коротко суть этого мифа можно изложить так: «Самиздат — оружие, с помощью которого инакомыслие сокрушило режим». Легко понять, что в своих основных чертах эта концепция должна совпасть — и, действительно, совпадает — с первым, гэбистским, мифом об «идейно вредной» литературе. С точностью, конечно, до перемены знаков.

Какова, в этих условиях сплошной мифологизации, задача добросовестного исследователя? Прежде всего, ему надо разобраться во внутренней структуре явления и понять тот историко-культурный контекст, в котором оно существует. А для начала договориться о значении употребляемых терминов.

Астрофизик Кронид Любарский, осужденный в 1972 году за распространение самиздата, сказал в своем последнем слове на суде примерно следующее (цитирую не дословно): «В последние годы в словари многих иностранных языков вошло русское слово «самиздат». Это достойно сожаления, ибо предыду-

щее русское слово, вошедшее в иностранные языки, было слово «спутник». В этом высказывании замечательно не столько негативное отношение к явлению, которое, по Любарскому, есть не что иное, как индикатор несвободы в стране, сколько придание ему серьезного, «государственного», «идейного» значения. Такое отношение к самиздату стало типичным к 70-м годам. Кстати, именно тогда слово «Самиздат» стали писать с большой буквы, но не раньше. Между тем термин появился задолго до того — еще в середине 40-х. Его автором, по видимому, был московский поэт Николай Глазков, чьи стихи и прозаические миниатюры полу-абсурдистского толка были хорошо известны в околосредовой среде, но почти не печатались при его жизни. Глазков придумал такую забавную литературную игру: составлял небольшие машинописные сборники своих стихов и прозы, сшивал их в брошюры форматом в пол-листа и дарил друзьям. А на титуле ставил им самим придуманное слово «самсебяздат». Собственно, нет ничего нового в том, что автор дарит друзьям копии своих произведений; игровой момент был именно в оформлении, в пародировании официального книгоиздания, в этом самом словечке «самсебяздат».

Совершенно аналогичная литературная игра описана в рассказе Абрама Терца «Графоманы» — там один из героев «издает» свои стихи в единственном экземпляре и на последней странице «прорисовывает» выходные данные: «Редактор С.Галкин. Художник-оформитель С.Галкин. Технический редактор С.Галкин. Тираж 1 экземпляр». Рассказ написан на рубеже 60-х, и оба автора — Абрам Терц и его персонаж — относятся к своей «самиздатской деятельности» гораздо серьезнее, чем Глазков — механизм самостоятельного размножения рукописи, как реальной альтернативы Госиздату, уже вовсю работал. Однако и у Терца еще сохраняется ироническое, хотя и явно сочувственное, отношение к этой деятельности. (Сам Терц предпочел, как известно, иную альтернативу Госиздату).

Тогда же, или несколькими годами ранее, термин был подхвачен литературной молодежью, которая усилила его «игровое» звучание, редуцировав до «самиздат». Это уже прямое передразнивание «государственного» наименования — Госиздат. Впрочем, во второй половине пятидесятых сохранялся еще и старый тер-

мин: мне приходилось видеть ранние (1957–59) машинописные сборники Горбаневской, тогда — поэта чертковского круга, помеченные как «самсебяздат».

Разумеется, я говорю об истории термина, а не о явлении как таковом: неподцензурная литература распространяется в списках в течение столетий — по крайней мере столько же, сколько существует сама цензура. Однако, выбор термина определил новую эпоху в истории неподцензурной литературы: в сопоставлении Самиздата и Госиздата таилась дерзкая и дразнящая идея, охватившая в 50-е годы уже значительную часть нового поколения советской интеллигенции — идея противостояния личности и государства, идея независимости. И карнавальное, по Бахтину, звучание слова — не случайность. Оно обеспечивало необходимый в данном контексте оттенок самоиронии, неперемное условие свободы мысли в тоталитарном обществе. Это тема, требующая отдельного разговора, и здесь я больше не буду ее касаться; отмечу только, что самоирония сопровождала оппозиционные настроения, по крайней мере, до конца 60-х годов.

В процессе реализации исследовательской программы «Мемориала» «История диссидентского движения в СССР» нами была собрана значительная архивная коллекция материалов по данной теме — безусловно, крупнейшая на сегодняшний день в Рос-

сии и, по всей видимости, вторая по величине в мире (после архивных фондов Отдела Самиздата Исследовательского института Радио Свобода/Свободная Европа). И вот, работая с материалами этого архива, мы столкнулись с проблемой терминологических определений: что такое самиздат и каковы его границы.

В многочисленных справочниках «по самиздату», вышедших в последние годы, неформальная печать, документы политических движений последних лет и самиздат, в нашем понимании этого слова, объединяются по единственному признаку — неподцензурности. Я убежден, что при этом в одну кучу сваливаются совершенно разнородные явления.

Вообще, безцензурность — это признак не дифференцирующий, а скорее объединяющий целый ряд внутренне неоднородных явлений. И задача моего сообщения вовсе не в том, чтобы констатировать эту внутреннюю неоднородность бесцензурной литературы — разница в культурной и социальной функции различных ее типов и без того очевидна. Я хотел бы сопоставить то, что мы интуитивно понимаем под самиздатом, с другими явлениями, не совпадающими, но смежными с ним в пространстве бесцензурной литературы. Быть может, в результате нам удастся выработать определение предмету нашего интереса.

Замечу сразу, что это определение не может быть основано

на содержательных признаках и, в частности, на том из них, который более всего присутствует в современном массовом сознании — на оппозиционности норме.

Прежде всего потому, что и сама норма — понятие многозначное. Норма может быть идеологической, а может быть эстетической, и эти две вещи далеко не всегда совпадают. Да и сама оппозиционность норме — явление не качественное, а скорее, количественное; например, можно говорить об «уровне оппозиционности» текста.

Давайте попробуем построить классификацию неподцензурной литературы по социумам, в которых она бытует, и в соответствии со способами этого бытования.

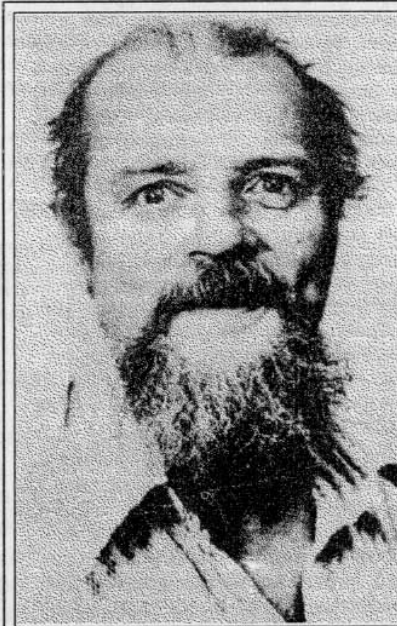
Предельным случаем, точкой отсчета на нашей шкале будет рукопись, вовсе не имеющая хождения. Для истории советской литературы это вовсе не экзотический вариант: рукописи, запечатые в ящиках письменных столов, составляют большую и значимую часть литературного процесса. Примеры позвольте не приводить — они и так у всех на слуху.

Следующий шаг — это домашняя, или альбомная, литература. Данный тип бытования текста прочно укоренен в российской литературной традиции XIX века; наиболее яркий пример литературы подобного рода в современную эпоху — это «Чукоккала». Главный формальный признак домашней литературы: его существование, как правило, в единственном экземпляре. Отсюда часто встречающаяся уникальность оформления: использование каллиграфии, виньетки и другие элементы рукописного оформления, автошаржи и экслибрисы вместо подписей, иллюстрации, рисунки и т.п., зачастую — художественно выполненный оклад. Все это, в свою очередь, затрудняет, если не делает невозможным, дальнейшее тиражирование. Во всяком случае, альбом, будучи изданным даже фрагментарно, приобретает иное качество, как это и случилось с «Чукоккалой».

Далее хотелось бы выделить — не по жанру, а по способу бытования — переписку. Переписка изначально предназначена конкретному лицу, а иногда — определенному кругу адресатов. Конечно, бывают случаи, когда эпистолия используется для создания произведений, адресованных *urbi et orbi*. Но в этом случае эпистолярным можно назвать лишь жанр, и к нашему случаю эти

Александр ГИНЗБУРГ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Александр ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

произведения (например, «Великопостное послание Патриарху Пимену» Солженицына) отношения не имеют. Личная же переписка, как и в предыдущем случае альбомной литературы, обычно не тиражируется, даже если она представляет определенный интерес для круга более широкого, чем круг адресатов. Так, многостраничные и многотемные письма Юлия Даниэля из лагеря читались его друзьями и знакомыми в Москве и нескольких других городах, но не только ими. И те люди, которые не были лично знакомы с Ю. Даниэлем, воспринимали его письма как своеобразную эссеистику на тему «литератор в политлагере», или даже «интеллигент в политлагере»; эта тема была новой для общественного сознания середины 60-х, но стремительно актуализировалась. Тем не менее, письма Даниэля, насколько мне известно, не перепечатывались — эта возможность была табуирована их принадлежностью к эпистолярной форме. Другой пример — это эпистолярное наследие т. н. «приютинского братства», многолетняя переписка группы лиц, в которую входили такие известные люди, как Вернадский, Ольденбург, Шаховской и ряд других. По самому составу участников ясно, что эта переписка была культурообразующим фактором уже в момент своего возникновения, а не стала таковым после публикации, скажем, эпистолярного наследия Д. И. Шаховского. Однако, скорее всего не непосредственно, а через идеи кружка, реализуемые каждым его участником в своем творчестве. В общем, переписка — это переходный, на наш взгляд, вариант от «домашней» к «кружковой» литературе.

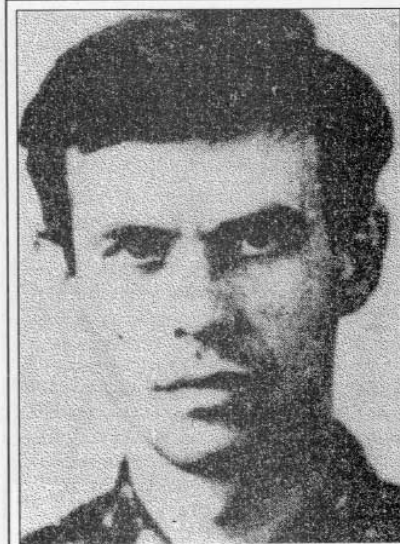
Кружковая литература — это следующий шаг к публичности. О ее текстах уже можно сказать, что они «имеют хождение». Но — лишь в узком кругу друзей и знакомых автора. Это явление, присущее, вероятно, всем эпохам. Ведь «кружковая» литература — это своеобразная лаборатория, испытательный полигон для литературного творчества. Текст может выйти за пределы кружка — в печать или в неподцензурное пространство, а может и остаться в этих пределах. Такой известный сейчас поэт, как Борис Чичибабин, с середины 40-х существовал лишь для двух-трех десятков своих знакомых в Харькове и Москве (пара его неподцензурных сборников 60-х годов — не в счет). Правда, харьковский же артист Леонид Пугачев положил в начале 60-х известные стихи Чичи-

Кронид ЛЮБАРСКИЙ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

бабина на музыку и сам их исполнял под гитару, и существовали магнитофонные записи этих песен. Но все равно — это еще были тексты, хождение которых оставалось подконтрольным автору. А вот когда в 1968 г. одну из песен Пугачева начинает исполнять (не со сцены, разумеется) И. Кваша — кажется, не зная даже фамилии автора текста, а известный киевский литератор и медик Н. Амосов в своей повести «Мысли и сердце», печатавшейся в «Науке и жизни», цитирует строку из другой его песни, то это уже иное качество бытования. На рубеже 70-х годов стихи Чичибабина прорвались за пределы «кружковой» литературы. Случился ли этот прорыв по инициативе автора, или без его участия — вопрос другой. Версии, которые могут возникать по этому поводу, относятся, скорее, к истории литературы, чем к библиографии. В середине 70-х Чичибабин уже признанный автор самиздата, со всеми его атрибутами, включая гонения по месту жительства. А в начале перестройки он «официально» признан и опубликован в «подцензурной» печати. Последнее замечание — это еще одно напоминание о том, что мы говорим здесь лишь о способе бытования текста, а не о нем самом.

Литература, порождавшаяся политическим подпольем, от листовок до солидных манифестов и трактатов по истории, политэкономии и пр., тоже была по преимуществу, кружковой литературой, поскольку само подполье с 20-х годов не представ-

Юрий ГАЛАНОВ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

ляло собой связанной среды, а состояло из отдельных разрозненных кружков. Этого нельзя сказать о литературе, которая попадала в подполье извне (в 1965–85 годах — от диссидентов): Джиглас, Авторханов, Конквест, Бердяев, т. е., типичная самиздатская (точнее, «тамиздатская») продукция. Но даже после 1965 года подполье чаще всего возникло автохтонно, а связи подпольщиков с диссидентами и вообще с оппозиционно настроенными кругами были минимальны. Поэтому если подпольщики и пользовались какой-то «внешней» литературой, то, по большей части, легальной изданной в СССР — «Государство и революция» Ленина, работы Плеханова и Каутского. Но уж собственные тексты, точно, порождали. Оставив в стороне листовки (это — отдельный и сложный вопрос), мы обнаружим в текстах политического подполья — конспекты и очерки Революта Пименова и его круга (1956–57), сборник «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», составленный В. Ронкиным и С. Хахаевым (дело ленинградского «Союза коммунаров», 1963–65), статьи и монографии, такие, как «Трубы свободы» и «Закат капитала» Ю. Вудки («рязанско-саратовское» дело, 1969), «Уникапитализм и социальная революция» В. Демина (дело «Революционной социал-демократической партии» Демина и Чукаева, 1983–84) — все признаки именно кружковой литературы. Независимо от замыслов их авторов, эти тексты оставались почти исключительно предметом ознакомления и обсуждения внутри самой под-

полной группы и на ее границах. Мне известны случаи (за исключением программы ВСХСОН), чтобы подобные тексты публиковались за рубежом, хотя известны попытки в этом направлении.

Далее надо отметить такой тип безцензурной литературы, как учрежденческая стенная печать, вузовские и школьные альманахи, рукописные журналы и пр. С одной стороны это явление довольно близко к домашней литературе (единичность экземпляров текста), а с другой — обладает несвойственным последней качеством публичности. Тут действует, в определенной степени, принцип «зашел — читай», т.е., читателем может стать любой случайный человек с улицы; впрочем, рукописных журналов и альманахов это касается в меньшей степени, чем стенгазет. Тем, кто сомневается в общественной значимости подобной литературы, можно напомнить, что в 50-60-е годы вокруг некоторых ленинградских студенческих стенгазет и рукописных журналов разворачивались вполне серьезные разборки с участием районных и городских организаций комсомола, КПСС и даже КГБ. Так что власть относилась к этим опытам достаточно внимательно. В Буковский, в своих мемуарах («И возвращается ветер...» — М., 1990), вспоминая о своем участии (также в конце 50-х) в составлении и редактировании рукописного школьного журнала, расценивает эту деятельность, как первые шаги самиздатской периодики, т.е.,

также придает ей общественное значение — да ведь и в самом деле у него были, в связи с этим журналом, крупные неприятности. Вслед за Буковским стенную и рукописную периодику относят к самиздату и некоторые современные исследователи (как, например, В. Долинин в сообщении на конференции в Петербурге, проходившей весной 1992 года и посвященной самиздатской периодике).

Несомненно, перечень видов безцензурной литературы можно продолжить (например, я не упомянул о студийной литературе, типологически схожей с кружковой, но отличающейся от нее ориентацией на устность исполнения). Однако, на мой взгляд, и этого беглого обзора достаточно, чтобы попытаться определить собственно самиздат по известному методу ковбоя из анекдота: «то, что осталось». То есть, как и было заявлено в начале, обозначить явление через его границы.

Общее в названных выше способах бытования неподцензурных текстов — это ограниченное, контролируемое авторами тиражирование. Таким образом, определением самиздата, которое позволило бы очертить его границы внутри общего потока неподцензурной литературы, не растворяя его среди смежных явлений культуры, становится следующее (увы, не очень операционное) определение: самиздат — это специфический способ бытования общественно значимых неподцензурных текстов, состоящий в том, что их тиражирова-

ние происходит вне авторского контроля, в процессе их распространения в читательской среде. Автор может лишь «запустить текст в самиздат», дальнейшее не в его власти.

Тем самым я фактически присоединяюсь к формуле Юрия Владимировича Мальцева: «Спонтанное саморазмножение подпольной литературы — вот что такое самиздат» (Ю. Мальцев. Вольная русская литература 1955-1975. — Посев, Франкфурт-н-М., 1976). Единственная оговорка касается «подпольности»; этот оборот, как мне кажется, слишком ассоциирован с «опозиционностью», а это понятие не очень пригодно для формального анализа. На мой взгляд, эссе Гачева о хтонических началах в романах Достоевского совершенно равноправно сосуществует в самиздате с «мяткой» Есенина-Вольпина «Как вести себя на допросах». Вместо термина «подпольная» уместнее было бы, с моей точки зрения, употребить термин «безцензурная» — и тогда все встает на свои места.

Хотелось бы подчеркнуть: все это не игра ума и не упражнение в дефинициях. Без четких классифицирующих признаков не решить ни проблему собирательства, ни проблему научного описания текстов, ни проблему их изучения, даже не выработать структуру библиографической цитации и форму ссылки.

Заметим, что предложенное определение не дает возможности установить «начало самиздата», более того — очевидно, что с этой позиции послания протопопы Аввакума ничем не отличаются от «Письма вождям». Но, может быть, это не минус, а плюс данного определения?

С другой стороны, мы можем теперь отсечь модернистское толкование термина. Так, неформальная пресса 1987-1990 годов, пусть нелитованная, самиздатом в этом смысле не является — вопреки многим современным библиографам. И это хорошо, ибо, что ни говори, «Хроника текущих событий» и «Экспресс-хроника» не соприродны друг другу, как не соприродны друг другу «диссидентство» 60-х-80-х и «демократическое движение» 1987-1991 годов. К очень важному и непросто вопросу о соотношении между диссидентством и самиздатом я хотел бы вернуться немного позже.

Из всего сказанного вытекает, что под словом «самиздат» я предлагаю подразумевать не сам текст, а способ его бытования. Действительно, одно и то же про-

Павел ЛИТВИНОВ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

изведение может быть последовательно фактом домашней, кружковой и самиздатской литературы, может перейти из неподцензурной литературы в «официальную» (не затрагивая лавины перестроечных публикаций, сошлюсь, например, на судьбу русского перевода романа Хемингуэя «По ком звонит колокол» или на новмировские публикации отдельных искандеровских рассказов из цикла «Сандро из Чегема»). Или наоборот, из подцензурной литературы в неподцензурное распространение (рассказы Солженицына после изъятия их из библиотек или просто самодельные копии малотиражных или не переиздающихся книг).

Попробуем теперь взглянуть на историю советского самиздата послевоенного периода с заявленной позиции. Конечно, я дам лишь пунктирный обзор, и имена, которые я буду называть, достаточно случайны, их выбор носит скорее иллюстративный характер.

Мне представляется — по мемуаристике и устным воспоминаниям современников — что в 40-х начале 50-х годов в списках ходили почти исключительно стихи. В сталинскую эпоху это был, прежде всего, Гумилев. Позже появились и современные поэты: Слуцкий, Корнилов, Окуджава, Сапгир, Холин, Евтушенко, Аронов, Ахмадулина.

Рубикон был перейден где-то ближе к концу десятилетия — самиздат освоил прозаические и далеко не всегда беллетристические тексты. Поразительно, но в первую очередь это были переводные тексты: Кестлер, Орвелл, Кафка, «Письмо к заложнику» Сент-Экзюпери, Нобелевская лекция А. Камю. Конечно, выбирались произведения, созвучные отечественной проблематике. К сожалению, мы лишь в редких случаях знаем имена переводчиков (так, «Тьма в полдень» А. Кестлера была впервые переведена, если не ошибаюсь, И. Голомштоком где-то в 1958–1960 годах). В сущности, именно они, переводчики, были первыми литераторами, осознанно использовавшими механизм самиздата.

Что касается отечественной прозы, то, как мне кажется, в 50-е это была проза Платонова, Зошченко и «Доктор Живаго» Пастернака, который распространялся по стране не столько в машинописи, сколько в виде фотокопий с зарубежных изданий. Ну и, конечно, особый жанр, который я бы назвал «републикациями самиздата» — произведения, когда-то опубликованные в

СССР и не переиздававшиеся в течение десятилетий: письма Короленко Луначарскому, «Несвоевременные мысли» Горького, Пильняк, Замятин, Булгаков и т.д.

В начале 60-х самиздат подхватил мемуары Евгении Гинзбург, рассказы Шаламова, причем явно не в качестве художественной прозы, а как историко-философские произведения. Сюда же надо отнести и знаменитое «Открытое письмо» Эрнста Генри Илье Эренбургу, и одну из самых, по-моему, толстых книг в мире — работу Роя Медведева о сталинизме «К суду истории». Последний пример лишней раз показывает, что в 60-е объем вещи не имел еще решающего значения для того, будет ли она подхвачена самиздатом, или нет.

Видимо, где-то в это же время в самиздате начали циркулировать сборники «Вехи», «Из глубины», работы Бердяева и других религиозных философов начала века. Чуть позже самиздат (вероятно, не без участия эмигрантских организаций) включил в себя и откровенно политическую литературу, поступающую с Запада — Джиласа, Авторханова, программные документы солидаристов. Как и «Доктор Живаго», эти книги распространялись, по преимуществу, в виде фотокопий.

Очень существенным шагом стала попытка Александра Гинзбурга в 1959–60 годов выпустить самиздатским образом поэтический сборник «Синтаксис». Гинзбург выпустил два сборника, на третьем его посадили. Предприятие явно имело целью создание периодического издания — первый, но очень важный опыт. В это же время и в этом же кругу создавался сборник «Феникс» (сейчас его обычно называют «Фениксом-61», в отличие от «Феникса-66» — сборника, подготовленного Юрием Галансковым пятью годами позже). Характерно, на мой взгляд, что в тот период составлением сборников и альманахов занимаются, по преимуществу, маргиналы с площади Маяковского; по-видимому, этот жанр интуитивно ощущается как нечто качественно отличное от обычной самиздатской деятельности, как новый шаг, требующий большей степени независимости от системы. Кстати, Гинзбург был одним из немногих, репрессированных в те годы в связи с самиздатской (повторяю, в предлагаемом мною смысле) деятельностью — вероятно, госбезопасность тоже отнеслась к этим попыткам с особым вниманием.

И, наконец, предтечами будущей диссидентской эпохи стали

Булат ОКУДЖАВА

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

два текста, которые можно отнести к правозащитной тематике. Включив в себя эти тексты, самиздат забил колья на территории прежде чуждых ему газетных жанров — публицистики, документалистики, судебного очерка. Я имею в виду стенограмму обсуждения Пастернака на общем собрании московских писателей в 1958 году и запись процесса 1964 года над Бродским, сделанную Фридой Вигдоровой.

Отмечу, что альтернативный способ тиражирования неподцензурных текстов, — издание их на Западе, — используемый в 50-е-начале 60-х лишь в единичных случаях, в 70-е годы становится настолько популярным, что для него даже возникает специальное, тоже пародийно сниженное, название «тамиздат». Причем, на рубеже десятилетий типичным был переход произведения из самиздата в тамиздат. По крайней мере, ряд авторов — Солженицын и другие писатели, не желавшие откровенно ссориться с советской властью, ранние диссиденты — именно так объясняли публикацию своих текстов за рубежом. Насколько эти декларации были искренними и соответствовали ли они реальности, т.е., в какой степени утечка рукописей происходила действительно вне ведома и контроля их авторов, — другой вопрос. Во всяком случае, к середине 70-х правилом становится противоположное направление дрейфа — из тамиздата в самиздат (чаще всего, в виде фотокопий). Еще позднее, когда каналы возвращения текстов в страну стали более или менее хорошо охлаженными, размножение их самими читателями перестало быть необходимо-

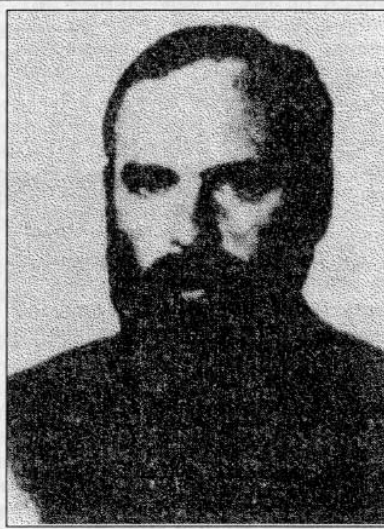
стью, во всяком случае, в Москве и Ленинграде. Начался закат самиздата.

Сказанное особенно касается диссидентской и, в частности, правозащитной литературы. Даже «Хроника текущих событий», начиная примерно с 50-55-го выпусков, приходила к читателю, в основном, в виде нью-йоркского переиздания, или через зарубежное радиовещание на русском языке. Что же касается большинства других диссидентских текстов, то их хождение и «саморазмножение» к концу 70-х было настолько незначительным, что говорить о них как о произведениях самиздата (а не как о «кружковой литературе») можно лишь с весьма серьезными оговорками.

Диссидентская активность порождала огромное количество письменных текстов; именно они составляют подавляющее большинство материалов в архивах отдела Самиздата РС, архиве ЦИПЦ «Мемориал», ряде фондов Народного архива и в некоторых других исследовательских центрах. Но являются ли они, с предлагаемой точки зрения, самиздатом?

Давайте рассмотрим некоторый умозрительный пример. Вот собрались пять евреев-отказников, предположим, в городе Рига, и сочиняют письмо про то, как в восемнадцатый раз отказали одному из них в праве выезда на историческую родину, да еще и с работы уволили, и в подворотне избili. Формально это письмо адресовано в отдел адморганов ЦК КПСС и Генеральному прокурору тов. Руденко. Фактически же оно отпечатано в 8 экземплярах, и у каждого своя судьба. Два экземпляра честно отосланы по адресу — в ЦК и прокуратуру. Еще два переданы знакомым правозащитникам в Москве. Один из этих экземпляров попадает в портфель «Хроники текущих событий», аннотируется в очередном выпуске, а после того, как выпуск подготовлен, скорее всего уничтожается. Другой посылается с попутным иностранцем за границу и там, после долгих хождений, оседает, в конце концов, в фондах Центра изучения восточноевропейского еврейства в Иерусалиме. А ксерокопия пересылается в Мюнхен, в архивы отдела самиздата Радио Свобода и тоже там оседает — в справочных фондах. Публиковать его никто не будет — времена, когда такие письма печатались на первых страницах ведущих западных изданий, кончились к середине 70-х годов.

Что касается оставшихся 4-х

Владимир КОРНИЛОВ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Юлиус ТЕЛЕСИН
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

экземпляров, то три из них остаются у авторов письма и через месяц благополучно изымаются у них на обыске. Последний же экземпляр, который был предусмотрительно отдан «незасвеченному» знакомому, чтобы тот его хранил, так и лежит где-то на антресолях вместе с другими подобными документами до 1991 года. А в 1991 году хозяину антреселей понадобилось разобрать старые бумаги. Он весь этот ворох берет и отдает в общество «Мемориал», где мы начинаем думать, что же с этим письмом делать и как его описывать: как самиздатский текст или нет? Что это вообще за самиздат, который никто ни разу не перепечатал?

Хотелось бы, чтобы меня поняли правильно. Сказанное не означает, что в подобных текстах нет никакой ценности. Наоборот, это очень ценные тексты, они имеют двойную ценность. Во-первых — как свидетельства о преследованиях, о нарушении прав человека в этой стране, свидетельства, содержащие конкретные даты, имена, факты. А во-вторых, как свидетельства сопротивления режиму: ведь само написание и отсылка такого письма — это уже акт Сопротивления. Но к самиздату все это не имеет никакого отношения. В данном случае мы имеем дело с документом диссидентского движения, точнее, с документом, связанным с одним из многих наших диссидентских движений — движением евреев-отказников.

Таким образом, далеко не все документы диссидентского движения являются событиями самиздата, что, подчеркну, ни в коей мере не выводит их из сферы на-

ших интересов. Просто эти документы имеют самостоятельную научную ценность, независимо от способа их бытования. Но и принципы классификации их, и методика изучения будут совсем другими.

Какие же материалы, связанные с диссидентством, будут все-таки, с моей точки зрения, также и текстами сам- или, по крайней мере, тамиздата? Рассмотрим, прежде всего, их жанровую специфику. Это те тексты, которые относятся к жанрам документа, публицистической заметки, судебного очерка, хроники и т.д. То есть, это, по существу, газетные и журнальные жанры. В период петиционной кампании 1966-69 годов именно эти жанры определяли лицо нарождающегося правозащитного движения. Среди них попадаются блистательные образцы отечественной публицистики, но основная масса этих материалов, — «письма протеста», — при всей важности их изучения, остались все же однодневками, которые, вероятно, не могли бы сами по себе иметь достаточно широкого распространения. Самиздатская форма существования правозащитных документов была изобретена все тем же Александром Гинзбургом, составившим в 1966 году «Белую книгу по делу Синявского-Даниэля». Эта форма — документальный сборник. В течение ряда лет именно документальные сборники стали общественно значимым явлением в диссидентском самиздате. Можно перечислить целый ряд таких сборников, появившихся после «Белой книги»: «Дело о демонстрации 22 января 1967 года» Пав-

ла Литвинова (1967), его же «Процесс четырех» (1968), «Полдень» Натальи Горбаневской (1969), сборник «Четырнадцать последних слов», составленный Юлиусом Телесиным (1970), и некоторые другие. Чуть позднее, к середине 70-х, самиздатские альманахи вышли за рамки чисто правозащитной тематики, стали появляться философско-религиозные и общественно-политические сборники, такие как «Из-под глыб» (1974), «Жить не по лжи» (можно отметить еще неудавшуюся попытку собрать альтернативный «Глыбам» сборник под условным названием «Через топь»). Впрочем, первой ласточкой такого рода был, по-видимому, все же галанковский «Феникс-66», часть материалов которого носила даже беллетристический характер. Во всяком случае, библиография самиздатских журналов будет, несомненно, насчитывать многие десятки наименований.

Особое место занимают информационные бюллетени правозащитников и других диссидентских течений: «Хроника текущих событий», «Украинский вестник», «Хроника Литовской Католической Церкви», «Бюллетень комиссии по расследованию случаев злоупотребления психиатрией», «Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов» и ряд других. По своему своему смыслу эти бюллетени были не чем иным, как самиздатскими газетами. Неважно, что интервалы между выпусками составляли от полутора-двух месяцев до полугода. Характер и формы подачи материала, стилистические и интонационные черты, способы сбора информации и распространения тиража — все это сближает перечисленные бюллетени с такой, например, газетой, как герценовский «Колокол». Только «Колокол» печатался типографским способом в Лондоне и нелегально ввозился в страну в готовом виде, а тиражирование правозащитных изданий происходило, до поры до времени, в соответствии с самиздатской традицией, самопроизвольно и рассредоточенно, по ходу распространения, самими читателями.

Все вышеуказанные соображения подсказывают простой способ определения «самиздатности» диссидентского текста для периода после 1965 года: аналогом «публикации» такого текста в «Самиздате» могло бы считаться появление его в том или ином самиздатском периодическом издании или сборнике, «самиздатность» которых сомнений, как правило, не вызывает. Конечно,

нет правил без исключений. Вероятно, найдутся и такие диссидентские документы (особенно второй половины 60-х-начала 70-х годов), которые имели самостоятельное самиздатское хождение, но, тем не менее, ни в какие сборники не вошли. С другой стороны, некоторые поздние повременные издания (например, исторический сборник «Память») ходили в рукописи в весьма ограниченном круге читателей: их распространение шло, в основном, за счет издания за рубежом и последующего нелегального ввоза «тамиздатных» экземпляров в СССР. Однако за основу для составления библиографического справочника этот принцип, думается, можно было бы принять.

Другая сторона связи между самиздатом и диссидентскими движениями состоит в том, что в основе обоих явлений лежит идея не столько борьбы с режимом, сколько игнорирования его предписаний. Это модель поведения внутренне свободного человека в несвободном обществе. Отсюда лозунг правозащитников: «осуществление прав и свобод явочным порядком». Механизмом реализации наиболее важной из таких свобод — свободы слова — и стал самиздат, все равно какой — художественный, политический или научный.

Не случайно КГБ так и не выработал системного взгляда ни на самиздат, ни на диссидентство как явление, и так и не научился с ними бороться. Даже в документах Комитета эти слова употребляются нечасто и с обязательным префиксом «так называемые». Конечно, госбезопасность изымала самиздат на обычных; конечно, она иногда изымала и людей, его распространявших. Но она ни разу не сформулировала четкую операционную концепцию. Невозможно бороться с чем-то, что тебя просто игнорирует, и с чем-то, что ты предпочитаешь игнорировать, с явлением, для которого тебя просто нет по определению, с которым ты существуешь в разных измерениях.

Из сказанного следует, что я полностью ввожу самиздат, как явление, в рамки диссидентства. Иными словами, хотя не всякий документ диссидентских движений есть факт самиздата, но всякий текст самиздата (в том числе и относящийся к «сугубо литературной» сфере) есть факт диссидентства как культурно-политического явления.

Отсюда — и некоторые соображения по проблеме, о которой я говорил в начале своего выступ-

ления: о роли и влиянии самиздата на произошедшие в нашей стране события. На мой взгляд, это часть вопроса о роли диссидентской активности, шире — о роли инакомыслия. Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен, он требует многих и длительных исследований — но все же я рискнул бы осторожно сформулировать рабочую гипотезу. Полагаю, что миф о самиздате, сокрушившем режим — это все-таки миф. Самиздатчики, диссиденты, инакомыслящие не были в большинстве своем борцами с режимом, а если кто-то и был, то это оставалось его личным делом. Мне представляется, что у инакомыслия (и у самиздата, как основного его инструмента) была иная историческая задача — быть полигоном для завтрашнего (ныне уже сегодняшнего) дня, моделью будущего свободного общества. Как диссидентство с этой задачей справилось — другой вопрос.

И последнее, чего я хотел бы коснуться — это вопрос о временных рамках самиздата. Конечно, что касается нижней границы, то, как я уже говорил, принципиальной разницы между самиздатом пушкинской и хрущевской эпохи, в общем, нет. Хотя, конечно, распространение запрещенной литературы в списках смогло стать значимым общественным явлением лишь с вхождением в быт пишущих машинок (один огоньковский журналист года три назад несколько патетически, но по существу правильно, предлагал поставить на московской площади памятник пишущей машинке). Появление пишущих машинок в личном владении стало для свободы мысли тем же, чем изобретение Гуттенберга для культуры в целом — это понятно.

А вот вопрос о верхней границе уже несколько сложнее. Ясно, что исчезновение самиздата не могло произойти позже, чем летом 1990г., когда в России была отменена цензура как государственный институт. Однако, самиздат (в нашем понимании этого слова) исчез несомненно раньше. Когда же: в 1987 году, с началом перестройки? В начале 80-х, с усилением репрессий? Я полагаю, что упадок самиздатской деятельности наступил значительно раньше, в конце 70-х годов, и был связан не с репрессиями, а наоборот, с появлением новых альтернативных самиздату возможностей, в первую очередь — «тамиздата».

Но это — тема для отдельного разговора.

Андрей СОКОЛОВ

Судьба самурая

На карте Красноярского края этого поселка нет вообще. Когда ехали туда, местный журналист показал мне сначала один указатель — «Элита», гордое название крупного села, в котором выращивают отборных свиней, а через несколько минут езды по разбитой дороге мы увидели наконец и щит с надписью «Арийск».

Мелькнул не очень высокий деревянный забор, ворота, которые открывал человек в черном бушлате с белым прямоугольником на груди, вышка с молоденьким часовым.

— «Электронная» зона, — пояснил мой спутник, — проще говоря, местное подсобное хозяйство. А вот и сама зона...

Огромный периметр, окруженный заборами — деревянными, железными, проволочными, высокими вышки и по дороге один и тот же люд: все в тех же бушлатах и шапках.

— Это расконвоированные. За служили.

Сразу после зоны три улочки с покосившимися бараками. Мы остановились около одного. Вышли. Небольшое строение вид имело жалкий, сразу представил, как холодно внутри. Так оно потом и оказалось.

Коллега мой пошел вперед. Он был уже довольно хорошо знаком с Фукуи-сан, человеком, к которому мы приехали. Я остался чуть поодаль от крыльца, в тесном дворике, единственной достопримечательностью которого была неяркая грязь.

На стук никто не отзывался. В соседней квартире слышался шум, детский плач, голоса. Я постучал. Вышла молодая женщина, спросила, кого надо.

— А, дядю Гену? Сейчас.

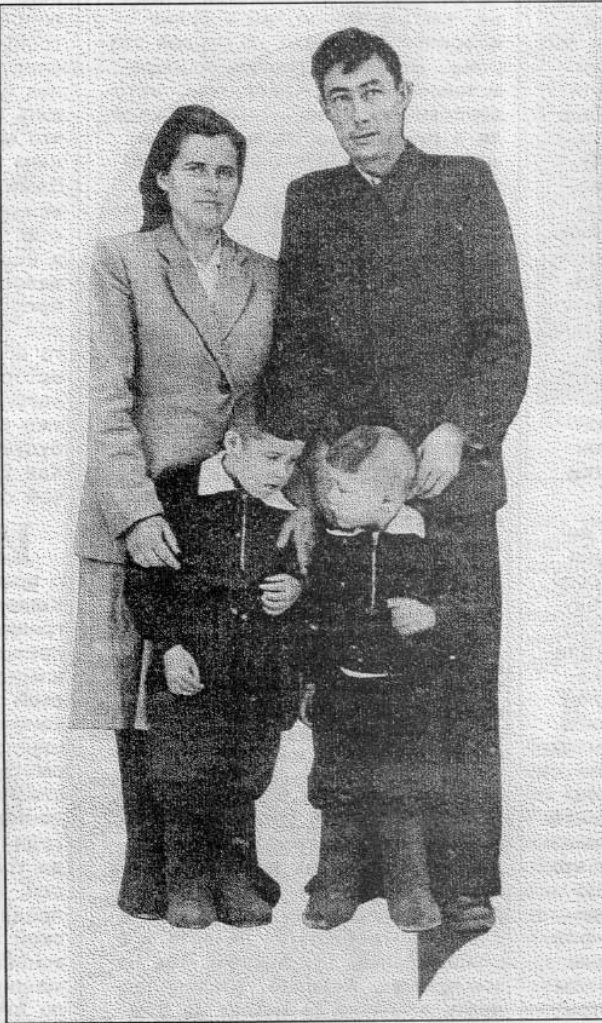
Она нырнула куда-то за веранду, и почти сразу же из квартиры выскочил пьяный парень в нижней рубашке. Он посмотрел на меня и сказал несколько знакомых с детства традиционных русских слов вместо приветствия. Потом сел на крыльцо и с какой-то тоской сообщил, что дядю Гену мы до обеда разбудить не сможем. «Где же они ее берут-то, в девять утра?» — в который раз подумал я.

СОБОЛЕВ-САН

Жизнь Геннадия Николаевича Соболеву спас японский император Хирохито. В Маньчжурии шли бесконечные проливные дожди, когда в августе 1945 года второй после Бога разрешил своим подданным сдаваться в плен.

В Японию с той войны Генкити Фукуи уже не вернулся.

Он не вернулся с той войны, которая заканчивалась здесь, на этих маленьких островах в океане. Курилы. Они тянутся цепочкой

от Камчатки до Хоккайдо. Они объединяют два великих народа, две культуры, две цивилизации.

И разделяют их...

На островах Итуруп, Шумшу, Парамушир шли жестокие бои осенью 45-го. Гарнизоны не знали, или не хотели знать, что японская армия уже сложила оружие. Они дрались за маленький, но свой клочок земли...

Русские дрались за право называть его своим. Империи сводили давние счеты, солдатская кровью оплачивая право на победу. Штурм островов начался в конце августа.

Командиры Квантунской армии, договариваясь об условиях капитуляции, просили советских генералов позаботиться о пленных. Маршал Мерецков обещал — позаботимся! Квантунская армия сдавалась полками. В том строю и был Генкити Фукуи.

По всем нормам международного права японцев надо было бы отправить домой. Об этом говорится и в девятом пункте Потсдамской Декларации, к которой присоединился Советский Союз. Но победители с отправкой не спешили. Мало кто знал, что еще за

полтора месяца до Маньчжурской операции было подготовлено пятнадцать лагерей для приема военнопленных. Их грузили в теплушки и отправляли в Сибирь, Казахстан, Россию. Лагерь не хватало. Пленников размещали где попало, а то и просто в чистом поле. Они сами обносили место колючей проволокой, строили временки. Зачем везли эту тьму людей — шестьсот с лишним тысяч? Сегодня уже ясно — в качестве рабов, взамен поредевшего в войну населения ГУЛАГа.

А пока они спокойно складывали оружие. Будущее их не пугало...

ДВОРЯНИН, «ШПИОН», ПОЛИТЗЭК

— Фамилии нашей уже 300 лет. Даже больше — 300 с лишним. В принципе самурай — это те же дворяне в дореволюционной России. Хотя, конечно, обычаи другие. Но вот главное сходство, что роднит дворян, — честь. Запятнать самурайскую честь — это потерять все, потерять жизнь. А правила были простые и общеизвестные: не убий, не укради, думай о ближнем своем...

В гражданскую войну мой отец был в составе Экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке. Там он влюбился в молодую даурскую казачку и увез ее с собой. Знание языка моей матери, Матрены Прокопьевны Соболевой, и подвело меня под монастырь. В армии я служил военным переводчиком, в разведке. Было мне двадцать лет. Когда попал в плен, сначала был вместе со всеми, а потом военная миссия начала разбираться, кто же служил. Я попал в тюрьму в Биробиджане, там началось следствие, а продолжилось в Хабаровске. Очень долго, почти два года шло следствие. Ну, а потом все просто... Вызвали из камеры в какую-то комнату, зачитали постановление Особого совещания — 58-я статья, шпионаж, 10 лет лагерей. Я было заикнулся — какой шпионаж, переводчик я из армейской разведки, но кто слушал, кому было слушать... Отвели в камеру. Ну вот и все. А потом в Красноярский край, в вагонзак. В Решеты привезли. Там много лагерей было, они, по-моему, и сейчас еще там есть. Мошка — не мошка, а зверь лютый там. 46 лет прошло, а помню, как в первый год меня искусила, опух весь, так опух, что сам себя не узнавал. Только деготь и спасал. Мазались детем. Вспоминаю сегодня — шпион японский, а похож на негра в красноярской тайге...

Железную дорогу строили, лес валили, шпалы на платформы грузили. А потом властям показалось, что Красноярский край слишком легкое место для политических. Статья-то особая. И вот собрали нас на Колыму. Ехали мы так наделю, вторую. Думали, в

Сибирь везут, дорогу строить, тогда как раз дорога Тайшетская строилась, Братск строился. Но когда Иркутск проехали, я понял, что везут на восток — это дорога к дому. Чем черт не шутит, думал я, может, сбежать удастся. Это уже потом, в бухте Ванино, я понял, какой большевики мне восток приготовили.

А потом Колыма-матушка, будь она проклята, чуть я там Богу душу не отдал. Побыл я там два года, добывал золотой песок... Ну, что говорить, уже многие рассказали, как на Колыме заключенным жилось. Спасла меня докторша, пожалела. У меня был вес, когда на Колыму привезли — 70 килограммов, а на следующую зиму уже 46.

Привезли в Мордовию, в Утимлаг. Тогда туда начали всех политических собирать. Бытовиков я там уже не встречал. Там номера присвоили, нашивки на грудь, на спину. Я свой номер хорошо помню — СТ-144. Переключку делают, так откликаешься только на номер. Так, наверное, в немецких концлагерях было, оттуда большевики переняли, это точно. И там я свой срок домотал более или менее, главное — с Колымы вывели.

СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ

Фукуи-сан все же услышал стук, и мы зашли на небольшую веранду, сопровождаемые двумя маленькими, но воинственными собаками. Дальше их не пустили, зато на кухню нас встретили две кошки.

— Беда с ними, — усмехнулся он. — Проходите в комнату, знакомиться будем. Чаю хотите?

Больше всего чаю хотел он сам. А скорее всего, даже и не чаю — чего-нибудь покрепче хотелось, но он и виду не подал.

— Порода, — шепнул мне мой спутник. — Одно слово — самурай.

Я извинился за внезапное вторжение. Вездь в Арийск дозвониться практически невозможно.

— Ерунда, — сказал Фукуи-сан. — Хороший гость — всегда радость. Так яхта...

И тут я поймал себя на том, что вслушиваюсь в речь хозяина. Внимательно вслушиваюсь, даже с напряжением. А почему собственно? Фукуи-сан говорил без всякого акцента, лишь через каждые несколько слов утвердительно повторял: «Так яхта». Что это такое, я так и не спросил — постеснялся.

— Давно вы один живете, Фукуи-сан?

— Да уж два года. С тех пор, как жена умерла. Еще раньше младший сын погиб. А старший с семьей далеко, в тайге, в лес-промхозе работает. Так и живу.

— Трудно?

— Трудно? Нет, не трудно. Чего уж тут трудного? Все у меня есть. Огород семь соток, молоко у соседней покупаю, вот, попробуйте, сверху сливки. Настоящее, деревенское молоко. Нет, не трудно. Тоскливо, это да.

— Вы, говорят, недавно на родину ездили?

Что-то мгновенно произошло с моим собеседником после этого вопроса. Ожил, что ли.

— Сейчас я вам фотографии покажу. Фукуи-сан прошлепал по ледяному деревянному полу к покосившемуся крошечному буфетику, залез в ящик, достал несколько альбомчиков. И потекла перед нами сказочная жизнь на Островах, запечатленная поляридом. Фукуи-сан с братьями

возле их дома. А у дома — вполне европейского вида, двухэтажного — озеро, ручей, через ручей мостик и на нем наш замерзший самурай...

— Хорошо меня встретили, конечно. Ни на минуту не оставляли. Или братья, или невестки, или дети, все время кто-то опекал. У старшего брата фирма, радиоэлектроникой занимается, солидный человек не только в Хиросиме, вообще, в международном бизнесе. Даже в Москве отделение есть. Вот, подарил мне...

И опять Фукуи-сан залез в свой буфетик. На этот раз на свет Божий появилась видеокамера «Хитати». Последняя модель.

— Сколько же она стоит?

— Девятьсот долларов.

— У нас на черном рынке знаете на сколько потянет?!

— А, — махнул рукой Фукуи-сан. — Я сейчас при деньгах. Вот, брат дал, 600 долларов и 10 000 йен.

Он ушел во вторую комнату, закашлялся там глухим кашлем курильщика и вывалил на стол купюры. Пока мы рассматривали японского императора и американского президента, хозяин зарядил камеру и предложил мне поспинать. Глазок «Хитати» прошелся по лицам, по горке денег, лежащих на колченогом столе среди граненых стаканов, по убогому буфетику, развалившемуся креслу...

Больше снимать было нечего.

ЗАТЕРЯННЫЕ В СИБИРИ

В рескрипте о капитуляции император Хирохито обратился к солдатам с призывом не поддаваться отчаянию, постараться мирным трудом прославить свою страну. Но его подданных постигла иная участь, иной труд, отнюдь не во славу Японии. Они строили дорогу Тайшет-Братск, в Хакасии многокилометровый водовод, мыли золото на Колыме, спускались в шахты Норильска, отстраивали сибирские города... Это была чистой воды каторга. За первую зиму плена погибло 47 тысяч человек. Причины смерти почти везде одинаковые: крупное воспаление легких, туберкулез, сильное истощение... Японцев укладывали в наспех вырытые могилы в вечную мерзлоту. И втыкали обрезок металлической трубы с номером на дощечке. От многих японских кладбищ сегодня не осталось и следа.

А те, что остались... Могилы поросли березами. И тогда, а теперь уж подавно, неизвестно, кто лежит в них — самурай, рабочий, крестьянин... Все исчезло, память о них исчезла. Как будто и не появлялись на свет Божий эти люди. По молодости лет они не оставили детей, родители умерли... Прервалась связь времен.

Бессмыслица, полная бессмыслица. За что?

Сколько их, исчезнувших кладбищ в этих суровых краях? Называют 700 захоронений. Где остальные — не знает никто. Тайга и поныне хранит свои тайны. На ее просторах затерялись мертвые... И живые.

ПОЕХАЛИ ДОМОЙ!

— Ну вот, вышло освобождение, а меня опять в крытый вагон. В Новосибирске на пересылке пять суток, а потом дальше, опять в Красноярск. Оттуда начал, туда и вернулся. А в Красноярске набор, и потом еще двадцать километров. Там нас передали комендатуре, коневой сняли. Можете ид-

ти, куда хотите, но в определенных пределах. Но долго нас не держали, через два дня согнали всех в здание пожарки, пришли покупатели. Председатели колхозов. Вот мы и поглядывали, к кому лучше попасть. Нас из нашего лагеря человек 10-15 было. Держались кучкой. Еще в вагоне подружились. Вот и присмотрели одного покупателя. Мужик вроде серьезный. Как, спрашиваем, кормить будешь? Он говорит, все нормально, насчет кормежки, и баня будет. Так и пошли к нему. Я скотником у него работал.

А до этого еще одна примечательная история была. Я в комендатуре к начальнику обратился, говорю, у меня в приговоре ссылки нет, как же так? Он отвечает, не знаю, во всяком случае, 58-ю всю на ссылку везут. Я попросил, чтобы он высшему начальству обо мне доложил, фамилию мою записал. Он пообещал. Через некоторое время из Красноярска полковник госбезопасности приехал. Вызвали меня. Я спросил, на каком основании меня держат, срок кончился, пора домой отправлять. И вот он мне ответил, — зачем вам домой, вы домой даже и не мечтайте, у вас же 58-я статья. Вы здесь живите, готовьтесь, подбирайте себе место хорошее, на кладбище. Ну тогда я и понял уже окончательно, значит, нет дороги назад, нету. И больше об этом и не думал. Да и боялись мы. Статья-то ведь действительно такая: сегодня — ссылка, а завтра — опять лагерь. И ни за что. Особое распоряжение, и все.

И вот работал я тихонько скотником, за коровами следил, навоз убирал, солому стелил. А моя будущая жена — Зося Казимировна, дояркой была. Она из-под Шауляя, тоже ссылка, в один год, считай, сюда попали. Красивая была, мы познакомились, и как-то сразу... У нее ничего нет, у меня ничего нет, ни сейчас, да и в будущем, как-то не очень верилось в будущее. Они там, у себя в Прибалтике, зажиточными считались, вот ее сюда и сослали. Литовцев много в колхозе было. И мы решили жить вместе, судьбы похожи, понимали друг друга хорошо. Так и умерла, не повидав свою Литву. А мне завещала, чтобы я все же как-нибудь поехал на родину. Хорошая была женщина. Человек хороший. Мы и жили, не смотря ни на что, хорошо. А потом и ссылка кончилась. Все начали разъезжаться, а мне-то куда ехать...

Мне ехать некуда. Только вот из колхоза сразу драпака сделал. Перешел в лесную промышленность, сюда вот переехал, в этот поселок, в Арийск. Тут у меня дело быстро на лад пошло. Через год курсы закончил, поставили мастером. Сын первый родился...

Послали как-то на заготовку леса. Это вниз по Енисею, в Лизаевку. И там я встретил земляка с Хоккайдо. Он уже больше меня работал, у него срок восемь лет был, и ему вдруг репатриация вышла. Он-то мне и рассказал, что Хиросиму разбомбили атомной бомбой. Я его попросил найти родных, когда приедет в Японию. И через какое-то время получил от отца письмо. Узнал, что все живы, что старший брат из плена вернулся сразу же, что у меня за это время появилось еще два младших брата.

В конце 56-го года, когда и мне пришла наконец-то репатриация, моему второму сыну было уже три месяца. Ну вот, вызвали в милицию, говорят, — разрешили вам ехать

домой, три дня даем срок, сбор в Красноярске. Я заинтересовался — а как же семья? Я же законно расписался, в вашем ЗАГСе. Он разузнал все, позвонил куда-то, и говорит, — вы не наш гражданин, вы гражданин Японии, можете ехать, а дети ваши зарегистрированы, они остаются советскими гражданами. Так что их куда не пустят. Я говорю — как же поеду? — Детей оставляйте и уезжайте, и все.

Начались мои мучения. Так тянуло — ночами не спал. Все вокруг дома бродил. Потом решил — еду. Уже в Красноярск приехали. Мне идти на сборный пункт, посмотрел, а Зося стоит с сыном и младший на руках...

Короче, развернулся я и говорю — поехали домой! Так и остался...

ВОТ Я И ВЫБРАЛ...

— У меня пленка есть о Японии, — сказал Фукуи-сан, — да вот приставка не подходит к телевизору — старый уже, наш, черно-белый. Так я ее директору отдал пока. Хотите, пойдём, посмотрим?

По улице гоняли грузовики. За рулем — эмки и рядом непеременные прапорщики. Фукуи-сан зашел к своему директору домой — был воскресный день — но быстро вернулся.

— На работе он. Сходим, тут недалеко.

В этом поселке все недалеко. Пять минут ходьбы, и мы вновь у мрачного КПП, вокруг которого толпятся люди в бушлатах. Фукуи-сан подвел нас к невысокому, но очень широкоплечему подполковнику.

— Здравствуйте. Вот, корреспондент из Москвы приехал, хотим фильм посмотреть. Никак нельзя?

— Посмотреть можно, — осторожно сказал подполковник. — Да вот только телевизор у меня сломался. Так что...

Он внимательно поглядел на меня, на моего коллегу, на Фукуи-сан. Потом коротко ответил подошедшему майору и спросил:

— Корреспонденты, значит? А вот о системе зачетов ничего написать не сможете? Трудно стало в зоне без этой системы.

— Сможем, сможем, — успокоили мы его, — но в следующий раз. Как у вас тут вообще-то живется? Не шалят?

— Не шалят, — сверкнул сплошным золотом во рту подполковник, — я им пошालю.

— Ну и директор у вас, — сказал я, когда мы возвращались.

— А что? — пожал плечами Фукуи-сан. — Директор как директор. Я привык к военным.

— И к зоне?

— И к зоне. Так уж получилось, что всю жизнь вокруг да около нее. Здесь, в Арийске, все так или иначе связано с зоной. Потому мы его директором и зовем.

У калитки стоял немного пришедший в себя сосед.

— Как самочувствие? — проходя мимо, весело спросил Фукуи-сан.

— Какое самочувствие! Ты скоро, Николаич?

Фукуи-сан что-то быстро сказал ему, и парень закивал в ответ: «Понял».

— Господи, Фукуи-сан, да зачем вам все это — зона, подполковник-директор, семь соток... Сейчас-то можете уехать на родину и сына с семьей забрать, — не выдержал я уже в квартире.

Фукуи-сан молча кивнул мне и вышел за перегорожку. Минуты через три он вернулся и положил на стол какие-то грамоты с портретами Ленина, удостоверения, медаль «За трудовое отличие».

— Вот, — ответил он мне. — Сначала большевики загнали меня на Колыму, хотели вовсе угробить, я выжил, худо-бедно прожил здесь почти полвека, своим горбом заработал пенсию, льготы, да-да, льготы, вот по этому удостоверению могу продукты без очереди покупать, а теперь уезжать, да?

— Какие продукты, Фукуи-сан? — почти застонал мой коллега, — какие продукты?

— Какие? А вот сейчас...

Фукуи-сан как был босиком, так и ступил на железный лист, которым застелен пол кухни. Он открыл крышку небольшого погреба, начал доставать свертки, баночки, мешочки.

— Вот сало — сам солил, вот огурцы маринованные, еще осенью закатал, вот черешка...

И впрямь стол уставил. Я понял, что дальше мучить старика нельзя.

— А что, Фукуи-сан, что в Японии-то пили? Водку или sake?

— Что давали, то и пил, — широко улыбнулся наш хозяин, — а что, если мы сейчас по маленькой?

И Фукуи-сан жестом фокусника откуда-то из-под табурета достал бутылку «Русской». И сало, и огурцы, и капуста под этот напиток шли замечательно. Фукуи-сан добавил к изобилию японскую лапшу, попробовали мы и палочки орудовать, да не получилось. Зато у хозяина они мелькали, как спицы в колесе.

— Жалко, что фильм не удалось посмотреть, — сетовал он, — мои там в кино меня переодели, есть еще кадры, где я с фамильным мечом. Вот, боевая стойка...

И от каким-то необычным движением рук показал нам эту стойку. Потом сел, расслабился, закурил, задумался.

— У меня ведь первый дан был. Эх, когда это было!.. Я первые дни как во сне там жил. Вроде и наяву, а вроде и нет. Когда в Токио в аэропорту братьев увидел, бросился к ним обниматься, и вдруг меня как стукнуло что-то — они стоят, улыбаются, кланяются. А у меня слезы закипают, я их обнять хочу. Нельзя. У нас так нельзя...

Фукуи-сан, рассказывая, не забывал о рюмках. Верно, и у нас иначе нельзя. Фукуи-сан знает обычаи и те и другие.

— Я вот думаю, ну вот остался бы. Мне, кстати, предлагали жениться на вдове умершего младшего брата — есть такой обычай. Ну и как бы мы жили, на что? А здесь у меня пенсия, да, говорят, компенсация будет.

— Неужели братья вам бы не помогли?

Фукуи-сан опять промолчал, сходил на кухню за добавкой. Мы переглянулись, но повода для беспокойства не было — старик держался крепко.

— Ничего, ничего, — заметил он наши сомнения, — а то как-то не по-русски получается. Сейчас вот нормально. У брата в доме коллекция вин и коньяков, целого состояния, говорит, стоит. Да, трудно думать, мужики, на двух языках. Отвык я от этого. Надо уж что-нибудь одно выбирать, что Бог дал. Вот я и выбрал. А ездить, конечно, буду, опять же, если Бог даст.

И все было ничего, отдышал Фукуи-сан душой, отходил от жестокого похмелья, вспоминал, рассказывал, радовался. Потом кто-то из нас вспомнил об атомной бомбардировке Хиросимы, и опять с ним что-то случилось. Он крепился-крепился, а потом заплакал.

— В музее был, вот так же не выдержал. На стенах тени, от людей тени, представляете? А мои — ничего, дом дедовский за горой стоял, это и спасло. Ну, давайте, милые, за их упокой...

В наши трудные и жесткие времена познакомиться, поговорить с хорошим, добрым человеком — уже праздник. Так почему же не проходит горькое удивление от судьбы этого старика? Судьбы, с которой уже ничего нельзя поделаться...

«Русская виза», Москва

Скажите, кто я?

В 1945 году по неизвестным мне причинам я был принят в качестве сына полка в одну из танковых частей Советской Армии. В ходе Берлинской операции, во время бомбежки я был тяжело ранен в голову: перелом костей черепа и три осколка в левой части мозга. После этого я потерял память. Меня лечили в советском полевом госпитале, где, как помню, меня несколько раз навещал офицер в высоком чине (мне кажется, что генерал) и женщина в военном мундире. Летом 1945 года, когда госпиталь был эвакуирован на территорию СССР, по распоряжению военных властей меня перевезли в госпиталь в польский город Катовицы. Там меня переодели из советского мундира в солдатский польский. Причем, объяснили, что на самом деле я польский ребенок, чьи родители погибли во время войны и пообещали поискать моих дальних родственников, которые могли проживать в Польше. Из-за ранения я почти ничего не помню из времени моего пребывания в госпитале. Вспоминаю только, что ухаживал за мной молодой высо-

кий солдат, который называл меня «Володя». Этот солдат заполнял на меня какие-то формуляры — какие и для чего — мне неизвестно. Еще очень ясно вспоминаю одно, впрочем, может быть, это мой детский сон, — молодая женщина с длинными, очень черными волосами — моя мать? Помню также, что меня называли фамилией Коцберски, которую мне вместе с именем Владислав и датой рождения 28 августа 1935 года вписали в документы по выписке из госпиталя.

Я обращаюсь ко всем с большой просьбой: может кто-нибудь помнит восьмилетнего черноволосого и кареглазого солдата, который тяжело раненным лежал в катовицком госпитале в 1945 году? Может, кто-то видел меня в советской танковой части? Возможно, найдется человек, который поможет мне разгадать эту загадку — кто я есть.

Может быть, где-то живут мои братья, сестры? Может быть, меня кто-то ищет?

*Wladislaw Kocberski
ul. Bernardynska 20/64 Warszawa Tel. 40-40-61*

«Мы никогда не мстили мертвецам»?

После окончания второй мировой войны на территории нашей страны в плену оказались свыше 4,1 миллионов солдат и офицеров всех армий гитлеровской коалиции. Свыше 200 тысяч из них были размещены на Урале в спецлагерях. По два лагеря находилось в Башкирии и Удмуртии, по три – в Оренбургской и Пермской областях, шесть – в Челябинской и четырнадцать в индустриальном центре Урала, в Свердловской области.

Город лагерей

«Лагерь – название некоторых учреждений, предназначенных для содержания большого количества людей»

С.И. Ожегов. Словарь русского языка.

В нашу область первые эшелоны со служащими вражеских армий, взятыми в плен Красной Армией в ходе боев на фронтах Великой Отечественной войны, стали поступать уже в 1942 году. Вначале их размещали в специально отведенных зонах в районе поселков Монетный и Лосиный, а затем, в 1943 году, в Асбесте организовали специальный лагерь под номером «84».

В Нижнем Тагиле весной срок третьего были начаты работы по созданию тагильского отделения военнопленных, впоследствии спецлагеря N153. Они развернулись на базе лагеря ликвидированного пятого района Тагиллага НКВД, расположенного в Пионерском поселке.

В июне 1943 года N153 находилось 1369 военнопленных, в большинстве своем прибывших из Тавдинского и Лобвинского отделений лесной промышленности НКВД СССР.

Многие из них были тяжело больны, истощены, обморожены, ранены. Это заставило администрацию Тагильского отделения военнопленных и руководство Тагилстроя НКВД уделять значительное внимание их медицинскому обслуживанию.

До середины 1944 года труд военнопленных использовался мало. В 1943 году на строительстве НТМК было задействовано всего 134 человека. Однако уже осенью 1944 года Тагилстрой НКВД получил от спецлагеря N153 свыше 6 тысяч рабочих. А

всего к концу года в трех отделениях лагеря – в поселках Пионерский, Технический, на Малой Кушве, находилось около 10 тысяч военнопленных.

«Интернационал» N153

По свидетельству начальника учетного отдела спецлагеря N153 В.С. Дергачева, осенью 1945 года в лагере было более 15 тысяч человек разных национальностей. Среди них – немцы, австрийцы, поляки, румыны, итальянцы, люксембуржцы, французы, японцы.

Для их размещения в победном сорок пятом на базе тагиллаговских зон было открыто несколько лаготделений. В их числе – N5 на Голом Камне, N6 на второй площадке Тагилстроя, куда направляли истощенных, нуждающихся в длительном восстановлении трудоспособности.

Логотделения были организованы также на руднике III-го Интернационала, в поселке Серебрянка.

Спецлагерь N153 считался самым крупным среди лагерей Среднего Урала. Его управление дислоцировалось в Пионерском поселке Тагилстроя, а после слияния в 1948 году со спецлагерем N245 переехало на вагонку. В последние годы существования спецлагеря 153 (он был ликвидирован в декабре 1949 года) лаготделения находились в Верхотурье, Артемовске, поселке Буланаш, в Сухом Логу.

В 153-м содержались большей частью младшие чины, однако были и офицеры в чине до подполковника. Последним крупным чином, отправленным на родину, был полковник австрийской армии Регеле. Полковник ходил в мундире с 15 наградами и возглавлял учет всех содержавшихся в лагере австрийцев.

Поступали сюда солдаты и офицеры 6-й армии генерал-фельдмаршала Паулюса, из «котлов» Восточной Пруссии, после ликвидации группировки на острове Борнхольм (Дания). Среди военнопленных были и женщины, например, служившие в СС немка Елена Фогг, полька Гертруда Наваци и француженка Эдит Шостек, работавшая секретаршей коменданта концлагеря Майданек.

Кто так строит

«В первые же послевоенные годы был разработан и утвержден десятилетний план реконструкции города, в корне изменивший облик Тагила».

Практическое осуществление этого плана началось еще в 1944-1945 годах...

Одновременно большие работы проводились по наращиванию мощностей завода и рудников, строительству новых предприятий легкой и пищевой промышленности».

(Из книги «Нижний Тагил», 1977 год.)

Тагильчане старшего поколения хорошо помнят первые послевоенные годы, когда на многих стройках работали тысячи военнопленных. Попавшие в спецлагерь N153 строили Новотагильский металлургический завод, возводили жилье для заводов Наркомчермета, дворцы культуры, школы в центре города, на Тагилстрое и в других местах, прокладывали и мостили дороги, добывали руду в шахтах «Капитальная» и «Магнитовая».

Построенные военнопленными добротно и качественно 32-й и 33-й кварталы в районе пр. Ленина-Мопра (Мира), 71-й и 72-й дома по пр. Ленина, два общежития горно-металлургического техникума дом преподавательского состава, жилые дома в районе ул. Циолковского-Новострой, здание Дворца культуры НТМК – до сих пор определяют архитектурный облик города.

Сотни военнопленных добросовестно трудились и на многочисленных предприятиях треста «Тагилстрой», ЗМК-1, ЗМК-2, авторемонтном заводе, ДОК – слесарями, ремонтниками, сборщиками, грузчиками. Они же строили дороги и трамвайные пути на Тагилстрое, Красном Камне, прокладывали вторую линию трамвайных путей от центра Тагила на Вагонку.

Собственно, за счет N153 и существовал в послевоенное время Тагилстрой. Из 17,7 тысячи человек, работавших в тресте в 1946 году, 4,6 тысячи составляли военнопленные, 6,9 тысячи – заключенные Тагиллага, «спецконтингент» (ссылные), и только 6 тысяч – вольнонаемные, в основном бывшие трудармейцы из СО

№18-74, спецпереселенцы, лица, состоящие на учете в МВД.

Лагерь «Фрау»

«Интернирование (от франц. — водворять на жительство) — в Международном праве принудительное задержание одним воюющим государством граждан другого воюющего государства...»
(Советский энциклопедический словарь)

Говоря о военнопленных, нельзя не упомянуть о трагической судьбе 600 интернированных немцев из Восточной Пруссии, прибывших в Нижний Тагил летом 45-го и размещенных в четвертом лагерном отделении у шамотного завода.

Это были жены немецких офицеров и чиновников, гражданские лица, работавшие в военном аппарате, обслуга поместий.

Большинство из них было схвачено во время облав, проводившихся НКВД в городах Восточной Пруссии, проверок населения, вышедшего из района боевых действий.

Прибывшие почти поголовно болели, отказывались принимать пищу и умирали, как мухи.

Последний транспорт в лагерь у шамотного завода прибыл зимой 1945-го из города Грауденц. В зону пригнали интернированных из проверочно-фильтрационного лагеря: женщин, мужчин, детей. В дороге им давали только соленую рыбу, вместо воды — талый снег. Большинство заболело дизентерией.

Советские немцы называли лагерь у шамотного завода «лагерем фрау». Женщины работали на огнеупорном производстве, строили дороги на НТМК. Но огромное число больных среди них, отсутствие лекарств, нежелание тратиться на мало-мальские условия для содержания интернированных привели к тому, что в начале 1946 года лагерь № 4 было ликвидировано.

«На братских могилах не ставят крестов...»

«— Они поступали к нам из Сталинграда обмороженные, с черными руками, мясо отваливалось от костей. Мне было их очень жаль.»

— Но ведь это были враги?

— Это были люди.»

(Из разговора с медицинской сестрой спецгоспиталя)

Больше всего умерших в спецлагере №153 приходится на 1943-44 годы. Это связано с поступлением военнопленных из ликвидированных группировок в районе Сталинграда, Воронежа и

других мест. Они прибывали обмороженными, тифозными, сильно истощенными физически и психически.

Спасти их в условиях лагеря было практически невозможно, несмотря на самоотверженную работу медперсонала спецлагеря, который вместе с военнопленными, болея тифом, делал все возможное, чтобы снизить смертность.

Из-за боязни распространения эпидемии сыпного тифа трупы вывозились трактором и хоронились штабелями в братских могилах. Многих из них уже не найти.

В послевоенные годы смертность в лагере снизилась. Сказалось улучшение питания, действенную помощь стал оказывать Красный Крест. Начиная с 1946 года умирали, в среднем, один-два человека в месяц: по болезни, по старости, в результате несчастных случаев на производстве.

Всех умерших хоронили в соответствии с положениями Женевской конвенции, в основном в индивидуальных могилах, в гробах, сделанных руками самих военнопленных.

«Мы никогда не мстили мертвецам?»

«... В чужом краю его обидеть могут,

И землю распахать, и гроб

сломать,

Вы слышите! Не смейте, ради Бога!

Об этом просят вас жена и мать!

Напрасный страх. Уже дряхлеют даты

На памятниках дедам и отцам.

Спокойно спят британские солдаты.

Мы никогда не мстили мертвецам».

(К.Симонов. Английское военное кладбище в Севастополе. 1939 г.)

По имеющимся сведениям, в Нижнем Тагиле похоронено 3752 человека из числа военнопленных и интернированных. Сохранились и места массовых захоронений спецлагеря №153. Все они находятся в крайне плачевном состоянии.

Одно из них расположено на окраине кладбища рудника III-го Интернационала. Здесь, на лесной поляне площадью более 1,5 тысяч квадратных метров в высокой траве едва обозначены могилы 271 военнопленного, в том числе 16 японцев (всего их в Тагиле похоронено 72). Лишь сохранившиеся в некоторых местах ржавые железные штыри без табличек, оплывшие очертания мо-

гил, которые видны лишь при скошенной траве, свидетельствуют о том, что здесь находилось военное кладбище.

Захоронения производились также на Висимском кладбище, в районе Голого камня и кладбища 9-го поселка УВЗ. На последнем в 1945-48 годах было погребено 790 солдат и младших офицеров немецкой армии. В начале 60-х годов это захоронение было ликвидировано. На его месте возвели здание средней школы № 41 Дзержинского района.

Оказалось в зоне промышленной застройки и кладбище на Голлом Камне. В течение всего послевоенного времени оно засыпалось отвалами пустых пород, вывозимых с рудника. А ведь где-то сохранились кладбищенские книги с подробным указанием квадрата и номера каждой могилы. *(В бывш. Особом архиве в Москве — РЕД.)*

До начала 50-х годов кладбища содержались в образцовом порядке: за ними ухаживали сами военнопленные.

Однако после передачи захоронений местным органам Советской власти отношение к ним изменилось. Из-за недостатка средств, а, главное, в большей степени по идеологическим мотивам городское коммунальное хозяйство этими кладбищами не занималось. Они были заброшены, а большая их часть просто напросто уничтожена.

«Спокойно» спят немецкие (японские, австрийские и т.д.) солдаты?»

Редакция выражает искреннюю признательность директору Уральской независимой библиотеки В.ПЕСТОВУ за предоставленный для публикации материал.

Нижний Тагил

Wir wenden uns an die an dem Zweiten Weltkrieg teilgenommenen Personen, an ihre Familien mit der Bitte, uns durch eigene Erinnerungen, Zeugnisse, Fotodokumente zu helfen. *Unsere Adresse ist: 390000, Russland, Rjasan-Zentrum, Postfach 20.*

Fuer die Leser, die eine Moeglichkeit hatten, dem Rjasaner MEMORIAL bei der Finanzierung der Arbeit an dem Programm «Soldaten des Zweiten Krieges» Hilfe zu leisten, teilen wir unser Bankkonto in Deutschland mit:

Nr.10707269, BLZ 40050150, Stadtparkasse Muenster, Westf, BRD.

**ПРИКАЗ ПОЛНОМОЧНОЙ КОМИССИИ
ВЦИК N 171****11 июня 1921 года.**

Тамбов

Начиная с 1 июня, решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края.

Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду. Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеровско-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям, Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью Уполиткомиссий или Райполиткомиссий объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых, в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандита, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределяется между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель
Полномочной Комиссии ВЦИК
Антонов-Овсеенко,
Командующий войсками
Тухачевский,
Председатель Губисполкома
Лавров,
Секретарь
Васильев

Подлежит возврату в течение 24 часов.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СТРОГО СЕКРЕТНО

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ (большевиков).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

N 1157/49

Тов. Ежову

Выписка из протокола N57 заседания Политбюро ЦК ВКП(б)

Решение от 31.01.1938**19. Вопрос НКВД**

1. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР.

2. Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства.

3. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР.

СЕКРЕТАРЬ ЦК.

Шифром ЦК ВКП(б)

**СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ,
ЦК НАЦКОМПАРТИЙ, НАРКОМАМ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ
УНКВД**

ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным...

ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП...

ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь...

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(Б) И.СТАЛИН

«И вот пришли...»

Для семьи Юдаевых 14 декабря 1937 года было началом многолетних страданий для всей родни и даже знакомых. Началось прямо как в романе Булгакова — пришел милиционер, попросил 24-летнего сына Ольги Николаевны пройти в милицию для подписания какой-то бумаги. Сын не вернулся. «Удивительнее всего то, что с ним вместе, очевидно, исчез и милиционер». За что арестовали Алексея Юдаева, и как его заставили подписывать бумагу, он рассказал в своем письме брату по выходе из лагеря:

«Как только привели в отделение, даже очухаться не дали. Посадили на стул посреди кабинета — спереди трое, сзади трое. Один толстый, как индюк, заорал, что я обвиняюсь в связи с подпольной организацией, в подготовке выступлений против власти. А я ни сном, ни духом...

Чекисты мне все душевно разъясняют, а смотрят так — убить готовы. Оказалось, взяли меня за одну неосторожную фразу: в институте с друзьями что-то обсуждали, я и сказал, что у Сталина политика неправильная. Какой-то гад донес...

Бумагу об организации я подписать отказался. Меня тут же принялись избивать. Выдержал я только полчаса — давайте, подпишу все, что угодно. Называй соучастников! А каких соучастников? Перечисляй родственников! Я и перечислил...

Вот так и появилось «добровольное» признание Алексея Юдаева. Родственников обвинили, как соучастников. 15 декабря забрали отца семейства: приехали ночью, вежливо осведомились о фамилии и возрасте, сунули под нос какую-то бумагу и тут же увезли.

Так и пошло, каждый день кого-то забирали, оставшимся приказывали молчать. В Москве забрали двоюродного брата, принялись хватать всю его столичную родню. В Киеве жил еще один двоюродный брат, который с рязанской родней и знаком не был. Чекистов это не смущало — они сочиняли «контрреволюционный заговор» всесоюзного масштаба. В конце 50-х киевский брат Сергей написал нам, как его сделали «соучастником»:

«Сунули в грязную холодную камеру, зима, на улице градусов двадцать мороза, а меня притащили в одной рубашке. Пожаловался — надзиратель чуть не упал от хохота: холодно тебе?! Сиди и не рыпайся! Позже узнал, что мои друзья пытались передать в тюрьму теплую одежду, но им отказали. Скоро тяжело заболел, кашель буквально душил меня. В лазарет перевели, когда я совсем потерял голос — начался отек горла. Считается, что в лазарете кормят по-лучше, но я не мог проглотить и ложки того поила, что выдавали за пищу. Оказалось, что в камере я застудил себе почку. Рядом лежал странный арестант, которого не лечили. Так он целыми днями «просвещал» меня: почему бумаги не подписал, дурак? Сейчас здоров был! Подписывай, если хочешь жить! В деталях описывал, как бьют и пытают в этой тюрьме. Предсказывал, что я, как инвалид, всего этого не выдержу — умру. Не умер — подписал...»

До сих пор не могу понять, для чего «отец народов» устраивал такие дикие репрессии? Может быть он действительно страдал манией преследования? Или хотел быть великим, как Ленин?

Правильно поется в песне у Талькова: «Мы смело в бой пошли, и вот — пришли...»

Дмитрий БОРИСОВ

Рязань

«Блошинный» срок

Сегодня, говоря о массовом терроре в СССР, мы вспоминаем о НКВД и его любимой всеохватывающей 58-й статье, по которой были осуждены миллионы наших сограждан. В то же время изучение архивов и воспоминания старожилов позволяют утверждать, что не менее массовый террор, преимущественно в отношении крестьянства, был начат значительно раньше 37-го года, еще до коллективизации, и продолжался не один десяток лет.

Я имею в виду широкомасштабные осуждения крестьянства за неуплату или недоплату многочисленных денежных и натуральных налогов, введенных Советской властью. Для репрессий по таким категориям «преступлений» в основном применялась ст. 61, ч. 3 УК РСФСР, предусматривавшая максимальную «меру социальной защиты» в виде двух лет исправительно-трудовых лагерей. Заключенных по этой статье называли в лагерях «бытовиками», а срок заключения — «блошинным».

Эти «блошинные» сроки, раздававшиеся в массовом порядке, калечили судьбы миллионов простых тружеников, разлучали их со своими семьями зачастую навсегда. Эта «чисто крестьянская статья» в то же время давала неограниченный простор для самоуправства местных властей и органов правосудия.

Показательна судьба одного из жителей села Белосток Кривошеинского района Томской области, моего земляка, Серко Рафаила Петровича, 1886 года рождения.

В 1933 году он вместе с односельчанами Викентием Сенько и Адамом Мазюком был осужден по статье 61 УК на два года лишения свободы за неуплату налогов и мифическую «эксплуатацию наемной рабсилы». Наказание все трое отбывали в исправительно-трудовом учреждении Колпашево Нарымского округа.

В заключении Серко серьезно заболел малярией и вскоре на основании постановления особой комиссии от 19 июня 1934 года был досрочно освобожден. Как вспоминал его сын Петр Рафаилович, привез он своего отца из Колпашево едва живым.

Когда поднялся Серко на ноги, его тут же стали принуждать к вступлению в колхоз. Ссылаясь на нездоровье, он отказался. Обложили со всех сторон налогами, только где их выполнишь...

27 марта 1936 года народный суд Кривошеинского района вновь открытым показательным судом приговорил Рафаила Петровича к двум годам заключения все по той же «блошиной» статье. В приговоре указали, что Серко категорически отказался принять обязательство по налогам, а так же не рассчитался еще с рядом других обязательств. Суд подчеркнул, что в Белостокском сельском Совете из 93 единоличных хозяйств обязательство по севу приняли только 3 хозяйства. Поэтому решили распродать... хозяйство Рафаила Серко.

Определением Нарымского окрсуда от 1 сентября 1936 года судебное дело Р.Серко все же было пересмотрено и переквалифицировано на вторую часть статьи 61 УК, которая предусматривала один год заключения. Этот год неволи Рафаил Серко отбывал в Дмитровском исправительно-трудовом лагере НКВД, вместе с десятками тысяч таких же заключенных крестьян строил канал «Волга — Москва».

Отбыв срок, Рафаил вновь вернулся в село. Однако, еще не успев прийти в себя от лагерного пайка и рабского труда, Серко 2 сентября 1937 года вновь, уже в третий раз, был осужден по знаковой 61 «блошиной» статье УК на два года лагерей...

На этот раз Рафаила Петровича «исправляться» отправили в Юргинские лагеря. Как рассказал его сын Петр, зимой 1937 года они получили от отца лишь одно письмо.

Так и не знает до сего дня семья о том, где похоронен Рафаил Серко, будет ли он реабилитирован. Статья-то «уголовная»...

Кто может сказать, сколько было по стране таких «уголовников», подобных Р. Серко, осужденных по 61 и другим уголовным статьям и указам правительства только за то, что не могли нести тяжкое бремя советской экономической барщины?

Василий ХАНЕВИЧ

Томск

На первой стр. обложки: последний снимок Федора Васильевича ПОНОМАРЕВА, кузнеца рязанского колхоза «12 лет Октября», расстрелянного 17 ноября 1937 года.

ФОТО ИЗ АРХИВА КГБ

RUSSIAN «KARTA» CENTER

THE RYAZAN REGIONAL
BRANCH OF HUMAN RIGHTS
DEFENSIVE HISTORIC
EDUCATIONAL AND
CHARITABLE "MEMORIAL"
SOCIETY,

THE RYAZAN INITIATIVE
GROUP FOR HELSINKI
AGREEMENTS EXECUTION,
THE EDITORIAL STAFF OF
INDEPENDENT DEMOCRATIC
NEWSPAPER "RYAZANSKY
VESTNIK",

THE EDITORIAL STAFF OF
RUSSIAN INDEPENDENT
HISTORIC AND HUMAN RIGHTS
DEFENSIVE "KARTA" JOURNAL

HUMAN RIGHTS – FREEDOM OF SPEECH – CIVIL SOCIETY

All the organisation included in the «Karta» Centre have been carrying out human rights defensive and educational work for several years. In the posttotalitarian society the Russian regional Security bodies as well as the majority of the population have no idea of the international human rights standards, the effective mechanism of the rights observing public control doesn't exist, the goal oriented educational work on the above mentioned problem is not carried out according to the desired standard and human rights are often violated. The aim of the project is to create the effective mechanism of the human rights public control in the region and to organize the goal oriented educational work in the field of human rights defence, to study the history of creation and functioning of the totalitarian and democratic model of society organization.

To achieve the goal of the project the «Karta» Centre considers it essential to attain the following objectives:

- collecting the information concerning the facts of human rights violations,
- consulting citizens,
- institution of the public control over Security bodies activity to keep the human rights,
- publication of the periodicals devoted to the problems of the human rights defence with the materials in the recent history of the totalitarian state.

The above mentioned problems can be solved by means of the Public consulting Office for Human Rights Defence (PCOHRD) and the publication of the periodicals with the materials on the problems.

To the notice of those who want to support the struggle for human rights and historical justice restoration in the former USSR: Der Aufmerksamkeit derer, die den Kampf um Menschenrechte und die Wiederherstellung der historischen Gerechtigkeit in der ehemaligen UDSSR unterstützen mochten:

Current account for rendering assistance –

in Germany: N10707269, Bankindex 40050150, Stadtparkasse Muenster, Westf, BRD.

in Poland: N A-00210988 P.K.O. SA ODDZ Olsztyn, ul. Dabrowsczakow 30, Polska.